

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 Т.10 № 4

Специальный номер:
НЕЗАПАДНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
NON-WESTERN TRANSFORMATIONS

**10
лет**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– EMERGING SOURCES
CITATION INDEX

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2019 • Т. 10 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

Александр Жебит, проф., Федеральный университет
Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., академик РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледаев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Е.В. Попов, LL.M. (Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунюв, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Международный научно-консультационный совет

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н.,
проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,
зам. председателя

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия, председатель

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломо-
носова, Москва, Россия, зам. председателя

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №37

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,5
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 21.12.2019
Выход из печати: 28.12.2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2019
© Воскресенский А.Д., 2019
© Сравнительная политика, 2019
© Издательская группа «Юрист», 2019

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2019 • Vol. 10 № 4

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec. 8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec. 9, 2015 (online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Viktor L. Larin, Doctor of History, Professor, Academician, Russian Academy of Science

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Academician, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

International Advisory Board

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia, Deputy Chair

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia, Chair

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia, Deputy Chair

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No.37 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing

Conventional printing sheet – 21,5
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 11 December 2019
Printed: 28 December 2019
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2019
© Voskressenski A.D., 2019
© Comparative Politics, 2019
© Publishing Group "Yurist", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of "Comparative Politics Russia"

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

В.В. Макаренко. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду социальных наук

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

П.В. Шлыков. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы

Е.В. Колдунова. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка

В.Н. Колотов. Идеология Хо Ши Мина в теории и практике национально-освободительного движения Вьетнама

А.П. Бореєв. Сравнительный анализ политических режимов КНР и Китайской Республики на острове Тайвань

К.А. Ефремова. АСЕАН как «нормативная сила»: предметное поле дискуссии

М.В. Харкевич. «Зомия» как модель незападного политического сопротивления

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Н.С. Розов. Дивергенция социальных порядков Европы и России при выходе из средневековья и долговременные политические следствия

5 Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of "Comparative Politics Russia"

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

12 **Vadim V. Makarenko.** On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among Social Sciences

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

34 **Pavel V. Shlykov.** Discussions on the Just World Order in Turkey: Comparative Analysis of Concepts and Foreign Policy Practices of Their Implementation in the 2000's

52 **Ekaterina V. Koldunova.** Regional Transformations in Southeast Asia and the Problem of Just Regional (and World) Order

65 **Vladimir N. Kolotov.** The Ideas of Ho Chi Minh in the Theory and Practice of the National-Liberation Movement of Vietnam

77 **Arseny P. Boreev.** Comparative Analysis of Political Regimes in People's Republic of China (PRC) and Republic of China (ROC)

97 **Ksenia A. Efremova.** "Normative Power" of ASEAN: a Subject for Discussion

108 **Maxim V. Kharkevich.** "Zomia" as a Model of Non-Western Political Resistance

DISCUSSION

120 **Nikolai S. Rozov.** Diverging Social Orders of Europe and Russia after the Middle Ages, and Long-Term Political Consequences

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Н.Ю. Силаев, И.В. Болгова. Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве?

А.В. Михалев. Региональный порядок и трансформация трансграничного водного режима в современной Внутренней Азии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XII Конвент РАМИ. Круглый стол «Региональные порядки и подъем Китая»

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

133 Nikolay Yu. Silaev, Irina V. Bolgova. Vain Wars: Can the Tilly's Model Explain Transformations on the Post-Soviet Space?

155 Alexey V. Mikhalev. Regional Order and Transformation of Water Regime in Contemporary Inner Asia

ACADEME

168 XII RISA Convention. Roundtable Discussion "Regional Orders and the Rise of China"

ON THE BOOKSHELF

169 The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts / ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. 736 p.

171 GUIDE FOR THE AUTHORS

METHODOLOGY AND PRAXIS IN RESEARCHING THE NON-WESTERN WORLD: DIALOGUE BETWEEN ALEXEI D. VOSKRESSENSKI AND FRED EIDLIN* as an Introduction to the Special Issue of “Comparative Politics Russia”

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16.11.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 01.12.2019</p>	<p>Abstract: Introduction to the Special Issue of “Comparative Politics Russia” – “<i>Non-Western Transformations</i>”. In Honor of the “Comparative Politics Russia” author Fred Eidlin. The text is compiled by fragments of a selected correspondence – the exchange of views between professors Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin while preparing methodological articles of F. Eidlin for publication in the journal “Comparative Politics Russia” and other books on Non-Western processes.</p>
<p>About the authors: Prepared for publication by <i>Alexei D. Voskressenski</i></p>	
<p>Key words: non-western world; non-western theory; comparative politics; international relations</p>	

Alexei D. Voskressenski. It seems obvious for the group of Russian researchers who started to analyze processes in the Non-Western World long ago that as a result of political and socio-economic transformations in the late 20th – early 21st centuries, the Modern World entered the new phase of its evolution, in which the Western countries were not at all the only ones that set the parameters of this evolution and the frameworks of its conceptualization. More recently this phase is associated with

the attempt to challenge, indirectly or directly, the concept of post-industrial development put forward by Social Sciences in the West and later substantiated by the western Social Sciences and IR theory. Notwithstanding the extremely sensitive perception of such attempts in the western countries, this fact quite soon was addressed in the contemporary – including western – academic analysis. In Russia these conceptual attempts were concentrated politically not on the plans to “bury the West”

* Текст представляет собой фрагменты избранной переписки – обмена мнениями профессоров А.Д. Воскресенского и [Фреда Эйдлина](#) в связи с подготовкой методологических статей Ф. Эйдлина в журнале «Сравнительная политика», а также подготовкой и рецензированием в международных издательствах книг “Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perception” (World Scientific, 2017) и “Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies” (Palgrave Macmillan, 2017). Первая книга планировалась к изданию в издательстве *Palgrave MacMillan*, с которым был заключен первоначальный договор на издание, но в связи с предложением сократить текст на 50% в конечном счете появилась в полном варианте в сингапурском издательстве *World Scientific*. Вторую книгу опубликовало издательство *Palgrave MacMillan*. Фред Эйдлин принимал участие в обсуждении и рецензировании указанных изданий. Обе книги вышли в 2017 г., в год его скоропостижной кончины, однако Фред успел написать краткий *эндорсмент* (отзыв в поддержку), который был помещен, как это и полагается по международным стандартам, на обороте титульных страниц. Первоначально обсуждение планировалось опубликовать в журнале «Сравнительная политика» в виде отдельной статьи, однако преждевременный уход из жизни Фреда помешал выполнению этого замысла в запланированные сроки. Некоторые положения этого диалога-обсуждения, однако, получили все же отражение в текстах вышеуказанных книг.

but on pragmatically analyzing non-western dynamics in their complexity aimed at building fairer World of Converging Modernities. This approach broadens our view of world transformations, including transformations of a non-western type on extending possibilities for broadening social access as well as exploring more thoroughly specific problems pertaining to non-western countries. Such a discourse makes it possible to follow a rather clear line of transformation in the role and place of the Non-West and of the East particularly in the global and also Russian Social Science. Thus, two set of problems, theoretical and practical, emerged:

– political ones, related to the elaboration of areas (regional sub-systems) tied by certain principles of a regional order not necessarily of western nature but based on modernized political, economic and social understanding including a necessity to broaden conceptualization of such ideas as “non-western democracy”;

– and the necessity to explore possibilities to construct transdisciplinary field of studies being able to incorporate this new evolving agenda on national and international levels.

Fred Eidlin: The model of democracy that emerged in Europe and the Anglo-Saxon world was long taken to be the universal standard for democracy. This model is increasingly being called into question from different directions. On one hand, increasing criticism of the theory and reality of democracy in the Western world has led many politicians, diplomats, and scholars to look to non-Western models of democracy. Calls for different models of democracy are becoming more prominent and widespread in thinking about democratic reform. Yet it is not clear that non-Western countries actually have useful models of democracy to share with the West. On the other hand, modernization in the non-Western world has not been leading in lock step towards approximation of the Western model of democracy. Non-Western regimes have been adapting Western ideals and institutions to local and regional traditions, institutions, and values. Yet it remains unclear whether what they really want is fundamentally different from Western democracy. Political scientists have long classified regimes as democratic, totalitarian, or autocratic. These categories have

also been applied to non-Western countries, although the fit has been growing increasingly uncomfortable. Most non-Western countries have been slotted into the vague residual category of “under-developed” or, more politely, “developing.” It was assumed that, as they modernized, their political institutions and processes would come increasingly closer to the “universal” Western model of democracy. As long as the superiority of Western regimes and the backwardness of non-Western countries seemed obvious, this “universal” standard remained unshaken. “Developing countries” were squeezed into the Western classificatory scheme as “autocracies,” “emerging democracies,” or “hybrid regimes”. However, Western knowledge and understanding of non-Western countries has advanced, and many of these countries have modernized. As a result, the inadequacy of viewing their political development as merely way stations along the road towards the “universal” Western model of democracy has been increasingly recognized.

Alexei D. Voskressenski. A special note should be made in this connection to some works issued in the last decades as in the given case they represent the vector of political-economy studies analyzing the economic role of the East. For example, A.G. Frank’s book, “Re-Orient: Global Economy in the Asian Age”¹ written in the polemics with Professor McNeil² (prof. McNeil’s books are translated into Russian, A.G. Franks’s are not, but Edward’s Said³ book became well known indeed and translated into Russian some twenty years after it was written) is focused mainly on the analysis of the global economy’s structure and dynamics through the prism of the entire system (including the Asian sub-system) rather than just its European segment. In another interesting group of studies, the role of the East in international relations is addressed through the prism of international-historical approach. In this

¹ Frank, A.G. Re-Orient: Global Economy in the Asian Age. University of California Press, 1998. 416 p.

² McNeill, William H. The Rise of the West: A History of the Human Community. University of Chicago Press, 2009. 866 p.

³ Said, Edward. Orientalism. Pantheon Books, 1978. 368 p.

connection should also be mentioned works by C. Bayly⁴, B. Buzan and R. Little⁵, who reach a conclusion that at the given stage the history of international relations should be decentralized rather than reoriented from the West to East. Further concluding idea was put forward in the book edited by A. Acharya and B. Buzan⁶ that the non-Western IR may indeed somehow exist. They also envisaged a possibility for an appearance of the non-Western IR theory as a new phenomenon of really international IR. Some even started to call it Global IR, though the contribution of these non-western additions to this allegedly “global IR” is still contested.

While the afore-mentioned studies certainly do not encompass the whole variety of works that analyze the changing role and position of the East and the West as world macro-regions in contemporary international political and socio-economic relations, they, however, serve a sufficient ground for an unambiguous conclusion: eventually, the positions of those were gaining weight, who insisted on including the non-Western agenda into the political and political-economic analysis of international relations without a regard of whatever the repulsion such stand could cause in the classical “West-centric” or “East-centric” Social Sciences. If we are taking this proposition as a basic one for a further exploration, we must note at the same time, as evidenced by the preceding analysis, through to the present time the studies of the East and of the global policy were never linked directly in the mainstream IR theory except the theories of modernization, development and dependency or the world-systems' analysis which never were at the mainstream of IR theory. In this connection, at the current stage it appears reasonable to identify the two vectors of newly conceptualized comprehensive world or global studies:

The first vector represents the probability of appearance and development of IR concepts of non-western nature, global politics or

comprehensive world regional studies created, among others, by researchers of Eastern countries (or with their direct participation) and based on such non-Western concepts as “Chinese global order”, “Mandala state”, “Buddhist world order”, etc. but not necessarily on the emergence of non-Western theories per se. The second vector would focus attention on extension of other than West-centric constructivist approaches within theoretical constructions of the global and regional levels positioned “between” the universal and exclusively area / country-related approaches. This vector focuses on the comparative analysis of practical aspects of constructing the harmonious international relations through expanding the field of interaction between states and also of trans-regional relations up to the formation of global regions as new highly integrated non-traditional actors in world politics.

Within the latter vector, a segment of the Russian experts in international politics conduct research analyzing the problems of the East and, in particular, East Asia in the context of, and with due regard to dynamics of such phenomenon as the comprehensive global policy. Another subdivision of researchers within this vector concentrated on the constructivist attempts to create alternative visions aimed to fundamentally reshape global configuration. It is not clear yet to what extent they may be productive.

Fred Eidlin: Recognition of the inadequacy of old ways of understanding the non-Western world opens up a new set of problems and sets a new agenda: If old ways of understanding are inadequate, what new ways might be more fruitful? Herein lies the importance and originality of the book “Is Non-Western Democracy Possible?”⁷. It breaks out of the strictures of Western models of democracy and development, and confronts the open question of whether or not a distinct, non-Western model of democracy might be existing. The first part of the book presents its theoretical and conceptual framework, and explores the general characteristics of the political and

⁴ Bayly, C. *The Birth of the Modern World, 1780-1914*. Wiley-Blackwell, 2004. 564 p.

⁵ Buzan, B.; Little, R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford University Press, 2000. 472 p

⁶ Acharya, A.; Buzan B. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia*. Routledge, 2010. 256 p.

⁷ *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. With forewords by Kevin Rudd and by Adam Przeworski. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.

social-cultural aspects of economic regimes in the East and West. The next two parts divide the Eastern world into two broad regions: (1) Africa and the Greater Middle East, and (2) East Asian. Each of these two parts contains chapters that deal with sub-regions. Some of the chapters deal with a single state, others with groups of states that comprise conceptual units that are useful for analytic purposes. The final part of the book presents general conclusions based drawing together the discussions in parts 2 and 3 of specific regions and sub-regions. It concludes with the question that unifies the work: Is a non-Western democracy possible?

Two features make this work a particularly original and important contribution to understanding of democracy in practice, and understanding of politics and government in the non-Western world. First is its organizing concept of “non-Western democracy.” This is not just a catchy phrase or label intended to draw attention. The concept runs through the entire work and methodically unifies it. The proposal claims that it represents “all major points of current debate between the East and the West on the issue of democratic development, political modernization and political changes in Eastern as well as Western societies,” but seen through the Russian eyes. Although I can’t confirm that it actually does represent “all” major points of the current debate, it represents a substantial range of them. It is certainly broader in geographical and theoretical scope than its competitors.

A second original and important feature of the book is that it is written from a Russian point of view, and that represents views of an influential segment of a Russian research, analytical and policy-making community. Most of the team that produced this book are faculty members of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), one of Russia’s most distinguished educational institutions. In addition to being under the Ministry of Education and Science, MGIMO belongs to the Ministry of Foreign Affairs, and is directly connected with the making of foreign policy. The Western scholarly community is not much aware of the richness and magnitude of Russian expertise on the non-Western world. Of all countries in the Western world, Russia is by far the one most

involved with the non-Western world, and this helps explain why the non-Western world receives so much attention in both Russian scholarship and policymaking. Throughout its history, Russia has had far more contact with non-Western peoples than any other Western country. For hundreds of years, there has been a perennial debate in Russia as to whether Russia is a Western country, or whether its identity has been fundamentally shaped by Eastern influences. Large numbers of non-Western peoples have always lived within Russia’s boundaries, and Russia neighbors on many non-Western countries.

Alexei D. Voskressenski: The ongoing global transformations, including globalization, modernization, integration/disintegration trends, have particularly highlighted the uneven nature of international political and economic space. Indeed, the world is not so flat as it was described by Thomas Friedman in his book “The World is Flat”⁸. Various regional segments of this global space generate their own ways of coping with world transformations and living through them. An increasingly complex nature of the international system and the emergence of new actors contribute to the fact that conceptual framing existing within the classical disciplines of IR, Political Theory, International Political Economy or Comparative Politics can no longer explain in full a number of processes originating from a tighter and intricate nexus between local, regional and global dimensions. To assess and fill this lacunae World Regional Studies as a new framework for analysis emerged being a tool to bridge the gap between IR theory, comparative politics, development studies, comparative macro history and comparative international political economy. Indeed, one does not know if theories tested in Western cases have explanatory power in non-Western cases or not, so the discussion is on the need for IR research to incorporate non-Western regions. Thus, we maybe do not need specific theories that solely explain phenomena in non-Western regions. As Johannes Vüllers once observed, “the main methodological problem with the low representation of non-Western cases is that

⁸ Friedman, Thomas. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.

one cannot draw any empirical conclusions about non-Western cases if the theories and the empirical studies of IR ignore these regions”.⁹ Thus, the aim of World Regional Studies as a field of study and as a conceptual framework is to explain the emergence of the new phenomena in international relations and world politics on a regional and predominantly non-Western regional level such as regional complexes, regional subsystems of international relations and, finally, global regions being at the same time in the conformity with the existing international (i.e. Western) IR theories.¹⁰ However, it is still not clear how to teach these new phenomena especially on international level.

Fred Eidlin: Taking “Is Non-Western Democracy Possible?” as an example it is likely to have both interdisciplinary and international appeal. It appears to be of potential interest as a textbook for graduate courses in Comparative Politics, World Politics and the non-Western world. It might be interesting reading for the educated public and professional communities that deal with the non-Western world. Regarding competing works: Inglehart’s “Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies”¹¹ is the competing work that is most closely related to your volume. Conceptually, it looks like a tighter work, being the product of a single author. However, it takes a completely different approach from that of your group of researchers, and appears to be complementary. If I were to teach a course along the lines of your book, I think I would use both books. Alagappa’s “Civil Society and Political Change in Asia”¹² is not a truly integrated study. It

consists of a wide variety of contributions without an integrating theme like the concept of “non-Western democracy” that runs through and integrates the volume. Civil society is in the titles of a majority of the chapters, but not all of them. And it appears that each author uses this already vague term in his/her own sense. Also, the focus is only on Asia. de Bary’s “Asian Values and Human Rights: A Confucian Communitarian Perspective”¹³ is a single author study that deals only with Asia, and has a much narrower focus than your volume. Chu, Diamond, Nathan, and Shin, “How East Asians View Democracy”¹⁴ deals only with Asia and has a much narrower focus than your volume.

My recommendation: I recommend that this book be published as it stands or after minor revisions. I do have criticisms, but they are general, and not serious enough to delay publication. The only problems that need to be addressed before publication are occasional clumsiness in English language usage. These problems are mostly cosmetic, and do not obscure understanding of what is being said. A copy editor should either be able to deal with them as part of the normal copy-editing process, or recommend what needs to be done before copy editing. It is inevitable in a work that brings together so many authors, regions, countries, and kinds of theory, that it could be improved by further integration, clarification, and focusing. I suggest that the editor and contributors keep this in mind as they continue to revise the book. This is especially important with regard to the concept of “non-Western democracy,” which is so central to this work. The concept shares problems similar to those of Max Weber’s “Protestant Ethic.” There is undeniably something real and important behind Weber’s concept, and it clearly represents a breakthrough in understanding. Like the “Protestant Ethic,” the concept of “non-Western democracy,” is ideal-typical and unavoidably somewhat vague. It is therefore

⁹ Vüllers, Johannes. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-regional Comparison as a Way Forward. GIGA Working Papers, 2014, No. 256. P. 21.

¹⁰ Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.

¹¹ Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 1997. 464 p.

¹² Alagappa, M. Civil Society and Political Change in Asia: Expanding and Contracting Democratic Space. Stanford University Press, 2004. 552 p.

¹³ de Bary, Wm. Theodore. Asian Values and Human Rights: A Confucian Communitarian Perspective. Harvard University Press, 2000. 208 p.

¹⁴ Chu, Yun-han; Diamond, Larry; Nathan, Andrew J.; Shin, Doh Chull. How East Asians View Democracy. Columbia University Press, 2010. 328 p.

difficult to know just how to move forward with it. Nevertheless, unlike so much of the empty verbiage that is published in the social sciences, I believe the concept of non-Western democracy can lead to fruitful discussion and advancement of knowledge. If this were merely a proposal, I would be skeptical that the project could be actually be realized. To produce a coherent study involving a team of scholars, dealing with so many countries and bringing to bear such a wide range of theory, almost strains the imagination. Yet, the project has already been realized. You have a translated portion of a prize-winning book that has gone through four editions in Russia. Moreover, since most contributors are colleagues at the same educational institution, revision has been driven by experience using the book in teaching. If you proceed with publication, I would be pleased to provide an endorsement of the final manuscript that could be used to publicize the book.

Alexei D. Voskressenski: I will proceed with both ‘Is Non-Western Democracy Possible?’¹⁵ as well as with “Non-Western Relations Theories”¹⁶. Moreover, there are further problems to be investigated through future research. These are:

– What principles do determine the functioning of non-Western societies?

– What is the role of emerging non-western world regions, especially in the reassessment of the meaning of development?

– Shall we de-westernize modernization and development theory? Shall we de-westernize the West? How can we do it? What are the consequences of these processes?

– If we are de-westernizing regionalism, what is the new correlation between regional norms and international norms? And also, between regional values and international / global values? Do we need a separation of these or a merge into a new normative approach? If this new approach is emerging, when what

¹⁵ Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. With forewords by Kevin Rudd and by Adam Przeworski. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.

¹⁶ Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.

is the possible balance between specifics of the regional components and a global generality?

– How to attest the need for a new interdisciplinarity and for integral research in view of interdependence, and also in view of debates on the necessity of IR theory to attest non-Western phenomena?

– What should be the appropriate methodological approach to address issues raised above? Should we discuss the possibilities for the appearance of a non-Western IR theory or a new framework for analyzing de-westernized global development?

I do not know if I will be able to proceed with these questions alone because they are time and vital energy consuming, but maybe one day people will be ready to contribute their texts on the mentioned issues to the special issue of “Comparative Politics Russia”?

* * *

So, here it is, these people and these texts.

*Prepared for publication
by Alexei D. Voskressenski*

References:

Acharya, A.; Buzan B. Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia. Routledge, 2010. 256 p.

Alagappa, M. Civil Society and Political Change in Asia: Expanding and Contracting Democratic Space. Stanford University Press, 2004. 552 p.

Anderson, Sheldon; Hey, Jeanne A.K.; Peterson, Mark A.; Toops, Stanley W.; Stevens, Charles. International Studies. An Interdisciplinary Approach to Global Issues, Boulder, CO: Westview Press, 2008.

Appadurai, Arjun. Modernity at Large. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Bayly, C. The Birth of the Modern World, 1780-1914. Wiley-Blackwell, 2004. 564 p.

Bell, Daniel A. East Meet West. Human Rights and Democracy in East Asia. Princeton University Press, 2000. 384 p.

Buzan, B.; Little, R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford University Press, 2000. 472 p.

Buzan, Barry; Weaver, Ole. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Chu, Yun-han; Diamond, Larry; Nathan, Andrew J.; Shin, Doh Chull. How East Asians View Democracy. Columbia University Press, 2010. 328 p.

de Bary, Wm. Theodore. Asian Values and Human Rights: A Confucian Communitarian Perspective. Harvard University Press, 2000. 208 p.

Democracy in a Russian Mirror. Ed. by Adam Przeworski. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2015.

Eidlin, F. Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 2, pp. 5-14.

Eidlin, F. The Method of Problems versus the Method of Topics // *Comparative Politics Russia*, 2015, No. 1, pp. 4-15.

Frank, A.G. Re-Orient: Global Economy in the Asian Age. University of California Press, 1998. 416 p.

Friedman, Thomas. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.

Haque, Shamsul M. Restructuring Development Theories and Policies: A Critical Study. Albany, NY: State University of New York Press, 1999.

Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 1997. 464 p.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. With forewords by Kevin Rudd and by Adam Przeworski. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.

Mahubani, Kishore. Has the West Lost It?: A Provocation. Allen Lane, 2018. 112 p.

Mahubani, Kishore. The Great Convergence. Asia, the West, and the Logic of One World. New York: Public Affairs, 2013.

Mahubani, Kishore. The New Asian Hemisphere. The Irresistible Shift of Global Power to the East. New York: Public Affairs, 2008.

McNeill, William H. The Rise of the West: A History of the Human Community. University of Chicago Press, 2009. 866 p.

Said, Edward. Orientalism. Pantheon Books, 1978. 368 p.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.

Vüllers, Johannes. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-regional Comparison as a Way Forward. GIGA Working Papers, 2014, No. 256.

Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Merchant Books, 2013. 132 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10038

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ НЕЗАПАДНОГО МИРА: ДИАЛОГ А.Д. ВОСКРЕСЕНСКОГО И ФРЭДА ЭЙДЛИНА. Вступительная статья к специальному номеру

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 ноября 2018 <i>Принята к печати:</i> 15 декабря 2018</p>	<p>Аннотация: Вступительная статья к специальному номеру журнала «Сравнительная политика» – «Незападные трансформации». Памяти профессора и автора журнала «Сравнительная политика» <u>Фреда Эйдли</u>на. Текст представляет собой фрагменты избранной переписки – обмена мнениями профессоров А.Д. Воскресенского и Фреда Эйдли в связи с подготовкой методологических статей Ф. Эйдли в журнале «Сравнительная политика», а также подготовкой и рецензированием в международных издательствах книг по процессам развития западного мира.</p>
<p>Об авторе: подготовлено к публикации проф. А.Д. Воскресенским</p>	
<p>Ключевые слова: незападный мир; западные теории; сравнительная политика; международные отношения</p>	

Для цитирования: Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of “Comparative Politics Russia” // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 4. – С. 5-11.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10038

For citation: Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of “Comparative Politics Russia” // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 5-11.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10038

ОБ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ЕГО МЕСТЕ В РЯДУ ДРУГИХ НАУК

Вадим Владимирович Макаренко

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 6 июля 2019 Принята к печати: 25 ноября 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем регионоведения – определению объектно-предметного поля новой научной дисциплины. В данной статье рассматриваются объект и предмет исследования в комплексном регионоведении, взаимоотношения между регионоведением и регионалистикой. Интерес к этой проблеме обусловлен становлением регионоведения и регионалистики как нового направления науки. Автор предлагает рассматривать регион как понятие, отражающее важнейшие свойства всех типов изучаемых явлений – областей, краев, стран, объединений стран и мира в целом – как геосоциальных систем. Несмотря на самостоятельность стран как акторов на глобальной сцене, все они являются составными частями мир-системы, будучи тесно связанными с ней, как и внутри себя, бесчисленными транзакциями, в совокупности составляющими суть явления, обозначаемого понятием регион, которое представляет собой территориально обусловленную (под)систему разделения труда. Все локальные подсистемы иерархически замыкаются на мир-систему, частями которой они являются. Мир-система – это предельный размер объекта в регионоведении, в зависимости от которого находится вся проблематика регионоведения.</p>
<p>Об авторе: к.э.н., заведующий кафедрой теории регионоведения, МГЛУ e-mail: makarenko.vadim@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регион; регионоведение; регионалистика; мир-система; географическая среда; геосоциальный объект</p>	

Рассматривая проблематику «Регионоведения», важно определить, что такое регионоведение как наука. Регионоведение – это область общих представлений о развитии стран, объединений стран и мира в целом. Цель – объяснить закономерности развития стран в целом и выявить специфику развития каждой страны. *Регионоведения – это разработка базовых, теоретических понятий*, на которых строятся представления о состоянии и функционировании регионов (стран, объединений стран и мира в целом). Регионоведение включает изучение методов исследования регионов. Основная задача методологии любой науки заключается в обеспечении процесса познания системой строго выверенных и прошедших апробацию принципов, методов, правил и норм. В регионоведении дело усложняется тем, что это комплексная дисциплина, которая интегрирует много частных сторон объекта,

которые ранее изучались и до сих пор параллельно изучаются методами других наук. Общая методология науки применяется при решении задач, проблем конкретных наук. Предметом данной статьи является методология регионоведческих исследований.

Регионоведение – комплексная наука

Объектом исследования в регионоведении является географическая среда, как системная совокупность ландшафтной оболочки Земли и неотъемлемо вписанного в нее общества. Регионоведение, наряду с собственными методологическими установками, использует методы других наук для проведения регионоведческих исследований. Более того, междисциплинарные, а сейчас принято говорить, трансдисциплинарные исследования весьма плодотворны. Регионовед должен обладать обширными

теоретическими и практическими знаниями, чтобы иметь возможность широко применять системный, комплексный и сравнительный методы, как основные методы в регионоведении и регионалистике.

Объект регионоведения – геосоциальная среда, включающая в себя в единстве природу и общество, а именно: ее возникновение и развитие, а также законы и закономерности развертывания этого процесса на Земле. В этом плане регионоведение предлагает новую парадигму исследований, поскольку ранее все общественные науки объектом своего исследования считали общество, упоминая, безусловно, об отношении человека к природе, но не делая природу столь же важной частью объекта исследования, как и само общество. *Вектор регионоведческих исследований* устремлен в настоящее, поскольку задача регионоведческих исследований объяснить современное состояние общества, но, стремясь наиболее полно охарактеризовать свой предмет изучения, ту или иную страну, объединение стран или мир в целом, или какое-то частное отношение, регионоведение раскрывает генезис нынешнего состояния объекта, т.е. условия и факторы его появления, поэтому заинтересовано в глубоком понимании истории развития того или иного объекта, его генезиса. *Размах регионоведческих исследований* предельно широк, поскольку характер исследования требует сравнения и установления связи между процессами и явлениями буквально во всемирном масштабе, поэтому реально следует говорить именно о мировом комплексном регионоведении.

Регионоведение фокусируется на причинах неравномерности или неодинаковости развития стран, стремясь объяснить эти различия. Оно занято выявлением причин неравномерного развития, сводя это не к проявлению божьей воли, национального превосходства или экономического успеха, как это было в прежние века, а объясняя это совокупностью условий комплексного развития той или иной страны, а также особенностями ее взаимодействия с другими странами. Серьезное внимание к анализу факторов производства возникло сравнительно поздно, в XVIII–XIX веках. Пред-

течей регионоведения надо считать Адама Смита (1723–1790), чья работа «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776)¹ написана на классическую регионоведческую тему в рамках целостного (холистического) восприятия действительности², которое затем на какое-то время исчезнет. Тема неравномерного социально-экономического развития стран или объединений стран остается важнейшей для регионоведения и сегодня. Но, помимо этого, оно стремится ответить на другие важные вопросы. Что является драйвером (движителем) социально-экономического развития? Является ли стадийно-формационное развитие общей закономерностью? Чем отличаются формации? В чем причина региональной специфики развития? Почему в Европе произошел переход к капитализму, а в Азии капитализм возник только в результате внешнего воздействия уже как момент в развитии, вобравшей их в себя, но когда-то внешней по отношению к азиатским странам среды? Благодаря использованию каких механизмов становится возможным успех догоняющего развития? Каковы пределы

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf [Smith, A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov (The Wealth of Nations). Mode of access: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf]

² «У Смита был грандиозный, чудовищно грандиозный план. Он хотел, ни больше ни меньше, как дать миру целую социальную систему, охватить все стороны деятельности человека как социальной единицы. Он хотел показать, каким образом уединенный, изолированный человек (или раса), наделенный от природы немногими способностями, развивается и приобретает многие способности путем общения и сношения с такими же другими людьми (или расами); каким образом из дикаря-шотландца незапамятных времен вырабатывается просвещенный шотландец XVIII столетия». Яковенко В.И. Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/202915> [Jakovenko, V.I. Adam Smith. Ego zhizn' i nauchnaia deiatel'nost'. Biograficheskii ocherk (Adam Smith. His Life and Scientific Activity. Biographical Sketch). Mode of access: <https://biography.wikireading.ru/202915>]

экономического роста той или иной страны? Ответ на эти и другие вопросы регионоведение дает через анализ закономерностей развития стран как геосоциальных объектов.

Объект и предмет исследования в регионоведении

Объект исследования – это некая объективная реальность, которая находится вне познающего субъекта, но при этом она не вполне независима от него, поскольку находится в тесном взаимодействии с ним, так как «выделение объекта осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности»³. Отсюда необходимость теоретического обоснования объектно-предметной области регионоведения, поскольку в зависимости от того, как будет определена эта область, таковы будут направления и результаты исследований.

Теоретически у всех геосоциальных наук один объект исследования – это общество со всеми его связями и опосредованиями, включая широко понятую природную среду, частью которой является общество. В силу субъективности исследователя и различия исследовательских подходов различные науки по-разному видят один и тот же объект, поэтому они своими методами ограничивают ту часть объекта, которая достаточна для изучения своего предмета. *Каждая из общественных наук в обособленной ею части единого объекта выделяет свой предмет.* Например, политическая сфера является объектом исследования политологии. Вопрос, достаточно ли этого сегмента (сферы) реального геосоциального образования, чтобы сделать обособленные выводы на счет предмета политологического исследования. Успех исследования во многом зависит, насколько полно охвачен объект исследования.

³ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

Предмет исследования – это то, на что направлено конкретное исследование. Объективно исследователь не может взяться изучать объект полностью, поэтому должен сосредоточиться на каком-то определенном аспекте, грани реального объекта, которую каждое исследование стремится наиболее полно и точно отразить, постоянно соотнося ее с объектом. Но это можно сделать, если есть представление об объекте в целом, которое воспринимается исследователем как часть уже проделанной предшественниками работы, которая предварительно дана в теории. Любое исследование опирается на теоретические наработки, которые и составляют «исходную эмпирическую основу, которая включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу – множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории; 3) логику теории – множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания»⁴. Это – база, теоретические основы (онтология), и без такой кооперации ученых было бы невозможно детальное изучение объекта, поскольку бы каждый ученый начинал работу заново. Но это и чревато опасностями, поскольку дискурс (общее представление об объекте), возникающий в результате такого коллективного изучения, может оказаться неправильным или не совсем правильным. Предмет выбирается в зависимости от целей и задач исследования, но выбор, прежде всего, зависит от изученности вопроса и от тех методов, которые есть в арсенале науки и которыми должен владеть каждый исследователь. Но часто для достижения нового знания требуются новые методы. Сложность регионоведения в том, что оно понимает объект предельно широко, а увязка широты объекта и предмета исследования осуществляется за счет использования комплексного системного метода.

⁴ Ibid. С. 676-677.

Регионоведение – новая дисциплина

Регионоведение появилось в связи с изменением качества информационной среды, поскольку благодаря компьютерным базам данных стал доступен огромный объем информации различных наук, а сами они получили достаточную методико-теоретическую разработку, что позволяет заниматься комплексным рассмотрением предмета, тогда, как ранее достаточный объем информации по той или иной дисциплине, а тем более ее теоретические основы были доступны только специалисту, посвятившему долгие годы ее изучению. Информационные потоки, а также разделение труда в научных исследованиях были зарегулированы таким образом, что это блокировало междисциплинарные и межрегиональные исследования. В настоящее время поиск и отбор необходимого материала сейчас может происходить крайне быстро, что позволяет использовать огромный объем разнообразной и разноплановой информации для комплексного исследования.

С одной стороны, это – позитивно, поскольку перед исследователем открываются большие перспективы и можно принципиально иначе ставить многие вопросы не просто на стыке наук, а системно охватывая ранее самостоятельные области знания. С другой стороны, есть и негативные последствия: пока слабо развита система научных социальных институтов, мало исследователей – профессионалов и регионоведческих видов научно-познавательной деятельности, имеющих целью получить полное представление о конкретных странах, объединениях стран или глобальных процессах в мире, до сих пор многие ученые заявляют о своей узкой специализации, открещиваясь от регионоведения, объявляют себя экономистами, социологами, историками, или заявляют об еще более узкой специализации, например, на каком-то очень коротком историческом периоде или каком-то особом предмете исследования, поскольку такая узкая специализация еще и сегодня по инерции рассматривается как преимущество или признак научности исследования.

Место регионоведения в системе наук

Помимо новой информационной ситуации, важно понять, почему регионоведения не было, по крайней мере, в его нынешнем виде как комплексной научной и учебной дисциплины в советское время.

Является ли его появление в 1990-х годах данью моде, заимствованием с Запада, или же это – результат изменений в системе наук, в том числе и в отношениях между общественными науками в России? Могло ли перераспределение объектно-предметных задач исследования между геосоциальными (природно-социальными) науками, которое произошло в результате коренных социально-экономических и политических изменений в российском обществе, привести к высвобождению и кристаллизации такой объектно-предметной области исследований, которая обусловила появление новой науки – регионоведения? Обладает ли регионоведение, которое позиционирует себя как комплексная дисциплина, собственным методом исследования и адекватным ему методом, или же оно лишь агрегирует (компилуруя) знания о природно-социальных объектах, полученные другими науками? В зависимости от ответов на эти вопросы, формируется программа научных регионоведческих исследований.

Ответить на эти вопросы непросто. Среди регионоведов до сих пор нет единодушия в вопросе, что является объектом и предметом изучения в регионоведении. Цели и задачи, стоящие перед регионоведением, авторы формулируют по-разному. Можно спорить, является ли регионоведение одной из политологических наук, как указано в ФГОС по «Зарубежному регионоведению», или же оно относится к сфере экономической и социальной географии, которые имеют раздел экономическая география и регионалистика, или же – к экономике, где также есть раздел региональная экономика. На то, чтобы считаться науками-прародительницами регионоведения, претендуют общая и теоретическая география. Можно рассматривать регионоведение как направление исторической социологии, а также связать его с историческими науками

или исторической географией. Это свидетельствует о том, что регионоведение появилось на пересечении, или наложении друг на друга, объектно-предметных полей различных наук. Ясно, что это сближение связано не с тем, что эти дисциплины недостаточно дифференцировались в предшествующий период, а, наоборот, с тем, что представители разных наук в рамках своих компетенций предпринимают попытки осуществить синтез разнородных знаний о мире, который как объект исследований по своим масштабам и сложности далеко выходит за установленные прежде рамки частных наук. Иными словами, объект исследований сегодня стал настолько глобальным как с точки зрения охвата мира, как и с точки зрения его развития вглубь, что он требует нового уровня сложности в своем рассмотрении.

Ключ к пониманию существа регионоведения лежит в определении того, что же является объектом исследования методами данной дисциплины. Сейчас определение категории регион⁵, которое является ключе-

⁵ «Советскими географами, даже в теоретических, не предназначенных для массового, популярного использования текстах, термин «регион» не применялся – вместо него использовалась дефиниция «район», что было связано с характерной для советской географии стратегией существования и развития, зиждившейся на признании принципиальных различий и противоречий между СССР и капиталистическим Западом [Агафонов Н.Т., Лавров С.Б. О принципиальных различиях между капиталистическими и социалистическими районными территориально-производственными комплексами] и основанной на собственном противопоставлении «буржуазной» науке. Под «районом» в советской географии, как правило, понималась «территория по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью, целостностью составляющих элементов». При этом Э.Б. Алаев признавал, что «в большинстве зарубежных стран он не употребляется – ему соответствует термин “регион”», указывая на возможность использования понятия «регион» и в советской географии в тех случаях, если те или иные территории / пространства имеют признаки, которые «не позволяют подвести их под другие термины» [Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология]. Кирчанов М.В. Советская

вым для дисциплины, оказывается весьма спорным. Эти споры показывают, насколько разнятся точки зрения на существо и генезис регионоведения как научной дисциплины. Высказываемые взгляды – часто полярные. Отсюда появились расхожие утверждения, что регион – это не категория, а размытое (по сути, каждый раз конструируемое заново) понятие, содержание которого зависит от того, какого рода исследованиями занимается автор.

В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский определяют регион как «*образования, обладающие некоторой целостностью* или же спецификой (или «социокультурным кодом [понятие ввел Поль Видаль де ла Блаш], интегрирующим местную трансформацию природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков»⁶). В таком виде это понятие можно приложить и к району в стране, и к

география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионоведческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159. [Kirchanov, M.V. Sovetskaia geografiia kak nauchnaia «prarodina» sovremennogo rossiiskogo regionovedeniia (problema genezis regionovedcheskikh issledovani) // *Regional'nye issledovaniia* (Soviet Geography as a Scientific “Ancestral Home” of Modern Russian Regional Studies (The Problem of the Genesis of Regional Studies) // *Regional'nyye issledovaniya*, 2015, No. 1, pp. 153-159.]

⁶ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с. [Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. Regionovedenie (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.]. «Обзор множества дефиниций (понятия регион. – В.М.) показывает, что их сходство, по сути, исчерпывается пониманием региона как части некоего пространственного целого» (Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32. [Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The Concept of “Region” and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.]). Т.е. все, на чем сходятся регионоведы, это – то, что их объект носит «пространственный» характер, или так или иначе привязан к территории. В остальном, как и в других науках, объекты – это целостные сущности, обладающие определенным поведением.

самой стране, и к международной группировке, да и к миру в целом. Понятие регион у В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского не сильно отличается от того, что в советские времена называлось «районом», другое дело, что чисто семантически страну районом не назовешь, поэтому слово регион с его непрозрачной этимологией оказалось очень удобным «в качестве наиболее общего, родового обозначения любой единицы организации пространства, независимо от ее масштаба (таксономического уровня) и сущностной, качественной природы конструирующих ее связей»⁷. Конечно, в экономической географии, которая доминировала в советское время, район уже не был чисто административной единицей, произвольно сконструированной исключительно для удобства управления сверху⁸, а обрел внутреннюю целостность, отличался определенной внутренней организацией, которую эти авторы и определяют, как социокультурный код.

В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский считают, что «регионоведение изучает региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений», т.е. они позиционируют регионоведение предельно узко как один из аспектов изучения международных отношений. Получается, что, по Дергачеву и

Вардомскому, регионоведение – это описательная дисциплина, которая отличается от страноведения или краеведения лишь уровнем изучаемых ею объектов. Более того, регионоведение, по их мнению, не занимается объектами соответствующего уровня в целом, а сосредотачивается исключительно на процессах интеграции на уровне международных (наднациональных) регионов, т.е. объекты становятся интересными регионоведению лишь в том случае, если они участвуют в международных отношениях.

Такой подход заведомо лишает регионоведение серьезного научного потенциала, ставя его в один ряд такими с уже выведенными за грань науки вспомогательными описательными дисциплинами, как страноведение и краеведение. Последнее, как признают авторы, уже практически отдано на откуп «местным энтузиастам»⁹. В лучшем случае при таком подходе регионоведение – это направление подготовки кадров региональных администраций, занимающихся реализацией международных проектов, и носит исключительно практический характер. На это можно возразить, что даже подготовка кадров для различных направлений международных отношений должна носить более глубокий характер. Нельзя согласиться с позицией, что зарубежное регионоведение предназначено для обеспечения международной деятельности, как раньше востоковедение служило подспорьем для деятельности колониальных чиновников, разъясняя им, что можно и чего нельзя делать во вновь осваиваемых странах¹⁰. Не может быть современной науки с таким ограниченный объектом исследования: современный тренд развития науки – это интеграция, а не дифференциация наук.

Иной подход предполагает миросистемный анализ, который, рассматривая объект исследования, констатирует: «На-

⁷ Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32. [Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The Concept of “Region” and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.]

⁸ «Районирование есть деление населённой территории на части – районы. Район от французского *rayon* – радиус, луч, то есть округ, или местность, очерченная неким радиусом, который уже в силу своего определения подразумевает центр». Родоман Б. Нужна ли России реформа административно-территориального деления? / Проза.ру. Режим доступа: <http://proza.moscow/2017/11/12/2065> [Rodoman, B. Nuzhna li Rossii reforma administrativno-territorial'nogo deleniia? (Does Russia Need a Reform of the Administrative-Territorial Division?) / Proza.ru. Mode of access: <http://proza.moscow/2017/11/12/2065>]

⁹ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с. [Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. *Regionovedenie* (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.]

¹⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

циональные государства (не говоря уже об субнациональных образованиях. – *В.М.*) не могут быть самостоятельной и самоценной единицей изучения, что бы нам не предписывала национальная гордость и министерства науки. Как в астрономии объект исследования в принципе един – Вселенная, так и в социальной исторической науке единицей исследования должна быть вся миросистема. Только в рамках миросистемы возникают и могут продуктивно исследоваться две основные институциональные опоры современности – государства и рынки»¹¹. Добавим, что это относится и к различным интеграционным объединениям.

Позиционируя регионоведение как описательную дисциплину, В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский пытаются в качестве методологической основы регионоведения представить регионалистику, как «междисциплинарную науку, синтезирующую пространственные подходы и изучающую объективные процессы регионализации (политической, экономической, культурной) международных отношений под воздействием факторов глобализации. Она изучает объективные (? – прим. В.М.) процессы формирования территориальных сообществ (межгосударственных, государственных и внутригосударственных), стремящихся наиболее эффективно использовать внешние и внутренние факторы развития и противостоять вызовам глобализации»¹². Однако предлагаемый ими обзор пространственных подходов – это не целостная концепция, или теория, а несистемный и некритический перечень многочисленных, в основном зарубежных, концепций регионального роста и развития. Они, главным

образом, связаны с тем или иным вариантом размещения производства, позиционируемого относительно рынков сбыта и источников сырья, особенностей расселения населения, как с фактором ускорения экономического роста того или иного района (региона) страны или мира (отсюда и название «регионалистика»: по модели публика – публицистика, регион – регионалистика). В этом плане регионоведение, а тем более регионалистика оказывается в лучшем случае частью экономической науки, занимающихся современностью. Причина такого формально прагматического методического подхода В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского заключается в их отказе от попыток критического развития (преодоления) теории общественно-экономических формаций, или замены ее какой-то другой, органичной и целостной концепцией. Среди рассмотренных ими концепций регионального развития марксистская теория общественно-экономических формаций вообще не представлена, если не брать краткого обзора концепции Им. Валлерстайна, о марксистских наклонностях которого не сказано ни слова. С таким методологическим подходом трудно согласиться.

Понимание системных процессов, какими являются модернизация, глобализация, регионализация и другие процессы в современном мире, как особенностей развития мир-системы требует, чтобы объектом изучения в регионоведении была сама мир-система, а в центр внимания были поставлены законы или закономерности ее генезиса и развития, смена формаций и стадий в ее развитии, как правило, сопровождающаяся сменой страны-лидера. Изучение этих, безусловно, теоретических проблем и должно составлять основу теории регионоведения, а отнюдь не текущее социально-экономическое и политическое состояние регионов специализации, на что обычно ориентируют регионоведов. Проблема не в нынешней эпохе глобализации, которая охватывает весь мир, затрагивая социально-экономические и политические процессы во всех его уголках, а в том, что эта новая эпоха (стадия в развитии капитализма),

¹¹ Дерлугьян М.Г. Самый неудобный теоретик // Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. С. 5-42. [Derlug'ian, M.G. Samyi neudobnyi teoretik. (The Most Inconvenient Theorist). In Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS:LENAND, 2018, pp. 5-42.]

¹² Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

какими в свое время были эпохи колониализма и империализма¹³, представляет собой новую стадию в развитии современной мир-системы, поэтому невозможно изучать наднациональный уровень, или любой другой уровень, или даже единичные объекты (поселения, города, агломерации), в отрыве от национального, регионального (наднационального) и мирового уровней, как невозможно изучать часть в отрыве от целого.

В каждый конкретный период исторического развития мира в содержание понятия мир-система вкладывается разный по географическому охвату смысл: античный мир включал Ближний Восток, Северо-Восточную Африку и часть Средиземноморья, мир европейского феодализма был практически ограничен Западной и Центральной Европой, только в XVI веке мир-система капитализма стала всемирной, хотя еще долгое время этот охват мира был поверхностным, и только сейчас она включает весь мир на существенную глубину, что получило название глобализма.

Соответственно, не может быть геосоциальных наук, которые занимаются изучением отдельных уровней или объектов, т.е. не может быть ни глобалистики, ни регионоведения, ни страноведения, ни краеведения как самостоятельных научных дисциплин, но эти уровни развития мир-системы являются предметами исследования в регионоведении.

Глобальный (всемирный), региональный (чаще всего, континентальный) и национальный уровни – это основные структурные уровни, на которых разворачивается и функционирует нынешняя целостная глобальная (по охвату мира как вширь, горизонтально, так и вглубь, вертикально) система, которая едина во всех своих проявлениях, и только она может быть объектом научного (системного) исследования. При этом невозможно противопоставлять эти уровни один другому как первосте-

пенные или второстепенные, поскольку они присущи системе, которая не может функционировать, расти и развиваться без внутренней уровневой и территориальной дифференциации¹⁴, поэтому невозможно изучать только один уровень, не обращаясь к другим, один регион – без других. Не может быть краеведения в противовес страноведению, страноведения – в противовес регионоведению, а регионоведения – в противовес глобалистике. Хотя, безусловно, требование видеть объект системно предполагает выделение доминирующего в каждый конкретный момент в системе уровня (объекта на определенном уровне / стадии развития) как задающего направление развития всей системы. Таким уровнем в современном мире является глобальный уровень, но он не растворен в мире, а локализован в ядре современной мир-системы, которым является широко понятый Запад. Взаимодействие частей мир-системы осуществляется через глобальные по размаху международные отношения. Но это не означает, что можно недооценивать региональный (континентальный), национальный и даже субнациональные уровни.

Сегодня на примере политики президента США Д. Трампа мы видим, что внутренние проблемы США, даже можно сказать проблемы их отдельных регионов, серьезно влияют и трансформируют на международные отношения как в Северной Америке (НАФТА), так и в мире в целом (отказ от ТТП, ТТТИП, торговые войны, новые условия продолжения сотрудничества в рамках НАТО, выход из всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме). Но, решая проблемы своей страны, США используют для этого свои лидирующие позиции в ядре мир-системы, что ярко проявляется в эгоизме и парадоксальной ограниченности внешней политики США.

¹³ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426. [Lenin, V.I. Imperialism, kak vysshiaia stadiia kapitalizma (Imperialism as the Highest Stage of Capitalism) // Lenin, V.I. Poln. sobr. soch. Vol. 27, pp. 299-426.]

¹⁴ Ядро – полупериферия – периферия – это одновременно и уровневая, и территориальная дифференциация мир-системы, поскольку каждый уровень имеет свое геосоциальное воплощение, т.е. представлен регионом как интегральной частью мир-системы.

Системная природа мира

Между всеми частями системы современного мира существуют отношения взаимовлияния, хотя в системе есть доминанта, которая задает направление изменений, но и она испытывает обратное влияние. Такие образом, все части мир-системы под взаимным влиянием претерпевают существенные изменения, провоцируя дальнейшие изменения в мир-системе. Соответственно, любой предмет исследования, в качестве которого выделяется какая-то часть или какое-то отношение в системе, должен восприниматься как включенный в отношения со всей системой, являющейся по отношению к нему объектом исследования. Тенденции к глобализации, (международной) регионализации и локализации (включая национальный и субнациональный уровень) беспрестанно переплетаются, закономерно порождая или необходимо трансформируя части системы, которые в силу историко-географического и этнографического своеобразия зачастую оказываются уникальными объектами, или регионалистами разного рода. Регион как реальный объект, или регионализм, представляет обусловленную спецификой ландшафтохозяйственной ниши систему общественного разделения труда. Регионализмы – это постоянно модифицирующиеся части глобальной системы, которые в зависимости от своих свойств по-особенному преломляются в своем комплексном развитии воздействием внешних по отношению к ним факторов. Локальная система разделения труда модифицируется в рамках глобальной системы, или мир-системы. Но это не означает, что процесс развития мир-системы идет автоматически и без остановки, потому что подобные процессы, достигнув материальных пределов развития (исчерпания экологической емкости изолированных территорий), могут затухнуть, как это похоже сейчас происходит с нынешней Японией и ЕС. Конечно, мир-система вряд ли позволит им перейти в состояние гомеостазиса, как когда-то это произошло с изолированной токугавской Японией во второй половине XVIII века, где в связи с исчерпанием

доступных ресурсов прекратился демографический рост.

Принципиальный, ключевой вопрос изучения любого объекта (страны, группы стран) – это вопрос о движущих силах развития мир-системы (мира) и ее частей. На него невозможно ответить, если объект исследования ограничен только обществом. Неудачной была марксистская попытка представить революции как «локомотивы истории». Прогрессивное развитие мир-системы как геосоциального образования предполагает существенный выход за рамки уже освоенной территории, именно значительное опережающее расширение географического пространства, доступного странам ядра системы для освоения оказывается решающим фактором смены форм организации самой мир-системы, которые преодолеваются как недостаточные, или даже враждебные для освоения этого дополнительного пространства. Таким образом, движитель развития мира заложен в данной обществу для освоения территории в начале Земли, а теперь дополнен и космосом, уже ставшим фактором нового уровня развития технологий. Ресурсная база доступной для освоения территории создает стимулы к развитию. Ее отсутствие кладет предел экономическому росту, как мы это видим сейчас в Европе и Японии, или Китае, который предпринимает отчаянный рывок в попытке расширить доступную ему для освоения территорию мира.

Регионалистика изучает регионоведческими методами внутрисистемные образования (регионализмы), в том числе и процессы изменения системы их территориального размещения (в связи с возникновением, исчезновением, трансформацией, в том числе и с изменением взаимного расположения, или перегруппировки составляющих их частей) производства в их пределах, чтобы создать их образ, рассматривая их как внутренние порождения (производные) мир-системы. Мир-система преобразует свою внутреннюю структуру за счет увеличения числа и сложности связей, дифференциации частей и особенностей локализации транзакций (в результате взаимодействия частей системы), в том числе и смены лидеров и

центров экономического роста, происходящей в конкретной географической и социальной среде.

Объект исследования в регионоведении должен охватывать явление полностью, во всем объеме, чтобы можно было видеть рассматриваемый предмет структурно как взаимосвязанное целое и во всех связях и многообразных опосредствованиях¹⁵ как самого целого, так и его частей. Соответственно, регионоведение не может быть полноценной наукой, если объект ее изучения понимается усечено. Вывод один: ни края, ни республики, ни страны или группы, или объединения стран не могут быть предельным объектом в регионоведении (конечными «единицами анализа»¹⁶), объект изучения един – это современный мир, или мир-система¹⁷, в рамках которой существуют все современные межгосударственные союзы и объединения, государства и их субнациональные образования, и институциональные и неинституциональные негосударственные акторы разного рода, типа партий, ТНК. Им. Валлерстайн дает определение мир-системе как предельному объекту изучения: «Миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам»¹⁸.

Им. Валлерстайна определяет свою теорию как миросистемный анализ, т.е. объектом исследования в ней является мир-система. То, что мир-система представляет собой не просто пространственное, а определенное территориальное образование, т.е. именно материальное образование, яв-

ляется ее географической сущностью, а то, что она охватывает многие политические и культурные единицы, не существующие вне создающего их населения, – это ее социальная сторона. Мир-система и ее составляющие имеют одновременно и географический, и социальный (общественный) характер. Главные свойства мир-системы – ее двойственная природа и системность, последнее качество выражено в ее названии. Ландшафтная оболочка, или ландшафтно-хозяйственная ниша, – это не окружающая среда для мир-системы, а неотъемлемая часть ее внутренней структуры, для которой характерна иерархичность и многоуровневость как в построении, так и в функционировании. Между частями этой системы складываются определенные отношения, для которых характерна устойчивость и повторяемость, что позволяет выявлять законы развития и функционирования системы. Закон – это «необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями»¹⁹.

Осознание сложности строения мира побудило российских географов «предположить существование науки, изучающей взаимодействие природных и общественных объектов в совокупности: общей географии, наряду с ФГ и ЭГ. Ее объекты – территориальные совокупности природных, социально-экономических и переходных между ними (природно-технических) систем»²⁰. Если переносить это определение на регионоведческую матрицу, то общая география должна была бы изучать те вопросы, которыми занимается регионоведение, а физическая география и экономическая (или социальная и экономическая) география – выполнять функции регионалистики, изучая объекты системы,

¹⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Издательство Питер, 2002. 720 с. [Rubinshtein, S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* (Fundamentals of General Psychology). Saint-Petersburg Publishing house "Peter", 2002. 720 p.]

¹⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

¹⁷ Ibid. С. 84.

¹⁸ Ibid. С. 85.

¹⁹ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

²⁰ Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskaya i sotsial'naya geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.]

создавая их характеристики. Это был важный шаг, но с учетом того, что он был сделан уже после распада СССР и падения коммунистической идеологии, это – шаг довольно-таки запоздалый, а главное односторонний, перегиб пошел в сторону географических наук, которым была отведена ведущая роль. Но изучение только географической и связанной с ним геоэкологической составляющих мира недостаточно, чтобы судить об объекте такого масштаба и такой сложности, каким стал современный мир, поскольку была недооценена (скорее всего, сознательно в силу политических предпочтений) его вторая – общественная – сторона, которая требует максимально полного представления об общественных процессах. Географы, рассчитывая перехватить пальму первенства, сделали чрезмерный упор на географическом подходе, дополнив его анализом лишь социально-экономических отношений, чего оказалось недостаточно. Причина в том, что экономическая социальная география (ЭСГ) традиционно крайне ограниченно включает в сферу своих исследований человеческое общество в его полноте, т.е. по сути географы отбрасывают политологию, социологию. Сторонники теоретической географии подчеркивают: «Теоретическая география мыслилась как теоретическая сердцевина пространственного анализа»²¹. Иными словами, они сводят изучение объекта исключительно к пространственному анализу, видя в этом специфику географического метода, но без анализа общества, которое как раз придает жизнь и звучание этому пространству, этот анализ не способен выявить причины развития и функционирования изучаемых системных объектов, он бессмыслен. Кроме того, определение объектов изучения в ЭСГ как «территориальных совокупностей... систем» также недостаточно, поскольку речь должна идти о единой системе. В ЭСГ речь идет мно-

²¹ Шупер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. №2. С. 112-119. [Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat'i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaja*, 2010, No. 2, pp. 112-119.]

жественных объектах, а не об единичном. И это неслучайно: «Наличие более или менее обособленного пространственного сочетания в ее пределах – главное основание для признания объекта географическим»²². Если теоретическая география занимается анализом особенностей размещения на местности множественных географических объектов, то миросистемный анализ, который рассматривается нами как, по сути, регионоведческий, предполагает единство и системную целостность изучаемого глобального объекта. Этим регионоведческий метод отличается от географического. Изменение месторасположения объектов не обусловлено лишь внутренними причинами, поэтому даже эту задачу невозможно решить вне расширяющегося контекста. Объект в ЭСГ не един и не единичен, потому что теоретическая география не может предложить инструментарий (метод) анализа объекта такого масштаба, который бы сам по себе охватывал весь Земной шар, несмотря на то, что на словах заявляет это: «Предельным объектом познания СЭГ является заселенная, освоенная или иным образом вовлеченная в орбиту жизни общества часть географической оболочки Земли с ее пространственными структурами хозяйства и формами организации жизни общества»²³. Заявка верная, но, чтобы выйти на этот уровень объектно-предметного анализа, надо теоретически объяснить, почему и как вся ландшафтно-экологическая оболочка Земли оказалась освоена человечеством таким образом, а как раз этого географы делать не собираются. В лучшем случае ЭСГ берется за объяснение особенностей наличного взаиморасположения хозяйственных объектов, или «территориальной организации населения и хозяйства» (см. схемы В. Кристаллера, А. Лёша и др.), но она не ставит перед собой цель объяснить, почему и как развивается мир, меняя свои формы или, наоборот, погружаясь в гомеостазис (застой), на какой-то

²² Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskaja i sotsial'naja geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.]

²³ Ibid. С. 9.

период утрачивая потенцию к прогрессу. Т.е., если сказать образно, вместо объяснения совокупности атмосферных процессов и ответа на вопрос, почему и как изменяются климат, предлагают ограничиться объяснением разнообразия форм снежинок, что, несомненно, интересная задача, но совершенно другого порядка. Продолжая метафору, можно сказать, что людей интересует прогноз погоды, но, по мере изучения климата, они начинают интересоваться прогнозом на предельно возможное время, что требует представления о климатических процессах в целом.

Части мир-системы и саму мир-систему, как бы они ни назывались в реальной жизни (районы, страны, блоки, союзы) как предметы изучения в регионоведении *следует называть регионализмами* в отличие от понятия регион как абстрактной категории, отражающей общие признаки, свойственные этим системным геосоциальным объектам. В своем реальном качестве материальных объектов действительности районы, страны, объединения стран (Ленинский район, Поволжье, Ульяновская область, Россия, ЕС) не нуждаются в каком-то ином дополнительном определении, потому что это внесет путаницу, как это и происходит сейчас. Но все они могут называться регионами как родовым понятием, обозначающим геосоциальные объекты, имеющие общие свойства: территориальную протяженность, конфигурацию, геоположение, население и другие свойства, которые находятся между собой в системных отношениях, связанных с воспроизводством жизни. Регион и регионализмы, включая саму мир-систему, соотносятся как общее (регион) и особенное (регионализмы), регион – более широкое понятие, а регионализм – более узкое²⁴, а реально существующие мир-система, с одной стороны, и районы, страны и т.д., с другой, соотносят-

ся между собой как целое (мир-система) и части (районы, страны, блоки)²⁵. В действительности существуют сильно различающиеся между собой страны, союзы стран, части стран и мир-система (супер-регион), т.е. то, что можно потрогать, увидеть, ощутить непосредственно или через их активность (т.е. это – материальные объекты), а регионализм – это уже этап отражения реальности, это – составленное исследователями, системное представление (образ) о каждом из этих конкретных объектов, будь то район, страна или сама мир-система (т.е. это – идеальный образ, как отражение материального объекта). Регион – это понятие, указывающее на наиболее общие свойства объекта и его частей, являющихся объектом изучения в регионоведении, а регионализмы – это построенные определенным образом представления о территориально-временной дифференциации мир-системы (мира) и об образах конкретных геосоциальных объектов как о системных частях целого (предельного объекта, или широко понятой географической среды, или мир-системы, безусловно, геосоциальной по своей природе).

Изучая регионоведение, мы изучаем общие свойства мир-системы и образующих ее частей, а занимаясь регионалистикой, мы

²⁴ «Что значит дать “определение”? Это значит, прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие “осел” под более широкое понятие» (Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. 521 с. [Lenin, V.I. Materializm i empiriokrititsizm (Materialism and Empiriocriticism) // Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.). Vol. 18. 521 p.]])

²⁵ «Часть и целое – философская категория, выражающие отношение между совокупностью предметов (или элементов отдельного объекта) и связью, которая объединяет эти предметы и приводит к появлению у совокупности новых (интегративных) свойств и закономерностей, не присущих предметам в их разобщенности. Благодаря этой связи образуется целое, по отношению к которому отдельные предметы выступают в качестве частей. Категории часть и целое характеризуют также общее движение познания, которое обычно начинается с нерасчлененного представления о целом, затем переходит к анализу, расчленению целого на части и завершается воспроизведением объекта в мышлении в форме конкретного целого». (Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]). Т.е. начиная с рассмотрения конкретного материального объекта через представление о нем как о регионе к описанию его как регионализма.

сосредоточиваемся на генезисе и особых чертах каждого конкретного геосоциального образования (района страны, самой страны, объединения стран и мира в целом), но понимаем каждый из них, как часть системы или систему целиком, которой присущи определенные свойства и законы функционирования и развития и которые сообразно локально-временным обстоятельствам преломились в этом объекте. Части мир-системы, как, впрочем, и она сама, – это материальные объекты, как яблоки и груши, а их отражения – это регионализмы разного рода (фрукты): исторические – «Советская Россия», «милитаристская Япония», или современные – национальные: Россия, Япония, США, или наднациональные: ЕС, АТР, НАФТА, НАТО, или глобальные: современный мир. *Смысл термина регионализм* заключается в том, что каждое образование независимо от уровня его локализации и масштаба может быть понято только как часть более широкой (сейчас глобальной) системы, в рамках которой оно системно обособляется (локализуется) и принимает специфические, особенные формы (имеет особенные характеристики) в силу присущих ему свойств, характера отношений между системными элементами внутри и вне его, местоположения в системе и особого характера его связей с другими элементами системы.

Установить связи между элементами системы означает понять (выявить) законы функционирования этой системы. Понять законы можно, лишь изучая особенности возникновения и развития частей системы, а также законы смены фаз развития (или формаций) самой системы в целом. Мир-система – глобальна, но этот глобализм задается характером отношений (связей, трансакций) между единицами системы, а уровнем, который обеспечивает поддержание жизнеспособности, целостности системы являются семья (*household*), коммуна, страна (государство), в ряде случаев такое жизненно важное значение приобрели региональные объединения (ЕС), а сейчас это и мир в целом даже в его крайне несовершенной организационной форме, поскольку нынешнюю численность населения мира можно поддержать лишь на определенном

уровне отношений в мире, даже если отношения на этом уровне чреваты срывами, резкими изменениями и откатами. Аналогично в организме живых существ этими уровнями являются клетки, органы и системы органов, в том числе и сам организм: нарушение целостности процессов их функционирования смертельно.

Посмотрим на Японию. Эта страна с населением 126,26 млн. человек занимает четвертое место в мире по ВВП. Но объем ВВП, уровень жизни и стиль жизни населения страны определяется ее местом в мире, если Японию каким-то образом вырезать из этого контекста отношений (как сейчас из него исключена КНДР), то страна погибнет. Она уже не сможет вернуться к реалиям токузавской Японии, потому что утратила все свойства, которыми обладала в тот период. Вот уже действительно: в одну реку нельзя войти дважды. Мир изменился. В этом мире страны вынуждены жить, следуя его законам, либо неизбежны деградация и даже гибель. Это касается всех стран мира, даже Северной Кореи, несмотря на ее кажущуюся полную автаркию. Вектор изменений в мире четко направлен в одну сторону, несмотря на кризисы, потому что все страны адаптируются к условиям, в которых им приходится обеспечивать воспроизводство жизни у себя в стране. Только катастрофа, подобная Вселенскому потопу, может разрушить мир, заставить его начать все с начала, хотя возможны негативные локальные процессы регрессивного развития в отдельных частях мира в связи с деградацией экологической среды.

Регионоведение и регионалистика: взаимоотношения

Регионоведение занимается изучением свойств и законов функционирования и развития мир-системы. Регионалистика, как входящая в нее подотрасль знания, изучает, как и в каких конкретных формах в рамках этой мир-системы локализуются ее отдельные части, представляющие собой территориальные сгустки глобализации, или, если использовать оксюморон, сгустки глокализации (глокализация – это еще од-

ним вариантом определения того, что такое регионализм), или то, как в конкретных географических и временных обстоятельствах реализуются (и одновременно локализуются) закономерности развития мир-системы. Изучая любую страну на теоретической базе регионоведения, т.е. как геосоциальный объект, как часть мир-системы, подходя к этому комплексно, мы занимаемся регионалистикой. Сегодня даже изучение, казалось бы, очень конкретных аспектов жизни той или иной страны и даже ее субнациональных административных единиц невозможно вне мир-системного контекста.

Регионоведение занимается закономерностями функционирования и развития мир-системы, а регионалистика изучает отношения внутренних частей (регионализмов) этой системы и обстоятельства (локальные историко-географические, этно-социальные и политические), трансформирующие эти отношения внутри объекта или его частей. В зависимости от уровня локализации это могут быть поселения, районы, области, края, макроэкономические районы, страны, интеграционные и иные объединения стран, а также негосударственные акторы разного рода, каждый из которых является закономерным результатом развития мир-системы, но реализован через случайный набор локальных обстоятельств. Регионоведение, или мировое комплексное регионоведение, как наука, независимо от того, устоит или изменится это название, изучает развитие целостных геосоциальных (природно-социальных) объектов, которые, начавшись во времена ранней истории человечества с небольших по размеру локальных геосоциальных систем к настоящему времени не просто заполнили мир, охватив его полностью, но со времени Великих географических открытий вышли по охвату мира на глобальный уровень, превратившись в единую глобальную геосоциальную систему. Эта современная фаза развития мир-системы, раз возникнув и создав условия для колоссального роста экономики и населения мира, уже не может откатиться назад ни количественно, ни организационно, ни по характеру функционирования без колоссальной, вселенской катастрофы (типа

всемирного потопа или ядерной войны), как это случалось в истории с системами меньшего масштаба.

Парадоксально, но именно с появлением современной мир-системы в XVI веке²⁶ развитие человечества впервые стало одноканальным, тогда как до этого оно в силу географической обособленности цивилизаций и множественности ниш развития было полицентричным, или многоканальным²⁷. После революции 1917 года и появления социализма как новой формы организации части мира (одного геосоциального объекта) у одних появилась иллюзия, а у других возникло опасение, что она возобладает, позже родилась идея длительного параллельного развития двух типов регионализмов (капитализма и социализма), сосуществования двух мир-систем, которые мыслились как антагонистически обособленные, а вместе с тем и предположение о возможности движения по двум путям развития, но после серии смертельно опасных кризисов к середине 1980-х годов стало ясно, что эта иллюзорная возможность скорее опасна, чем перспективна. Кризис и падение так называемой «социалистической системы» снова поставили гегелевский вопрос о конце истории²⁸, поскольку до этого их противоположность связывалась

²⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 С. [Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.]

²⁷ “In the 16th century a new, planet-wide, human-driven evolutionary experiment began which will continue to play out indefinitely. What plate tectonics did over tens of millions of years is being undone by shipping in a few centuries and aviation in a few decades. We are creating a new Pangaea.” (Lewis, S.L.; Maslin, M.A. How Disease and Conquest Carved a New Planetary Landscape. Migration and a Global Shipping Network Have Flattened Biodiversity Worldwide // *The Atlantic*, Aug. 24, 2018. Mode of access: https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/08/human-planet-migration-columbian-exchange/568423/?utm_source=fbb)

²⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> [Fukuyama, F. Konets istorii? (The End of History). Mode of access: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>]

в основном с антагонистичностью их идеологий, в которых видели семена раздора и, вместе с тем, возможных перемен, но реально развитие упирается в ограниченность ресурсов доступных территорий, которая на самом деле была снята борьбой этих систем, приведшей в результате максимального напряжения к началу космической эры. Уже сегодня освоение околоземного пространства вносит огромный вклад в прогрессивное развитие мир-системы, выходящей на новые рубежи постиндустриальной эры.

В свое время, когда угадала греческая цивилизация, а затем погибла Римская империя, а подобные процессы случались и в Азии, и в Америке, новая динамика развития была привнесена в эти застойные зоны из Центральной Азии, обладавшей на тот момент потенциалом развития, позволявшим им охватывать и включить в новый цикл развития эти загасшие зоны. Остановка в развитии изолированных конфуцианских цивилизаций Дальнего Востока была преодолена с приходом Запада в эту часть света, который вывел их из изоляции, включив в свою орбиту.

В процессе изучения мир-системы все остальные, прежде самостоятельные, отрасли знания: ЭСГ, социология, политология, история, этнопсихология, – теряют свою самодостаточность и самостоятельность, поскольку вне методологических рамок регионоведческого системного анализа они не могут дать верный ответ на вопросы о природе объектов, изучением которых они традиционно занимались. Эта утрата ими самостоятельности одновременно есть позитивный процесс преодоления разобщенности геосоциальных наук.

Можно обсуждать, насколько само слово «регион», означающее «часть чего-то», а иероглифических языках прямо указано, что это – «часть территории» (например, в японском языке в слове «тиику»), буквально: «часть земли»), подходит для использования в качестве основы названия науки и учебной дисциплины о закономерностях формирования целостных, хотя первоначально не охватывавших всю Землю систем, и их превращения в единую и глобальную по охвату земного пространства мир-систему

в результате стадийно-регионального развития мира. Чисто семантически это слово не подходит, но в языковой практике слово регион в отличие от слов страна, район, объединение государств не столь этимологически прозрачно, но явно связано с объектом, имеющим пространственные характеристики, поэтому может быть использовано для использования в качестве термина, который сам, естественно, должен быть точно определен, но чье семантическое значение должно быть приглушено. Собственно, так и обстоит дело с названием этой отрасли знания: Им. Валлерстайн предпочитает называть это направление исследований «миросистемным анализом», Рендал Коллинз – «макроисторией, или социологией большой длительности»²⁹, российские географы – «экономической, социальной и политической географией», подчеркивая при этом, что «это не три самостоятельные науки, а название всего комплекса общественно-географических наук»³⁰. Важно то, что всеми при этом равно признается, что объект исследования «имеет предельную масштабность». Р. Коллинз сформулировал принципиальное предложение о рамках в которые должен вписываться объект исследования в принципе: «... что-либо крупное с обширными связями может быть поставлено в центр рассмотрения не иначе как с использованием еще более широкой перспективы»³¹.

В России обстоятельства сложились так, что используется слово регион, а научное направление получило название регионоведение. Регион – это геосоциальное образование, которое изначально возникает как внутренне целое, системное образование, способное к развитию (количественному

²⁹ Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с. [Collins, R. Makroistoriia: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Duration) Moscow: URSS: LENAND. 2015. 504 p.]

³⁰ Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с. [Ekonomicheskaiia i sotsial'naia geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.]

³¹ Ibid. С. 23.

росту, усложнению внутренней структуры, сложности связей между частями) по мере освоения охватываемой им территории. Таким образом, сама категория регион как категория, отражающая наиболее существенные свойства объекта изучения, требует ее терминологически точного определения, но в принципе содержание этой категории непосредственно не связано с семантическим значением слова регион. Терминологически точное и принятое (признанное в научном мире) определение понятия регион позволит перестать путаться в бесконечных вариантах его нетерминологического использования. Термин Им. Валлерстайна «мир-система» наиболее адекватно передает существо объекта исследования, в то же время следует понимать, что это явление, которое развивается во времени сохраняя свою тождественность, т.е. свою природу, когда не одна мир-система меняет другую, а преобразуется сама мир-система, при этом оставаясь тождественной самой себе.

Принципиально важно, что регионоведение появилось в результате преодоления ограниченности научно-отраслевых подходов к анализу реальности. На Западе это происходило более органично, по мере, расширения страноведческих исследований. У нас в стране преодоление ограниченности научно-отраслевых подходов было связано с преодолением относительно догматической трактовки законов развития общества в рамках исторического материализма («истмата»). Это началось в советские времена. Движение в этом направлении шло с разных сторон.

Особенно мощным стимулом для этих перемен, как и на Западе, было изучение стран третьего мира (развивающихся стран), которые демонстрировали массу особенностей в своем развитии, которые не укладывались в традиционные теоретические представления. Но для СССР и США это была далеко не абстрактно-теоретическая задача, поскольку страны не только противостояли друг другу, но и боролись за влияние в странах, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости. Часть из них выбрала путь модернизации и даже вестернизации с упором на рыночные модели

развития экономики, а часть предпочла путь социалистической ориентации, что в идеале должно было привести их в лагерь социализма. Но на деле это был очень непростой вопрос, поскольку прогнозы и политические ожидания часто не оправдывались как в том, так и в другом случае. Например, в случае выбора просоветской ориентацией Египтом, который после поражения в войне 1973 года переориентировался на Запад, но при этом сохранил весьма своеобразную политическую систему, не вписывавшуюся в каноны ни Запада, ни Востока.

Теоретическое востоковедение в СССР раньше других заговорило об особых путях развития стран Востока. Сегодня наработки востоковедов, которые занимались третьим миром, лучше всего объясняют и собственный «российский феномен» (постсоветскую Россию как регионализм – *В.М.*). Процесс расширения, или глобализации мир-системы, которая все больше пронизывала мир, проходил путем синтеза, т.е. «соединения «местного» и «пришлого»³². Но важно подчеркнуть, что теоретическое осмысление проблем развития стран третьего мира в СССР не подразумевало отказа от формационной теории, хотя и было осознано, что общественное развитие идет не путем последовательного повторения этапов пути стран-лидеров капитализма³³, а по своим собственным моделям развития, которые обеспечили им возможность догоняющего развития благодаря ускоренному становлению национального капитализма и последующего перехвата лидерства, что и произошло в США, Германии, Японии, а затем в азиатских странах-драконах. Т.е. модель межформационного перехода в странах каждой новой волны догоняющего развития (или геокультура) существенно отличается от ее реализации в разных странах,

³² Симония Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. 762 с. [Simoniia, N.A. Izbrannoe (Selecte Works). Moscow: «Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2012. 762 p.]

³³ Н.А. Симония: «Мне нравится формационная теория, но не в примитивной трактовке. То есть я не имею в виду последовательную смену формаций в каждой отдельной стране» (Ibid. С. 713).

что и понятно: цели у стран одни – создать устойчивую экономическую модель, способную функционировать в конкретных условиях, создаваемых как внутренним базисом, так и внешним окружением, но они по-разному реализуются в Британии, Франции, России, Японии или Корею, прежде всего, в зависимости от уровня развития самой мир-системы. То же соотношение, что между регионом и регионализмом: регион – это теоретическая модель объекта, а регионализм – это локально-временное (или стадийно-региональное) воплощение этой модели на практике.

Другим был путь, по которому шла в СССР экономическая и социальная география, в рамках которой нельзя было избежать учета географических и геополитических аспектов развития даже на материалах развития СССР и других стран социализма, где также было очевидно, что пространственные факторы оказывают существенное влияние на развитие: «При этом, советские географы, формально пребывая в рамках идеологически и политически выверенного лояльного (истматовского³⁴ – В.М.) дискурса, фактически писали о регионах и регионализации, используя иные термины и определения («пространственная организация общества», «пространственные соотношения развивающихся территориальных объектов», «пространственная дифференциация» и даже почти несветская «география образа жизни»), ссылаясь при этом на В.И. Ленина и на решения очередного партийного съезда, дабы не быть обвиненными в отступлении от принципов марксизма-ленинизма»³⁵.

³⁴ Истмат – сокращение от исторический материализм.

³⁵ Кирчанов М.В. Советская география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионаловедческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159. [Kirchanov, M.V. Sovetskaja geografija kak nauchnaja «prarodina» sovremenno rossiiskogo regionovedeniia (problema genezisa regionovedcheskikh issledovaniij) // *Regional'nye issledovaniia* (Soviet Geography as a Scientific “Ancestral Home” of Modern Russian Regional Studies (The problem of the Genesis of Regional Studies) // *Regional'nye issledovaniya*, 2015, N1(47), pp.153-159.]

Есть еще одна причина, которая заставляет рассматривать регионоведение как фундаментальную науку, изучающую на максимально широком временном срезе и предельно в пространственном отношении разнообразные материальные геосоциальные образования, она состоит в том, что с политическим отказом в начале 1990-х годов от идеологии марксизма-ленинизма в нашем обществе, в частности в гуманитарных науках, возник онтологический вакуум, поскольку из научного оборота исчезла общая теория общественного развития. Исчезла марксистская формационная теория, бравшая исключительно в свои руки задачу изучения закономерностей развития общества. Причем это произошло именно тогда, когда общественные науки в СССР практически преодолели организационные и иные ограничения, препятствовавшие их развитию, а теория общественного развития стала предметом научного, а не партийного анализа³⁶. В 1990-ые годы сложившаяся в России в рамках марксистского учения теоретическая основа отечественных школ общественных наук была отброшена без какого-либо рационального преодоления (критики) как политический акт.

³⁶ Н.С. Хрущев уже не имел претензий на то, чтобы считаться теоретиком марксизма-ленинизма. Развенчание культа личности И.В. Сталина положило конец процессу возведения лидеров в сан теоретиков марксизма. Вопросы теории были отданы на откуп академическим институтам АН СССР. Только отдельные, с хорошей закалкой, сотрудники ЦК КПСС сохраняли претензию на монополию в теоретическом освоении мира. Это ярко проявилось в случае с публикацией крамольной по тем временам теоретической работы Н.А. Симонии «Страны Востока: пути развития» (М., 1975), когда Р.А. Ульяновский, тогда заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС, не довольный, что ученые занимаются теорией («Во-первых, его очень раздражало, что я занимаюсь теорией», – Н.А. Симония), предпринял усилия, чтобы подавить это «теоретизирование», но не был однозначно и солидарно поддержан аппаратом ЦК КПСС, что было практически немислимо в прежние времена (См. Симония Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. С. 717-720. [Simoniia, N.A. Izbrannoe (Selected Works). Moscow: «Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2012. Pp. 717-720]).

Это разрушило потенциальную системность знания о развитии общества, и, хотя эту нишу попытались заполнить другие науки, они не обладали достаточной интеграционной способностью. Из-за этого нынешнее здание общественной науки в России состоит, образно говоря, из холлов, переходов, залов и даже целых этажей, чаще построенных по западным архитектурным наброскам, которые свободно парят в воздухе, не будучи связанными между собой и уж точно не имея основания. Сейчас даже при желании нельзя заниматься краеведением, страноведением и регионоведением как самостоятельными идиографическими частными дисциплинами, поскольку нет общей теории общественного развития, которой с известными ограничениями являлся в советское время марксизм-ленинизм и созданные на его основе теории и концепции общественного развития. Парадоксальным образом, в силу логики идеологической борьбы (в том числе и борьбы научных школ) противоречием истмату стала не новая теория развития формаций, а показавшаяся на примере западных штудий более научной, якобы не догматизированной, «теоретическая география», порой ее именуют «общей географией». Но, видимо, чтобы снять остроту, или из-за табуированности марксизма-ленинизма, ее противопоставляют не самой теории формаций, с которой по существу ведется спор, а страноведению или районоведению как некое теоретическое (номотетическое) направление описательным (идиографическим): «Теоретическая география, в противоположность страно- и районоведению, есть чисто номографическое (законоизлагающее) научное направление, которое стремится выявлять и исследовать самые общие проблемы, понятия, закономерности, объединяющие все географические науки, *изучать территориальные аспекты взаимодействия человека с природой* (курсив мой – В.М.), вырабатывать общие методы моделирования различных географических явлений»³⁷. Дело не в террито-

риальных аспектах взаимодействия, поскольку географические факторы системно влияют на развитие общества, будучи частями одной с ним системы, поэтому невозможно свести общественное развитие (развитие общества), имеющее двойственную геосоциальную природу, только к географии (геоверсуму, т.е. некоторому географическому единству, упирая при этом именно на доминанту географической проблематики), или, в лучшем случае, к ЭСГ или гуманитарной географии. Вряд ли продуктивна позиция отрицания роли общественных наук лишь на основании того, что был период, когда «в научном сообществе возобладала тенденция рассматривать развитие общества независимо от живой природы, которая воспринималась как нечто статичное, всего лишь как объект приложения творческих усилий человека, направленных на ее преобразование и подчинение интересам общества»³⁸, – задача состоит именно в преодолении этого периода, а не в отбрасывании всего, что с ним связано. Былая абсолютизация производственных отношений, недооценка роли географического фактора – еще не повод перегибать палку в сторону географической составляющей в развитии общества, объективно верно представляя ее в качестве доминанты, но далее доводя это до противоположной крайности. Некритический скептицизм в отношении социально-политических наук не допустим.

okhrany prirody i rekreatsii (Objective Processes of Formation of Areas and Rational Organization of the Territory for Nature Protection and Recreation). Diss. Moscow: IG AN SSSR, 1990. 46 p.] – цит. По: Шупер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 2. С. 112-119. [Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat'i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaya*, 2010, No. 2, pp. 112-119.]

³⁸ Шальнев В.А., Талалакина А.А. Географическое пространство; сущность, проблемы и пути решения // Вестник Ставропольского университета. 2011. № 77. С. 142. [Shal'nev, V.A.; Talalakina, A.A. Geograficheskoe prostranstvo; sushchnost', problemy i puti resheniia. (Geographical Space; Essence, Problems and Solutions) // *Vestnik Stavropol'skogo universiteta*, 2011, No. 77, p. 142.]

³⁷ Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации. Авт. дис. д.г.н. М.: ИГ АН СССР, 1990. 46 С. [Rodoman, B.B. Ob'ektivnye protsessy formirovaniia arealov i ratsional'naia organizatsiia territorii dlia

Географы попытались, но не смогли занять место «истматовцев» в качестве носителей системного (общего, теоретического) знания об общественном развитии из-за того, что попытались, ради якобы более объективного анализа, свести геосоциальные образования к геопространству. Геопространство они понимают, как «философскую концептуальную категорию, как объективную, всеобщую и познаваемую форму (курсив мой – В.М.) существования материальных географических образований и объектов в пределах геосуммы»³⁹. Не понятно, почему было решено использовать понятие пространство, которое обременено многими смыслами. Более того, что оно является философской категорией с очень детально разработанными коннотациями. Видимо, это было связано с особенностями системы наук, изучавшими общество в советский период, откуда все, даже самые революционные определения: «Географическое пространство – форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени»⁴⁰. В советское время география могла быть и была необоснованно и совершенно искусственно ограничена изучением «*форм*

существования», а не самих географических объектов и явлений, чем собственно является все, что есть на Земле, а сами эти объекты и явления изучались в рамках исторического материализма, занимавшегося закономерностями развития «обособившейся от природы части материального мира», или общества⁴¹. Соответственно, сейчас это – разъединение географии и истории нужно снять, преодолеть, а не просто передать пальму первенства географии. Речь не идет только о разъяснении, почему так, а не иначе размещается производство, почему население в одном месте концентрируется, а другое покидает, почему так или иначе расположены полюса роста, а о комплексном объяснении, почему происходит смена стадий, формаций в развитии общества, почему лидерство переходит от одного района мира к другому, от одной страны к другой.

Мы пытаемся понять закономерности развития общества, поэтому речь должна идти не о пространстве как форме материи, а о самой развивающейся материи (географической среде, включающей человека), одной частью которой является ландшафтная оболочка Земли, которую мы воспринимаем в виде конкретной вполне материальной территории с определенными природно-климатическими и биотическими (ландшафтными) характеристиками, где что-то имелось изначально, было создано или размещено, или может быть размещено в будущем, а ее вторая часть – это вписанная в нее антропосфера. Причем эти обе стороны объективной – материальной – реальности функционируют связано, как целостная геосоциальная система. Вместе эти две компоненты составляют географическую оболочку Земли, или географическую среду. Это – целостная материальная геосоциальная реальность, которая существует как система. Входящая в ее состав территория, поверхностный слой Земли, вполне материальна, поскольку является формой, в которую облечена сама Земля, а не пространством как формой существования

³⁹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 89. Геосумма – это уникальное системное пространство Земли, возникшее в пределах географической оболочки истории человека (общества) и включающее в себя не только абиотические, биокосные компоненты природы, но и социально-техногенные (в том числе и духовные) компоненты общества. Географическая оболочка – основное понятие географии, в российской географической науке под этим понимается целостная и непрерывная оболочка Земли, где её составные части: верхняя часть литосферы (земная кора), нижняя часть атмосферы (тропосфера, стратосфера), вся гидросфера и биосфера, а также антропосфера – проникают друг в друга и находятся в тесном взаимодействии. Между ними происходит непрерывный обмен веществом и энергией.

⁴⁰ Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трёшников. М., 1988. С. 56.

⁴¹ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с. [Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.]

материи вообще. Пустого пространства быть не может, поскольку это – форма существования материи, а территория пуста по определению, если речь идет о жизни (растительности, биосфере и антропосфере), которая на ней возникает и развивается вместе с нею. Безусловно, ландшафтная оболочка оказывается влиянием на развитие общества, но это влияние опосредуется системным взаимодействием общества с ландшафтной оболочкой, лучше ландшафтно-хозяйственной сферой, с которой они непрерывно взаимодействуя развиваются, как части одного целого.

Другая позиция у географов, так, по мнению М.М. Голубчика и его соавторов, «географическое пространство и время – основные формы существования геосистем. Пространственные отношения выражают порядок размещения одновременно существующих географических явлений и протяженность геосистем. Временные отношения – порядок сменяющих друг друга событий, а также их длительность»⁴². Это – идеалистическое представление, подмена слова материя на геосистема, и определения всеобщие формы материи на основные. Каждый объект обладает пространственно-временными свойствами, т.е. имеет размеры, конфигурацию и существует в конкретное время. Они вполне материальны. Объекты бывают простыми (ледниковые, речные, морфоструктуры, системы расселения и др.) и сложными (природные ландшафты) и интегральными (культурный ландшафт, функциональные территориальные системы). Но отвечает ли это на вопрос, почему мануфактура уступает место фабрике, а феодализм капитализму. Геосистемы имеют не только пространственно-временные, но конкретные сущностные формы организации: полочные часы – уже не часы. Это могут быть чисто природные формы: ледники, озера, реки, пустыни и др., или геосоциальные

формы: личное хозяйство (молочная или животноводческая ферма), коллективное хозяйство, предприятия, отрасли, ТНК, банки, разнообразные сети (от супермаркетов до компьютерных сетей). Это, с одной стороны, условно точечные («местные») объекты, но они как части, или как предпосылки противостоят территориальным («площадным») объектам своего рода. Природные объекты противостоят как предпосылки природным комплексным образованиям: ландшафтам, ландшафтным зонам, природным регионам, а геосоциальные объекты – геосоциальным комплексным образованиям: району, области, стране или союзу стран, миру в целом, которые системно объединяют все эти «точечные» и территориальные объекты меньшего масштаба в единое целое. В зависимости от многообразных свойств территориальных объектов, оказывающих влияние на организацию стран и мира в целом, точечные и территориальные объекты локализуются и группируются на земной поверхности (образуя регионы, или ареалы), а будучи связанными бесконечным числом транзакций в сети, они образуют целостные геосоциальные объекты, предельным из которых является мир-система, в рамках которых происходит прогрессивное регионально-стадиальное развитие частей системы от стадии к стадии и от формации к формации, или же эти части (государства или группы государств) пребывают в стагнации или деградируют, что является вариантом регрессивного развития.

Следовательно, чтобы изучать закономерности развития районов, стран, региональных объединений и союзов, необходимо развивать *теорию общественного развития как доминирующего системного процесса, происходящего в географической оболочке Земли*. Без этого невозможно всерьез ставить задачи понять мировые и региональные закономерности, страновые и локальные особенности⁴³. Последние задачи

⁴² Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М. Теория и методология географической науки. М.: Владос, 2005. 463 с. [Golubchik, M.M.; Evdokimov, S.P.; Maksimov, G.N.; Nosonov, A.M. Teoriia i metodologiya geograficheskoi nauki (Theory and Methodology of Geographical Science). Moscow: Vlados, 2005. 463 p.]

⁴³ Мировое комплексное регионоведение / под ред. Проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.]

невозможно решить, не имея теоретических представлений об общих закономерностях общественного развития, поскольку «...тот, кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы. А натякаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»⁴⁴. Но, чтобы решить, эту задачу нужно ставить открыто и прямо.

В результате регионоведение как научная дисциплина занимается изучением того, как возникают и как развиваются геосоциальные образования. Она оказывается теоретическим осмыслением природы, причин и закономерностей общественного развития как в мире в целом, так и составляющих его образованиях (частях), от локальных подсистем до региональных подсистем, которые, если мы обращаемся к ним в их конкретном воплощении, следует называть не регионами, а регионалистами. Мы не можем увидеть мир-систему иначе, чем через деятельность конкретных субъектов развития, через изменение окружающей среды, через взаимодействие частей этой системы, имеющих конкретные формы воплощения.

⁴⁴ Ленин В.И. Об отношении к буржуазным партиям. ППС. Т. 15, с. 368-388. [Lenin, V.I. Ob otnoshenii k burzhuaznym partiiam (On the Attitude to the Bourgeois Parties). Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.) Vol. 15, pp. 368-388.]

Литература:

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
 Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М. Теория и методология географической науки. М.: Владос, 2005. 463 с.
 Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М., 2012. 519 с.
 Дерлугьян М.Г. Самый неудобный теоретик // Миросистемный анализ. Введение. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. С. 5-42.
 Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика, 2014, № 1. С. 18-32.
 Кирчанов М.В. Советская география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблема генезиса регионоведческих исследований) // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 153-159.

Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М., УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
 Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т.18. 521 с.
 Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299-426.
 Ленин В.И. Об отношении к буржуазным партиям. ППС. Т. 15, с. 368-388.
 Мировое комплексное регионоведение / под ред. Проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с.
 Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации. Авт. дис. д.г.н. М.: ИГ АН СССР, 1990. 46 с.
 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Издательство Питер, 2002. 720 с.
 Симонья Н.А. Избранное. М.: «Издательство «МГИМО-Университет», 2012. 762 с.
 Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
 Фукуяма Ф. Конец истории? Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
 Шальнев В.А., Талалакина А.А. Географическое пространство; сущность, проблемы и пути решения // Вестник Ставропольского университета. 2011. № 77.
 Шутер В.А. Похищение теоретической географии (по поводу статьи В.Л. Каганского) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 2. С. 112-119.
 Экономическая и социальная география: Основы науки. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2004. 400 с.

References:

Collins, R. Makroistoriia: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Duration) Moscow: URSS: LENAND, 2015. 504 p.
 Dergachev, V.A.; Vardomskii, L.B. Regionovedenie (The Regional Studies). Moscow, 2012, 519 p.
 Derlug'ian, M.G. Samyi neudobnyi teoretik. (The Most Inconvenient Theorist). In Wallerstein, I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS:LENAND, 2018, pp. 5-42.
 Ekonomicheskaiia i sotsial'naia geografiia: Osnovy nauki (Economic and Social Geography: Fundamentals of Science). Moscow: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2004. 400 p.
 Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' (Philosophical Encyclopedic Dictionary). Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1983. 840 p.
 Fukuyama, F. Konets istorii? (The End of History). Mode of access: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
 Golubchik, M.M.; Evdokimov, S.P.; Maksimov, G.N.; Nosonov, A.M. Teoriia i metodologiiia geograficheskoi nauki (Theory and Methodology of Geographical Science). Moscow: Vlados, 2005. 463 p.
 Kirchanov, M.V. Sovetskaia geografiia kak nauchnaia «prarodina» sovremennogo rossiiskogo regionovedeniia (problema genezisa regionovedcheskikh issledovaniia) // Regional'nye issledovaniia (Soviet Geography as a Scientific "Ancestral Home" of Modern Russian Regional Studies (The problem of the Genesis of Regional Studies) // Regional'nyie issledovaniya, 2015, N1(47), pp.153-159.
 Kireev, A.A. Poniatie «region» i predmetno-metodologicheskie problemy regionovedeniia. (The

Concept of “Region” and Subject-Methodological Problems of Regional Studies) // *Regionalistika*, 2014, No. 1, pp.18-32.

Lenin, V.I. Imperializm, kak vysshaia stadiia kapitalizma (Imperialism as the Highest Stage of Capitalism) // *Lenin*, V.I. Poln. sobr. soch. Vol. 27, pp. 299-426.

Lenin, V.I. Materializm i empiriokrititsizm (Materialism and Empiriocriticism) // *Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.)*. Vol.18. 521 p.

Lenin, V.I. Ob otnoshenii k burzhuaznym partiiam (On the Attitude to the Bourgeois Parties). *Poln. sobr. soch. (Full. Coll. Op.)* Vol. 15, pp. 368-388.

Mirovye kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies)/Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.

Rodoman, B.B. Ob’ektivnye protsessy formirovaniia arealov i ratsional’naia organizatsiia territorii dlia okhrany prirody i rekreatsii (Objective Processes of Formation of

Areas and Rational Organization of the Territory for Nature Protection and Recreation). Diss. Moscow: IG AN SSSR, 1990. 46 p.

Rubinshtein, S.L. Osnovy obshchei psikhologii (Fundamentals of General Psychology). Saint-Petersburg Publishing house “Peter”, 2002.720 p.

Shal’nev, V.A.; Talalakina, A.A. Geograficheskoe prostranstvo; sushchnost’, problemy i puti resheniia. (Geographical Space; Essence, Problems and Solutions) // *Vestnik Stavropol’skogo universiteta*, 2011, No. 77.

Shuper, V.A. Pokhishchenie teoreticheskoi geografii (po povodu stat’i V.L. Kaganskogo) (Abduction of Theoretical Geography (on the Article by V.L. Kagansky) // *Izvestiia RAN. Seriya Geograficheskaiia*, 2010, No. 2, pp. 112-119.

Simoniia, N.A. Izbrannoe (Selected Works). Moscow: «Izdatel’stvo «MGIMO-Universitet», 2012. 762 p.

Wallerstein, I. Mirosystemnyi analiz. Vvedenie. (World-System Analysis: An Introduction). Moscow: URSS: LENAND, 2018. 304 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039

ON THE OBJECT-SUBJECT FIELD OF REGIONAL STUDIES AND ITS PLACE AMONG OTHER SCIENCES

Vadim V. Makarenko

Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 06.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 25.11.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to one of the most urgent problems of regional studies – the definition of the object-subject field of a new discipline. This article discusses the object and subject of research in regional studies, the relationship between regional studies and regional studies. Interest in this problem is due to the formation of theoretical regional studies and regional studies proper as a new direction of science. The author proposes to consider the region as a concept that reflects the most important properties of all types of phenomena – regions, territories, countries, associations of countries and the world as a whole - as geosocial systems. Despite the independence of countries as actors on the global stage, they are all integral parts of the world-system, being closely associated with it, as well as within themselves, by countless transactions that are collectively constituting the essence of the region, which in reality is a territorially determined (sub)system of division of labor. All local subsystems are hierarchically integrated into the world-the system of which they are genuine parts. The world-system is of maximum size of the object in regional studies, depending on which are subordinated all the problems of regional studies.</p>
<p>About the author: Candidate of Economics, Head of the Department of Regional Studies, MSLU e-mail: makarenko.vadim@yandex.ru</p>	
<p>Key words: regional studies; regionalism; world-system; geographical environment; geosocial object</p>	

Для цитирования: Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // *Сравнительная политика*. – 2019. – №4 – С. 12-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039

For citation: Makarenko, Vadim V. Ob ob’ektno-predmetnom pole regionovedeniia i yego meste v ryadu drugih nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among other Sciences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 12-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039

ДИСКУССИИ О СПРАВЕДЛИВОМ МИРОПОРЯДКЕ В ТУРЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОПЫТОК ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В 2000-е ГОДЫ

Павел Вячеславович Шлыкков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i></p> <p>25 ноября 2018</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p>25 ноября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p>4 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Перипетии международных трансформаций, которые Ближний Восток пережил в XX и начале XXI века, фактически превратили его в регион без регионального порядка. Характерная для Ближнего Востока на протяжении всей его новейшей истории полицентричность в начале этого века имела своей главной производной многообразие различных видений регионального порядка, которых придерживались региональные державы и глобальные игроки, глубоко вовлеченные в ближневосточные дела. Парадокс такой ситуации заключался в том, что ни у одной из держав не хватало военно-политического и культурно-идеологического потенциала, чтобы реализовать свой проект регионального порядка или навязать его другим. В данном контексте в указанный период внешнеполитическая стратегия Турции претерпела существенные изменения. На рубеже веков она все еще оставалась державой <i>status quo</i>, ориентированной на Запад и придерживавшейся позиции невмешательства в дела региона. Однако возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг. сделала внешнеполитический курс Анкары гораздо более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, а приход к власти Партии справедливости и развития внес во внутривосточный и внешнеполитический дискурс сильный исламский элемент. В результате лейтмотивом первого десятилетия этого века в турецком дискурсе о региональном порядке стали идеи конвергенции либеральных и исламских ценностей. Однако с началом «Арабской весны» и новой волны дестабилизации Ближнего Востока возможности Турции в построении такого порядка и продуцировании его ценностных ориентаций стали стремительно сокращаться. Результатом реакции на региональную турбулентность стала «перезагрузка» внешней политики Турции в духе нового турецкого концепта «морального реализма», призванного показать причудливое сочетание милитаризма и гуманизма.</p> <p><i>Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз», проект №17-18-01614</i></p>
<p>Об авторе:</p> <p>к.и.н., доцент, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: shlykov@iaas.msu.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Ближний Восток; Турция; региональный порядок; моральный реализм; справедливый мир; внешняя политика; межцивилизационный диалог</p>	

Реймонд Хиннебуш, автор одной из наиболее фундаментальных работ по международным отношениям на Ближнем Востоке, изданных за последние годы, отмечает, что «исторически Ближний Восток оказался регионом, глубоко разделенным системой международных отношений, установившейся после Первой мировой войны»¹. Другой автор – Карл Браун говорит о Ближнем Вос-

токе в континууме XX в. как о «регионе, ставшем жертвой вторжения либерального миропорядка»². Во время Первой мировой войны арабские провинции Османской империи восстали против османских властей, воодушевленные обещаниями Великобритании шерифу Мекки Хусейну бен Али (соглашение Мак-Магона-Хусейна 1915 г.) создать после войны независимое государство,

¹ Hinnebusch, Raymond A. *The International Politics of the Middle East*. New York: Manchester University Press, 2003. P. 1.

² Brown, Leon Carl. *International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game*. Princeton: Princeton University Press, 1984. Pp. 16-18.

которое охватит все арабские страны Азии. Сначала эти обещания были перечеркнуты секретным договором Сайкса-Пико 1916 г., предполагавшим совершенно иную конфигурацию послевоенного Ближнего Востока, а затем окончательно дезавуированы в ходе Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Территории обещанного арабам «единого государства» фактически оказались поделенными между Великобританией и Францией. Разочарование в обещаниях западных стран наступило и у курдов, поскольку все звучавшие во время войны слова о создании независимого курдского государства оказались пустым звуком. Аналогичной была судьба Египта и других стран Магриба³.

Еще одним предательством для арабов стала «Декларация Бальфура» (1917), провозгласившая идею создания на территории бывшей османской Палестины еврейского «национального очага»⁴. Иными словами, и Османская империя в целом и желавшие отделиться от нее арабские провинции оказались в числе проигравших от созданного западными державами нового регионального порядка на Ближнем Востоке. При этом кемалисты, вступившие в борьбу за сохранения ядра турецкого государства в Малой Азии и освобождения турецких территорий от интервентов (Греции, Великобритании и др.), иначе смотрели на новый миропорядок, считая своей главной задачей стать его полноправной частью. Парадоксальным образом турецкая Освободительная война 1919-1922 гг. одновременно велась против Запада и притязаний на турецкие территории со стороны Греции, Великобритании и других стран и за признание Западом кемалистской Турции как самостоятельного государства и субъекта западного миропорядка⁵, что, как представлялось кемалистам,

должно было обеспечить поступательное развитие «новой Турции» как современного государства-нации.

Общим итогом послевоенного переустройства Ближнего Востока стало то, что на место несправедливого порядка, который до войны выстраивала вокруг себя и своих интересов Османская империя, пришел другой, в рамках которого роль доминирующей и детерминирующей силы стал играть Запад. Для большинства такая «замена османского империализма европейским»⁶ мало что меняла по сути. Турция как часть Ближнего Востока пыталась адаптироваться к такому положению вещей, несмотря на его несоответствие ее коренным интересам.

Для внешней политики Турции с ранне-республиканского периода был характерен набор неизменных принципов, приверженность которым формально сохраняется и поныне. Речь идет о верности кемалистской формуле «мир внутри страны, мир во всем мире»⁷, следование нормам международного права и справедливости, невмешательство во внутренние дела третьих стран и признание равноправия всех стран в мировой системе.

В период «холодной войны» и вплоть до конца 1990-х гг. приоритетом Турции во внешней политике было поддержание *status quo*. Турция не демонстрировала большого интереса к вопросам регионального поряд-

Turtsii. XX vek. (History of Turkey in the 20th Century) Moscow: IV RAN, Kraft+, 2007.]

⁶ Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

⁷ Впервые эта фраза прозвучала в выступлении Мустафы Кемала (Ататюрка) в 1931 г. во время его поездки по Анатолии. Так он сформулировал суть политики Народно-республиканской партии [Atatürk M.K. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. Cilt IV. Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri (1917-1938). Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 1991, s. 549-552]. Впоследствии эта сентенция вошла в текст Конституции Турецкой Республики и до сих пор фигурирует в официальной концепции внешней политики Турции, опубликованной на сайте МИДа [Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa>]

³ См.: Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: ИВ РАН, 2018. [Baranovskij, V.G., Naumkin, V.V. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Moscow: IV RAN, 2018.]

⁴ Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015. P. 95.

⁵ Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. [Kireev, N.G. Istoriia

ка и старалась воздерживаться от прямого и даже косвенного участия в международных конфликтах, предпочитая фокусироваться на национальных интересах в их достаточно узкой трактовке и заботиться исключительно о собственной безопасности⁸. Редкие примеры, когда Анкара выходила за рамки принципа «благородного невмешательства» включали отправку военного контингента в Корею в составе сил ООН в 1950 г. и вторжение на Кипр в 1974 г., именуемое в официальной турецкой историографии «операцией по поддержанию мира». В этот же ряд можно поставить непродолжительную посредническую миссию Турции в проведении переговоров между Тегераном и Багдадом в 1980-е гг. во время ирано-иракской войны⁹. Иными словами, вплоть до конца 1990-х гг. Турция, опираясь на принципы традиционного реализма, не генерировала своего альтернативного видения регионального порядка и внешнеполитических концепций, которые выходили бы за рамки существующих норм международного права и принципов, сформулированных в рамках ООН и других международных организаций. При этом в своей внешней и внутренней политике Турция отнюдь не всегда следовала универсальным западным ценностям защиты прав человека, демократии, свободы и верховенства права, особенно в моменты обострения внутривнутриполитической напряженности и прихода к власти военных (неслучайно Турцию несколько раз временно исключали из ряда международных организаций¹⁰).

Ситуация изменилась в конце 1990-х гг. с признанием Турцией страной-кандидатом ЕС на Хельсинском саммите (1999). Это событие ознаменовало начало масштабных реформ по европеизации турецкого законо-

дательства, приведения административно-политической системы в соответствие с нормами и правилами ЕС. Напрямую это отразилось и на внешнеполитической доктрине, для которой первоочередное значение получило следование европейским нормам и ценностям¹¹. Однако специфика внутривнутриполитического процесса в Турции, изменение внешнеполитической конъюнктуры после терактов 11 сентября 2001 г. и быстрая стагнация политической интеграции Турции в общеевропейское пространство (формально – из-за «кипрской проблемы», фактически – по целому ряду политико-идеологических и экономических причин) привели к тому, что в полной мере внедрение нормативно-ценностной матрицы ЕС во внешнюю политику, по крайней мере, на институциональном уровне, оказалось нереализованным и трудно осуществимым¹². Кроме того, приход к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. и повышенное внимание к Турции как уникальному примеру мусульманской демократической страны, стремящейся в ЕС, способствовало росту потенциала «мягкой силы» Турции¹³, вызывала симпатии к ней как в регионе, так и на Западе. В результате, неуступчивость переговорной позиции Брюсселя по принципиальным вопросам, стала причиной резкой публичной критики в Турции, основным тезисом которой было обвинение ЕС в использовании двойных стандартов¹⁴.

¹¹ Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

¹² Бабынина Л.О. и др. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей редакцией Ал.А. Громько и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. [Babynina, L.O. et al. Evropejskij Sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost' (European Union in Search for Global Role: Politycy, Economy, Security). Moscow: Ves' mir, 2015.]

¹³ Oğuzlu, Tarik. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

¹⁴ См.: Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. 2013. № 1. С. 58-75.

Критика двойных стандартов Запада в международных отношениях способствовала тому, что идеологи ПСР стали выдвигать свое видение справедливого регионального порядка и предлагать альтернативную матрицу ценностей для его построения на региональном и глобальном уровне.

Отталкиваясь от представленных выше соображений о точках бифуркации в эволюции внешнеполитической концепции и практики Турции и региональном контексте ее реализации в статье в сравнительно-историческом плане анализируется трансформация внешней политики Турции в течение первых двух десятилетий этого века.

Концепт справедливости и «новая внешняя политика» Турции на рубеже XX-XXI вв.

С окончанием «холодной войны» и утратой Турцией роли форпоста НАТО на границах Советского Союза подходы Анкары к международным отношениям изменились. Новая международно-политическая конъюнктура требовала от Турции более активной внешней политики на региональном уровне. Поэтому, несмотря на финансово-экономические проблемы, обострившиеся к середине 1990-х гг., во внешнеполитическом курсе Турции четко обозначилась тенденция нарастающего интереса к проблемам глобального управления, урегулирования международных конфликтов и миротворческой деятельности. Активность на этом направлении воспринималась как естественная и необходимая для утверждения Турции в качестве региональной державы. Так, в 1990-е гг. Турция подключилась к урегулированию гуманитарных кризисов и участию в миротворческих операциях в Сомали, Боснии, Косово и др.¹⁵

[Shlykov, P.V. Kuda Idet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya [Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of Pro-Western Course of Development] // *Sovremennaya Evropa*, 2013, No. 1, pp. 58-75.]

¹⁵ Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // *Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era*. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.

Пионером в продвижении идеи справедливого регионального порядка среди турецких политиков можно считать Неджметтина Эрбакана – лидера первого в стране легального исламистского движения «Национального взгляда». Предвыборный манифест его Партии Благоденствия, победившей на парламентских выборах 1995 г., содержал в себе идеи альтернативной внешней политики, которая одновременно должна была сочетаться с текущими национальными интересами и приверженностью исламским ценностям. Одна из программных работ Эрбакана даже называлась «Справедливый порядок», речь в ней, правда, шла прежде всего об исламской модели экономической развития, которую необходимо было, с точки зрения автора, внедрить в Турции.

Неджметтин Эрбакан, возглавивший коалиционное правительство 1996-1997 гг., считал внешнюю политику одной из шести сфер, где требовалось провести кардинальные изменения. Контуры этой нереализованной инициативы были обозначены в партийном манифесте. Главная идея заключалась в том, что Турция должна проводить независимую внешнюю политику, а не идти на поводу у Запада, что будет залогом становления ее как лидера на международной арене. Базовыми ценностями внешней политики провозглашались добрососедство, мир и справедливость, поэтому одной из приоритетных задач должно было стать улучшение отношений со всеми странами. При этом уточнялось, что Турции как мусульманской стране уготована роль одного из лидеров будущего Союза мусульманских государств.

Исламская идентичность во внешнеполитическом дискурсе проявлялась в нарочито антизападной риторике: Эрбакан называл ЕС «христианским клубом», с которым можно развивать только экономические отношения, при этом заключенный с ЕС договор о таможенном союзе объявлялся нелегитимным и несоответствующим интересам Турции¹⁶. Среди

¹⁶ Refah Partisi 24 Aralık 1995 Seçimleri Seçim Beyanname. Ankara, 1995, s. 29. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/763/199601072-1995.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

первоочередных внешнеполитических шагов значилось противодействие дальнейшему проведению операции США против Ирака «Утешение», поскольку, по мнению турок, она способствовала усилению иракских курдов и не давало возможность Турции проводить антитеррористические операции¹⁷. В партийной программе-манифесте основные черты внешнеполитического курса Турции конца 1980-х – начала 1990х гг. клеймились как «поддельные», поскольку в них усматривалось не следование национальным интересам, а подыгрывание Западу. Предлагаемый Эрбаканом справедливый порядок (*Adil Düzen*) включал в себя создание Союза исламских государств как всеобъемлющее решение стоящих перед страной проблем как внутренних, так и внешних, включая и проблему терроризма. Это также предполагало создание исламских альтернатив ведущих международных организаций: вместо МВФ, ЕС и др. аналогичных структур, резко критикуемых Эрбаканом как сосредоточение пороков капиталистической системы, основанной на меркантильных интересах, а не справедливости, должен был быть создан Исламский общий рынок¹⁸, исламские альтернативы должны также появиться у НАТО, ООН, ЮНИСЕФ и т. д. Независимость и самостоятельность национальной экономики должны стать залогом выхода из финансового кризиса и будущего процветания, которое сможет опереться на помощь турецких мигрантов, работающих за границей и финансовую поддержку мусульманских стран¹⁹. При этом политика вестернизации и прозападный курс в це-

лом объявлялись главными источниками национальных бед и проблем²⁰.

Реализовать на практике большинство провозглашенных в программных работах Эрбакана принципов и идей коалиционному правительству Партии благоденствия и Партии верного пути не удалось в силу очень непродолжительного времени пребывания у власти и активного противодействия сторонников кемализма (кабинет Эрбакана продержался всего год и был распущен под давлением военной элиты, что вошло в историографию как «пост-модернистский переворот» 1997 г.²¹). Помимо исторического турне Эрбакана по мусульманским странам Азии и Африки, примечательного, по сути, только символичностью визитов в такие страны как Иран и Ливия, наиболее значимым достижением правительства Эрбакана в воплощении идеи справедливого порядка стал проект создания альтернативы *G7/G8* – большой «восьмерки развивающихся мусульманских стран» (*M8* или *D8* – “*Developing Eight*”)²², куда вошли Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция. Учредительный съезд *D8* состоялся в Стамбуле 15 июня 1997 г. – ровно за две недели до отставки Эрбакана.

Центром внимания дискуссии о справедливом международном порядке в Турции в 2000-е гг. стала концепция «нравственной внешней политики», для которой первоочередная цель заключалась в построении «справедливого порядка на региональном и глобальном уровнях»²³. Базовыми составляющими этой «нравственной» политики должны были стать шесть элементов.

В качестве первого элемента постулировалось уважение к нормам международного права как матрице отношений между государствами и международными организациями. Соответственно такой подход исключал

¹⁷ Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

¹⁸ Erbakan, Necmettin. *Adil Ekonomik Düzen*. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

¹⁹ Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

²⁰ Sayarı, Sabri. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol. 3, No. 3, pp. 35-43.

²¹ Donat, Yavuz. *Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat*. İstanbul: Bilgi, 1999.

²² См.: D-8 Organization for Economic Cooperation. Mode of access: <http://developing8.org/>

²³ Davutoğlu, Ahmet. Turkey's Mediation // *Middle East Policy*. Vol. 20, No. 1 (2013), pp. 83-90

возможность нелегитимного использования силы как инструмента внешней политики, требовал отказа от конфронтации с соседними странами в пользу поиска компромисса взаимных интересов и сотрудничества. Примат мирных методов урегулирования разногласий между государствами должен был стать индикатором приверженности принципам справедливости в международных отношениях, соответственно государство, придерживающееся «нравственной внешней политики», должно было противостоять незаконному применению силы в отношении других и не может позволить использовать свою территорию для военной агрессии против третьих стран. Вторым элементом заключался в активном нормотворчестве в международных организациях, нацеленном на расширение политических, экономических и социально-культурных возможностей для бедных и неблагополучных стран, а также государств, оказавшихся в тисках социально-экономического кризиса. Третьим элементом стала приверженность базовым ценностям демократии, прав человека, политической транспарентности и законности как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Четвертым – благородство целей внешней политики и методов их достижения, то есть отказ от примата следования исключительно национальным интересам в пользу разделения бремени глобальных проблем и участия в их решении от экономического неравенства до распространения ядерного оружия и изменения климата. Также это предполагало поддержку принципа справедливого представительства разных стран в ключевых международных организациях. В качестве пятого элемента рассматривалась предсказуемая внешняя политика, коррелирующая с ситуацией внутри страны и не приемлющая двойных стандартов, отсутствие избирательности в осуждении насилия или нарушений демократических прав и свобод. Шестым элементом считалось противодействие западному центризму как военно-политической и экономической гегемонии Запада в мировой политике и его «дискурсивного доминирования» в теории международных отношений, то есть проявлениям неокOLONIALИЗМА и неоимпериализма в отношениях с малыми госу-

дарствами. Отличительной чертой внешней политики Турции являлся также абсолютный примат международного права.

На протяжении большей части первого десятилетия этого века правительство ПСР в Турции старалось придерживаться относительно миролюбивой внешней политики, избегая как прямого, так и косвенного участия в конфликтах, следуя логике «отожествления справедливости в международных отношениях с законностью»²⁴. Особенно рельефно эти подходы проявились во время парламентских слушаний по вопросу использования США турецкой территории для военного вторжения в Ирак. Вашингтон обратился к Турции как к стране-члену НАТО и многолетнему союзнику Запада в регионе с просьбой оказать содействие антитеррористической операции, предоставив возможность использовать расположенные на территории Турции военные базы, и санкционировать осуществление гуманитарной интервенции в Ирак с турецкой территории. Несмотря на договоренности, достигнутые на уровне политического руководства, 1 марта 2003 г. турецкий парламент заблокировал решение правительства, не одобрив предоставление американским военным турецких баз для вторжения в Ирак²⁵. Для Вашингтона такое развитие событий

²⁴ Cooper, Ian; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

²⁵ Афронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правой Партии справедливости и развития (ПСР), доминировавших в палате, с другой – протестом депутатов курдского происхождения, сочувствовавших иракским курдам и воздержавшихся от голосования. Кроме того, занимавший тогда пост госсекретаря Колин Пауэлл, по-видимому, считал вопрос о предоставлении турецких баз решенным и не видел необходимости в его лоббировании на уровне турецкого парламента. Конечно, свою роль сыграла и определенная неопытность тогдашнего премьер-министра Абуллаха Гюля, недооценившего значение голосов воздержавшихся депутатов. В итоге, законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на 5 голосов больше

стало крайне неприятной неожиданностью – «оглушительной оплеухой» от союзника по НАТО, как его поспешили окрестить мировые СМИ²⁶. При этом в глазах остального мира позиция Турции встретила одобрение, что позитивно отразилось на международном имидже страны особенно на Ближнем и Среднем Востоке. В Европе многие восприняли результат голосования в турецком парламенте как «показатель зрелости турецкой демократии» и преодоление наследия прошлой эпохи, характерными чертами которой были опека военной элиты над обществом и политической сферой и следование в фарватере американских интересов во внешней политике²⁷. Ведь решение парламента шло вразрез с позицией правящей ПСР, лидер которой – Р. Эрдоган – склонялся пойти на компромисс с США по Ираку, опасаясь открытой конфронтации с Вашингтоном. Стоит, однако, отметить, что накануне американского вторжения в Ирак Турция прилагала усилия по предотвращению силового сценария развития событий, инициировала серию конференций стран-соседей Ирака в Стамбуле²⁸.

В последующем на протяжении 2000-х гг. Анкара старалась придерживаться позиции неприятия силового решения международных конфликтов. Так, особенно резкое осуждение вызвали израильское вторжение в Ливан летом 2006 г. («Июльская война») и сектор Газа зимой 2008-2009 гг. (операция «Литой свинец») и летом 2014 г. (операция «Несокрушимая скала»). Осторожную критику встретил и вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г., на который официальная Анкара отреагировала предложением

создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Резко негативно Анкара отреагировала на подавление массовых беспорядков в Урумчи 2009 г. Комментируя кровавые события в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, Р. Эрдоган назвал действия китайских властей «почти что геноцидом», в результате которого погибло несколько сотен мирных граждан²⁹. Публичная критика Пекина сама по себе была примечательна, поскольку ранее официальные власти Турции воздерживались от резких высказываний в отношении Китая. Однако и в 2000-е гг. случались эпизоды, когда Анкара сдержанно реагировала на военное вмешательство третьих стран в решение международных и внутрисударственных конфликтов. Так, турецкое правительство достаточно пассивно отреагировало на военное вторжение в Сомали в 2006 г. со стороны Эфиопии, поддерживаемой США как в политическом, так и военно-стратегическом отношении. При этом сдержанная позиция Анкары «за мирное решение конфликта» выглядела особенно контрастно на фоне жестких заявлений Китая и России.

Помимо осуждения насилия в решении внутри- и межгосударственных конфликтов в 2000-е гг. турецкая дипломатия на разных площадках выступала против политики «государственного терроризма». И в этом смысле показательна маятниковая динамика отношений с Израилем. С одной стороны, Анкара признавала важность развития торгово-экономического и военно-технического сотрудничества с Тель-Авивом (в 1990-е гг. на израильском направлении были достигнуты ощутимые успехи), с другой, увязывала прогресс двухсторонних отношений с отказом Израиля от применения военной силы против палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа. При этом Турция была готова выступать посредником в палестино-израильском урегулировании и

²⁶ Filkins, Dexter. Threats and Responses: Ankara. Turkish Deputies Refuse to Accept American Troops // *New York Times*, 2/3/2003. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2003/03/02/world/threats-and-responses-ankara-turkish-deputies-refuse-to-accept-american-troops.html>

²⁷ Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005. S. 440-442.

²⁸ Balci, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // *Journal of South Asian and Middle Eastern*, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.

²⁹ Uygur katliami! // *Milliyet*, 7/7/2009. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/dunya/uygur-katliami-1114854>; Rabia Kadir Türkiye'ye geliyor // *Milliyet*, 11/7/2009. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/dunya/rabia-kadir-turkiye-ye-geliyor-1116464>

налаживании отношений между Израилем и Сирией. Однако деградация мирного процесса, строительство заградительного барьера, отделяющего Израиль от Западного берега, а главное – израильское вторжение в сектор Газа зимой 2008-2009 гг. на фоне переговоров между Тель-Авивом и Дамаском, проходивших при посредничестве Турции³⁰, – все это отчетливо показало, что прежние партнерские и доверительные отношения Турции и Израиля остались в прошлом. Правительство ПСР обрушилось с резкой критикой милитаристской политики Израиля, а на Давосском форуме 2009 г. Реджеп Эрдоган публично обвинил израильского президента Шимона Переса в массовых убийствах мирных жителей и детей в Палестине. Инцидент с «Флотилией свободы» весной 2010 г., в результате которого погибло девять граждан Турции, а более 50 получили ранения³¹, стал точкой невозврата для Анкары и Тель-Авива, за которым последовал отзыв послов и официальное снижение уровня двухсторонних отношений.

Рост напряженности в отношениях с Израилем в 2000-е и первой половине 2010-х гг. в целом отражал понимание справедливого регионального порядка Турцией, которая последовательно поддерживала борьбу палестинцев за свои права и идею создания Палестинского государства, признало Хамас в качестве легитимной политической силы, резко критиковало строительство заградительного барьера на Западном берегу, признавало незаконным еврейские поселения в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, осуждало политику по разделению Иерусалима³².

Важным элементом построения справедливого регионального порядка для Турции в 2000-е гг. стало стремление найти позитивные решения застарелых проблем с соседними государствами. Это отразилось на отношениях с Грецией по «кипрскому вопросу» и на поисках путей примирения с Арменией. Правительство ПСР всецело поддержало разработанный в рамках ООН «план Кофи Аннана» по урегулированию кипрского конфликта и созданию Объединенной Кипрской Республики, состоящей из греческой и турецкой автономных частей. Несмотря на критику «плана Аннана» со стороны военной элиты и оппозиционных партий (план предполагал уменьшение территории турецкой части острова с 37%, которые занимает Турецкая Республика Северного Кипра, до 28,5%)³³. Эрдоган открыто агитировал за положительный исход референдума об объединении острова в 2004 г. Однако 65%-поддержка турок-киприотов не помогла реализации плана, отрицательное голосование греческой части населения Кипра (75% высказались против) похоронило идею объединения острова. Безрезультатной оказалась и инициатива восстановления дипломатических отношений с Арменией, несмотря на широкую поддержку со стороны турецких властей, встречи президентов Абдуллаха Гюля и Сержа Саркисяна, «футбольную дипломатию» и т. д. «Цюрихские протоколы», подписанные главами МИД двух стран в 2009 г., так и не были ратифицированы парламентами Турции и Армении³⁴.

of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, At the United Nations Security Council Meeting on the Situation in the Middle East, Including the Palestinian Question, 11 May 2009, New York // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/statement-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-the-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-turkey_-at-the-united-nations-security-cou.en.mfa

³⁰ См.: Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. [Zvjagel'skaja, I. Blizhnevostochnyj klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii (The Middle East Clinch. Conflicts in the Middle East and Russia's Policies). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.]

³¹ The Mavi Marmara Case. Legal Actions Taken Against the Israeli Attack on the Gaza Freedom Flotilla on 31.05.2010. İHH İnsani Yardım Vakfı, 10 December 2012. Mode of access: <https://www.ihh.org.tr/en/publish/the-mavi-marmara-case>

³² Statement by H.E. Ahmet Davutoğlu, the Minister

³³ The Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem (31 March 2004). Mode of access: http://www.hri.org/docs/annan/Annan_Plan_Text.html

³⁴ См.: Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58-77. [Shlykov, P.V. Evraziystvo i evrazijskaja

Неотъемлемой составляющей справедливости регионального порядка Турция считала обеспечение режима ядерного нераспространения на Ближнем Востоке и противодействие использованию биологического и химического оружия в региональных конфликтах. Как страна-член Договора о нераспространении ядерного оружия Турция в 2000-е гг. продвигала идею полной денуклеаризации Ближнего Востока, резко критиковала Израиль за наличие ядерного потенциала, угрожающего, по мнению Анкары, региональной безопасности и стабильности, и призывала Совет безопасности ООН провести полное ядерное разоружение всех стран без исключения.

На разных площадках турецкие политики убеждали мировое сообщество, что рост числа ядерных и пороговых держав увеличивает число стремящихся любой ценой войти в ядерный клуб и риски иррационального использования оружия массового уничтожения³⁵. В 2010 г. Турция совместно с Бразилией выступили с инициативой по решению Иранской ядерной проблемы путем отправки уранового топлива этой страны на обогащение за границу (обмен урана на обогащенное ядерное топливо предполагалось осуществлять на территории Турции)³⁶. Анкаре даже удалось убедить Тегеран согласиться на такую сделку³⁷, но США и европейские члены «шестерки» ее не поддержали. Тем не менее Турция продемонстрировала принципиальность своей по-

зиции по Ирану, выступив против введения новых санкций против него на голосовании в Совете безопасности ООН месяц спустя после провала трехсторонних договоренностей по ядерной программе³⁸.

Наряду с получившими широкое освещение в СМИ инициативами по Ирану в 2000-е гг. Турция достаточно часто брала на себя роль международного посредника в урегулировании региональных конфликтов в Ираке, Ливане, Афганистане, Пакистане, на Балканах и в Африке³⁹.

Помимо традиционной миротворческой деятельности, утвердившейся в качестве неотъемлемой части политики «гуманитарной дипломатии» Турции, в середине 2000-х гг. Анкара стала рассматривать возможности экстраполяции своего видения справедливого порядка с регионального уровня на глобальный. Так, в 2005 г. Реджеп Эрдоган вместе с премьером Испании Родригесом Сапатеро выступил с масштабной инициативой создания под эгидой ООН «Альянса цивилизаций» – международной организации, направленной на аккумуляцию усилий по противодействию экстремизму и налаживанию межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога. Особая миссия Альянса заключалась в налаживании межцивилизационного диалога и преодолении трений между Западом и исламским миром. Неслучайно само название новой ооновской структуры было своеобразным ответом на популярную книгу Самуэля Хантингтона «Столкновения цивилизаций», которая обрела вторую жизнь после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Несмотря на прорывной характер самой инициативы и ее соответствие ключевым международно-политическим трендам сами методы работы Альянса оказались довольно традиционными – многочисленная конференция, межго-

integracija v politicheskoj ideologii i praktike Turcii [Eurasia and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey] // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 1, pp. 58-77.]

³⁵ Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

³⁶ Barrionuevo, Alexei; Arsu, Sebnem. Brazil and Turkey Near Nuclear Deal with Iran // *The New York Times*, 16/5/2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/05/17/world/middleeast/17iran.html>

³⁷ Iran Accepts Nuclear-fuel Swap Deal. Brazilian-brokered Deal Obliges Iran to Ship 1,200 kg of Low-enriched Uranium to Turkey // *Aljazeera*, 17/5/2014. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2010/05/201051755444737189.html>

³⁸ Security Council Imposes Additional Sanctions on Iran, Voting 12 in Favour to 2 against, with 1 Abstention (Resolution 1929 on June 9, 2010) // UN Security Council, 9/6/2010. Mode of access: <https://www.un.org/press/en/2010/sc9948.doc.htm>

³⁹ Resolution of Conflicts and Mediation. Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/resolution-of-conflicts-and-mediation.en.mfa>

сударственные гуманитарные и культурно-образовательные проекты и т. д.⁴⁰ Наряду с «Альянсом цивилизаций» еще одним выражением стремления Турции выйти со своим видением справедливого миропорядка на глобальный уровень стало создание в 2010 г. в кооперации с Финляндией «Группы друзей мирного посредничества». За первые годы существования группа, деятельность которой целиком и полностью посвящена выработке механизмов мирного урегулирования конфликтов, смогла привлечь в свои ряды более 50 стран и 7 региональных и международных организаций⁴¹. Наконец, символом устремлений официальной Анкары к построению справедливого миропорядка стала формула-призыв к реформе ООН и расширению состава постоянных членов Совета безопасности ООН, озвученная на Генеральной ассамблее этой организации Реджепом Эрдоганом «Мир больше пяти»⁴², положившей начало одноименной общественной кампании в целом ряде стран по всему миру⁴³ и вошедшей в официальную доктрину МИД Турции⁴⁴.

Защита прав человека считалась универсальным компонентом справедливого порядка на региональном и глобальном уровне, поэтому правительство Турции в 2000-е гг. провозгласило принцип «защи-

ты прав человека» одним из краеугольных камней политики ПСР. Этот шаг стал следствием масштабных реформ по европеизации первой половины 2000-х гг., сыгравших определяющую роль во внедрении западных стандартов права и нормативных гарантий гражданских прав и свобод. В эти годы были приняты новый гражданский и уголовный кодексы, либерализован закон о прессе, расширены рамки гражданских прав и свобод, отменен режим чрезвычайного положения в Юго-Восточной Анатолии.

В результате этих реформ курды получили возможность изучать языки курманджи и заза, иметь курдские СМИ. Ограничения на создание и функционирование фондов-вакфов и ассоциаций были сведены к минимуму, были ликвидированы Государственные суды независимости, полномочия Совета национальной безопасности, обеспечивавшего политическую субъектность армии и военной элиты, были серьезно урезаны, введен усиленный контроль за расходованием военного бюджета, отменены дискриминационные нормы, касавшиеся имущества немусульманских вакфов, а религиозные меньшинства получили право владеть недвижимым имуществом и строить на своих землях культовые сооружения.

Самым примечательным нововведением 2000-х гг. стало установление примата международных норм по защите прав человека: положения соответствующих международных конвенций и соглашений, подписанных и ратифицированных Турцией, получили приоритет над нормами национального законодательства в сфере прав человека. Последующие законодательные нововведения еще больше расширили сферу гражданских прав и свобод, был создан специальный пост омбудсмена, к которому каждый мог обратиться с жалобой на работу органов государственной власти, а Конституционный суд стал принимать индивидуальные петиции по вопросам нарушения гражданских прав⁴⁵. Символом нового пони-

⁴⁰ Balci, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406; Ardic, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122; Bilgin, Pinar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

⁴¹ The Group of Friends of Mediation. UN Peacemaker. Mode of access: <https://peacemaker.un.org/friendsofmediation>

⁴² Dünya beş'ten büyüktür // *Milliyet*, 24/9/2013. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/siyaset/dunya-besten-buyuktur-1767594>

⁴³ 'Dünya 5'ten Büyüktür' kampanya oldu // *Hurriyet*, 26/9/2014. Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/dunya-5-ten-buyuktur-kampanya-oldu-27276792>

⁴⁴ Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa>

⁴⁵ Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

мания гражданских прав и демократии стал процесс мирного урегулирования «курдского вопроса», запущенный в 2012 г. и свернутый в 2015 г.

Новая этика внешней политики Турции в 2010-е гг.: секьюритизация гуманизма и «моральный реализм»

Вторая половина 2010-х гг. стала для Турции временем переосмысления целей внешней политики и методов ее осуществления. Функционально и доктринально внешняя политика Турции 2000-х гг. с ее акцентом на широкие возможности «мягкой силы» и доминантой либеральных ценностей, оформленных в концепцию «цивилизационной геополитики», оказались нерелевантны стремительно меняющейся международно-политической конъюнктуре.

Стагнация процесса вступления в ЕС, с одной стороны, и возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг., с другой стороны, сделала внешнеполитический курс Анкары более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, стремительные изменения которой незамедлительно требовали коррекции курса, а порой и серьезной ревизии внешнеполитических ориентиров и практик. Объявление войны мировому терроризму после терактов 11 сентября 2001 г. и формирование международной антитеррористической коалиции, мировой экономический кризис 2008 г., волна народных протестов «Арабской весны» в 2010-2011 г., появление ИГИЛ в 2014 г. – каждое из этих событий имело серьезные последствия для Турции, несло новые вызовы национальной безопасности и заставляло проводить «перезагрузку» внешней политики.

Очередная такая «перезагрузка» произошла в середине 2010-х гг., когда международно-политическая конъюнктура начала стремительно ухудшаться, а исходящие из региона негативные тенденции создали для Турции новые угрозы национальной безопасности. Разрастающийся миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами, сопутствующими «арабской весне», спровоцировал наплыв нескольких мил-

лионов сирийских беженцев на территорию Турции (число только официально зарегистрированных на ноябрь 2019 г. превысило 3,8 млн⁴⁶). Следствием непрекращающегося военного противостояния с «Исламским государством» стал рекордный рост числа терактов в крупных турецких городах, жители которых стали ощущать себя на линии фронта. Эскалация кризиса национальной государственности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, выразившееся в коллапсе значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов; обостряющееся противостояние глобальных игроков за влияние на региональный порядок и свои геостратегические интересы на Ближнем Востоке; распространения новых форм политического насилия и расширение номенклатуры «опосредованных» военных конфликтов; колоссальный рост удельного веса межэтнических и межконфессиональных конфликтов в регионе – все эти составляющие нового регионального порядка на Ближнем Востоке требовали от Турции перераспределения внешнеполитических приоритетов.

В результате перед правительством ПСР встала трудноосуществимая задача: сохраняя прежний масштаб включенности в международно-политические процессы («уровень проактивности» в официальном лексиконе турецкой дипломатии) и не отказываясь от гуманистической составляющей внешней политики («гуманитарной дипломатии» с ее приматом защиты прав человека), перейти к широкому использованию «жесткой силы» как наиболее эффективному средству в борьбе с террористической угрозой и новыми вызовами национальной безопасности. Такое причудливое сочетание милитаризма и гуманизма во внешней политике в среде близких к власти турецких политологов получило название «морального реализма»⁴⁷, которое должно было подчеркнуть ее принципиальные отличия от концепции «наступательного

⁴⁶ UNHCR Syria Regional Refugee Response – Turkey // UNHCR Syria Regional Refugee Response. 14/11/2019. Mode of access: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/113>

⁴⁷ AK Parti'nin 15 Yılı: Dış Politika. İstanbul: SETA, 2017.

реализма» Джона Миршаймера⁴⁸. Ее базовые составляющие – с одной стороны, колоссальное бремя в решении проблемы сирийских беженцев, которое взяла на себя Турция, с другой – все возрастающая включенность в силовое решение сирийского кризиса в форме участия в антитеррористической коалиции против «Исламского государства» и военных операций против боевых организаций турецких и сирийских курдов.

При этом в официальной риторике функционеров правящей ПСР подчеркивалось, что ни одна другая страна, вовлеченная в решение «сирийского кризиса» (как внерегиональные державы – Россия и США, так и региональные – Иран, Саудовская Аравия и др.), не демонстрирует подобного «морального реализма» в своей политике. Таким образом, в условиях нарастающей глобальной нестабильности, когда трансформацию мирового порядка определяет противостояние глобальных игроков, а государства в своих внешнеполитических устремлениях руководствуются интересами, а не нормами международного права, турецкая политика «морального реализма» второй половины 2010-х гг. стала отражением нового понимания Турцией справедливого миропорядка и методов его построения на глобальном и региональном уровне⁴⁹.

Изменения глобального и регионально-политического климата заставили правительство Турции пересмотреть свои взгляды на пределы и направления внешнеполитической активности. Если в 2000-е гг. турецкая «проактивность» имела многосторонний и многовекторный характер, отражающий глубокое вовлечение Турции в процессы глобализации, то во второй половине 2010-х гг. она приобрела селективный характер, а ее фокус сместился на конкретные регионы, приоритетное значение приобрели Ближний Восток и Африка.

Характер «проактивности» также изменился. В 2000-е гг. Турция опиралась на инструментарий «мягкой силы», ее стратегия утверждения в качестве регионального лидера предполагала наращивание своего влияния в экономической, духовно-культурной и гуманитарной сфере. Внушительные макроэкономические показатели вкупе с уникальным сочетанием приверженности исламским ценностям и светской демократической политической системы сделали Турцию объектом повышенного интереса и отчасти примером для подражания. Успехи Турции как модели демократического мусульманского государства, внушали определенный оптимизм в отношении будущего региона как внутри Турции, так и за ее пределами. Прогресс в диалоге с Брюсселем и проведении реформ европеизации в 2000-2004 гг. на короткое время заставили говорить о Турции как символе нового этапа в развитии евроинтеграции, который позволит усилить ее трансрегиональный и мультикультурный характер, позволит сделать ЕС «пост-территориальным сообществом» и т. д. Доказательством серьезных ожиданий на позитивный вклад Турции в развитие демократического глобального управления стала также и упоминавшаяся ранее турецко-испанская инициатива создания под эгидой ООН «Альянса цивилизаций».

Если в 2000-е гг. во всех сферах своей внешнеполитической деятельности Турция воспринималась как страна, уповающая на эффективность методов «мягкой силы», а ее роль в построении справедливого порядка, мира и безопасности на Ближнем Востоке рассматривалась в большинстве стран региона с воодушевлением⁵⁰, то в 2010-е гг.

⁴⁸ Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001. Pp. 4-14.

⁴⁹ Aras, Bülent. *Turkish Foreign Policy after July 15*. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf

⁵⁰ Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. *The Perception of Turkey in the Middle East 2013*. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1mlar/2014/Perception2013-eng.pdf>; Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. *The Perception of Turkey in the Middle East 2011*. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf; Altunışık, Meliha Benli. *Turkey: Arab Perspectives*. Foreign Policy Analysis Series.

ситуация стала принципиально иной. С ростом политической напряженности внутри страны (массовые протесты лета 2013 г., коррупционные скандалы, антидемократические законодательные инициативы, преследование инакомыслящих, наконец, масштабные репрессии после путча 2016 г.) и нарастанием финансово-экономических проблем (снижение макроэкономических показателей, рост инфляции и безработицы, девальвация национальной валюты) потенциал прежнего инструментария «мягкой силы» Турции катастрофически снизился. При этом сама страна – как во времена «холодной войны» – все больше стала рассматриваться в качестве державы, уповающей на возможности «жесткой силы». Именно военно-политический потенциал Турции на региональном и глобальном уровне стал стрелковой составляющей внешней политики, как в двухсторонних, так и многосторонних форматах. Участие Турции в решении ключевых региональных проблем – от борьбы с ИГИЛ и урегулирования миграционного кризиса до вопроса границ и преодоления кризиса государственности – стало восприниматься практически исключительно исходя из ее военно-политических возможностей, а отнюдь не в категориях ее потенциала в сфере экономики, культуры, опыта демократизации и т. д. Таким образом, из страны, реализующей свое видение справедливого регионального порядка с помощью «мягкой силы», Турция превратилась в «буферную территорию», основная миссия которой заключается в сдерживании Исламского государства, миграционных потоков и экспансии других региональных держав (прежде всего, Ирана) и т. д.

Доминанта гуманитарной дипломатии и «мягкой силы» сменилась тенденцией милитаризации внешней политики – проектами развертывания военных баз на Ближнем Востоке, в Африке, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Идеи мультилатерализма и альянса цивилизаций оказались вытеснены стратегией построения военно-

политических союзов. Отчасти такой поворот во внешнеполитическом курсе стал ответом на обострившееся противостояние глобальных игроков за влияние на региональный порядок и свои геостратегические интересы на Ближнем Востоке и рост конкуренции за лидерство между региональными державами. В следствие этого один из главных внешнеполитических принципов-императивов 2000-х гг. «обнуления проблем с соседями» в 2010-е гг. уступил место политике «завоевания союзников». Весной 2016 г. Бинали Йылдырым, сменивший на посту премьер-министра Ахмета Давутоглу, прямо заявил, что главная внешнеполитическая задача нового правительства – «восстановление отношений со старыми друзьями и обретение новых»⁵¹. Последующие 2016 и 2017 гг. в турецкой внешней политике прошли под знаком поиска возможностей для нормализации отношений с Россией, Израилем⁵², странами Персидского залива и даже налаживания диалога с пришедшей к власти в США администрацией президента Дональда Трампа.

Переосмысление принципов «цивилизационной геополитики» и смещение основного фокуса внешнеполитической активности на проблемы безопасности (вопросы экономики, культурно-идеологического доминирования отошли на второй план) рельефно проявились в подходах Турции к урегулированию сирийского конфликта. Подтверждением усиления идей реализма во внешнеполитическом дискурсе Турции стали военные операции на территории Сирии – «Щит Евфрата» (2016-2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), а также переход к стратегии избирательной внешнеполитической активности во второй половине 2010-х гг. («необходимости правильного стратегического выбора для достижения поставленных целей»⁵³), которая

⁵¹ Başbakan Yıldırım'dan yeni dış politika sinyali! // *Akşam*, 16/6/2016

⁵² Шлыков П.В. Зачем Турция мирится с Россией и Израилем / Московский Центр Карнеги – Carnegie.ru, 30/6/2016. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/63971>

⁵³ Başbakan Binali Yıldırım: Dostlarını artıran düşmanlarını azaltan bir dış politika anlayışını güçlendireceğiz // *Hürriyet*, 16/06/2016. Mode

11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf

резко контрастировала с многовекторной политикой 2000-х гг.

* * *

Стремительная трансформация Ближнего Востока, выразившаяся в обострении конкуренции за влияние между глобальными и региональными державами, кризисе национальной государственности вкуче с коллапсом значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов, распространении гибридных военных конфликтов главным своим следствием имело крушение прежнего регионального баланса сил. Став ареной масштабной активности транснациональных террористических организаций, Ближний Восток ко второму десятилетию этого века закрепил за собой определение «региона, где нет никакого регионального порядка»⁵⁴, и региона, текущее кризисное состояние которого продуцирует тенденции дестабилизации вовне. В результате, Ближний Восток оказался расчерчен подвижными линиями конфликтного противостояния и поделен на «зоны влияния» глобальных и региональных игроков и постоянно изменяющиеся «зоны войны». Имманентно присущая региону на протяжении всей его новейшей истории полицентричность в начале этого века имела своей главной производной полифонию разных видений и моделей регионального порядка, которых придерживались региональные державы и глобальные игроки, глубоко погружившиеся в ближневосточные дела. Главный парадокс такой ситуации заключался в том, что ни у одной из держав не хватало военно-политического и культурно-идеологического потенциала, чтобы реализовать свое видение регионального порядка или навязать его другим.

Турция, несмотря на свое трансрегиональное геополитическое положение вкуче с множественной региональной идентичностью, определяющие ее более гибкую

внешнеполитическую ориентацию⁵⁵, что, по мнению турецких политиков, должно было стать залогом успеха в выполнении функции регионального лидера, не смогла стать для Ближнего Востока отправной точкой в построении справедливого регионального порядка. Возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг. сделала внешнеполитический курс Анкары гораздо более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, стремительные изменения которой незамедлительно требовали коррекции курса, а порой серьезной и быстрой ревизии внешнеполитических ориентиров и практик. Объявление войны мировому терроризму после терактов 11 сентября 2001 г. и формирование международной антитеррористической коалиции, мировой экономической кризис 2008 г., волна народных протестов «Арабской весны» в 2010-2011 г., появление ИГИЛ в 2014 г. – каждое из этих событий имело серьезные последствия для Турции, несло новые вызовы национальной безопасности и заставляло проводить «перезагрузку» внешней политики государства, которое еще совсем недавно активно стремилось сочетать в своем внутривосточном и внешнеполитическом курсе исламские ценности и либеральные практики.

Исходя из этого посыла в 2000-е гг. Турция считала оптимальной модель регионального порядка, которая могла бы обеспечить такую ценностную конвергенцию на практике. Концепция «обнуления проблем» с соседями, и успех в налаживании отношений практически со всеми арабскими странами при сохранении партнерства с Израилем и налаживании диалога с Ираном предполагала инклюзивный региональный порядок, базирующийся на принципах уважения к государственному суверенитету, нормам международного права, верховенстве закона и распространении демократии. Такой порядок предполагал существенное расширение возможностей развития взаимовыгодного

of access: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/basbakan-binali-yildirim-dostlarini-artirandusmanlarini-azaltan-bir-dis-politika-anlayisini-guclendirecegiz-40118547>;

⁵⁴ Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

⁵⁵ Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cuspness. In *The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations*. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.

экономического сотрудничества, расширения торгово-экономических отношений, перекрестного инвестиционного партнерства, то есть должен был стать своего рода исламским или ближневосточным вариантом либерального миропорядка. Однако с началом «арабской весны» возможности Турции в построении такого порядка и продуцировании его ценностных ориентаций стали стремительно сокращаться. И если в первые месяцы арабских революций в Анкаре еще испытывали некоторые иллюзии в отношении реальности продолжения прежнего регионального курса, символом чего было знаменитое ближневосточное турне Эрдогана, посетившего Египет и Тунис и встреча Давутоглу с Башаром Асадом, то с разрастанием гражданской войны в Сирии, победным шествием ИГИЛ и военным переворотом в Египте необратимость негативной трансформации региона стала очевидной. Результатом реакции на эти события стала «перезагрузка» внешней политики Турции в духе нового турецкого концепта «морального реализма». Снижение потенциала «мягкой силы» вернуло к жизни характерное для периода «холодной войны» упование на инструментарий «жесткой силы» и способствовало общей милитаризации внешней политики.

Литература:

Бабынина Л.О. и др. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей редакцией Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015.

Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: ИВ РАН, 2018.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: «Учитель», 2015.

Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014.

Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007.

Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. и др. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012.

Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58-77.

Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. 2013. № 1. С. 58-75.

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2013. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1mlar/2014/Perception2013-eng.pdf>

Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cuspness. In *The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations*. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.

Altunışık, Meliha Benli. Turkey: Arab Perspectives. Foreign Policy Analysis Series. 11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf

Aras, Bülent. Turkish Foreign Policy after July 15. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf

Ardıç, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122.

Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // *Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era*. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.

Balcı, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406.

Balcı, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // *Journal of South Asian and Middle Eastern*, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.

Barkey, Henry. The Silent Victor: Turkey's Role in the Gulf War. In *The Iran-Iraq War: Impact and Implications*. Ed. by Efraim Karsh. London: Palgrave Macmillan, 1989. Pp. 133-153.

Bilgin, Pinar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005.

Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

Brown, Leon Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Çalış, Şaban Halis. Turkey's Cold War: Foreign Policy and Western Alignment in the Modern Republic. London: I.B. Tauris, 2016.

Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015.

Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

Cooper, Ilan; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

Donat, Yavuz. Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat. İstanbul: Bilgi, 1999.

Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

Erbakan, Necmettin. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Erbakan, Necmettin. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program. Ankara, Temmuz, 1991. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/page.php?act=haberGoster&haberID=2078&name=turkiye-39-nin-temel-meseleleri>

Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

Hinnebusch, Raymond A. The International Politics of the Middle East. New York: Manchester University Press, 2003.

Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

Oğuzlu, Tarık. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

Sayarı, Sabri. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol.3, No.3, pp. 35-43. Mode of access: <https://www.meforum.org/314/turkeys-islamist-challenge>

Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

References:

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2013. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1mlar/2014/Perception2013-eng.pdf>

Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cuspness. In *The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations*. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.

Altunışık, Meliha Benli. Turkey: Arab Perspectives. Foreign Policy Analysis Series. 11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf

Aras, Bülent. Turkish Foreign Policy after July 15. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf

Ardeş, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122.

Babynina, L.O. et al. Evropejskij Sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost' (European Union in Search for Global Role: Politycy, Economy, Security). Moscow: Ves' mir, 2015.

Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // *Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era*. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.

Balci, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406.

Balci, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // *Journal of South Asian and Middle Eastern*, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.

Baranovskij, V.G., Naumkin V.V. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Moscow: IV RAN, 2018.

Barkey, Henry. The Silent Victor: Turkey's Role in the Gulf War. In *The Iran-Iraq War: Impact and Implications*. Ed. by Efraim Karsh. London: Palgrave Macmillan, 1989. Pp. 133-153.

Bilgin, Pinar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005.

Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

Brown, Leon Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Çalış, Şaban Halis. Turkey's Cold War: Foreign Policy and Western Alignment in the Modern Republic. London: I.B. Tauris, 2016.

Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015.

Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

Cooper, Ilan; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

Donat, Yavuz. Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat. İstanbul: Bilgi, 1999.

Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

Erbakan, Necmettin. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Erbakan, Necmettin. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program. Ankara, Temmuz, 1991. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/page.php?act=haberGoster&haberID=2078&name=turkiye-39-nin-temel-meseleleri>

Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

Grinin, L.E.; Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. Revoljucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke (Revolutions and Instability in the Middle East). Moscow: «Uchitel'», 2015.

Hinnebusch, Raymond A. The International Politics of the Middle East. New York: Manchester University Press, 2003.

Kireev, N.G. Istoriiia Turtzii. XX vek. (History of Turkey in the 20th Century) Moscow: IV RAN, Kraft+, 2007.

Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

Naumkin, V.V.; Popov, V.V.; Kuznetsov, V.A. et al. Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossija: chto dal'she? (The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What comes Next?). Moscow: IV RAN, 2012.

Oğuzlu, Tarık. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

Sayarı, Sabri. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol.3, No.3, pp. 35-43. Mode of access: <https://www.meforum.org/314/turkeys-islamist-challenge>

Shlykov, P.V. Evraziystvo i evrazijskaja integracija v politicheskoj ideologii i praktike Turcii [Eurasia and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey] // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 1, pp. 58-77.

Shlykov, P.V. Kuda Idet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya [Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of Pro-Western Course of Development] // *Contemporary Europe*, 2013, No. 1, pp. 58-75.

Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

Zvjagel'skaja, I. Blizhnnevostochnyj klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii (The Middle East Clinch. Conflicts in the Middle East and Russia's Policies). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.

DISCUSSIONS ON THE JUST WORLD ORDER IN TURKEY:
COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS
AND FOREIGN POLICY PRACTICES
OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE 2000's

Pavel V. Shlykov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 25.11.2018</p> <p><i>Received:</i> 25.11.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.12.2019</p>	<p>Abstract: The international transformations, which the Middle East faced in the 20th and early 21st centuries, virtually made it a region without any regional order. Polycentric structural organization, an intrinsic feature of the Middle East, has resulted in multiple visions of regional order generated by regional powers and global actors actively involved in the regional affairs. Paradoxically, however, none of these powers had enough military, political, cultural or ideological potential to implement its vision and impose it on others. Against this background Turkey's foreign policy strategy had significantly changed at the turn of the centuries. In the later 1990s Turkey was still a status quo power, dependent on its relations with the West and adherent to the principles of non-interference in the regional affairs. However, its rising involvement in global and regional affairs in the first decade of this century made Ankara's foreign policy much more liable to international and regional developments. In addition, the advent to power of the Justice and Development Party added a strong Islamic element to its domestic and foreign policy discourse. As a result during the first decade of this century Turkey undertook an effort to propose its own version of regional order based on the convergence of liberal and Islamic values. The Arab Spring and a new wave of regional destabilization however seriously limited Turkey's ability to do it. Reacting to the regional turbulence Turkey has reset its foreign policy appealing to the concept of "moral realism", an intricate combination of humanitarianism and militarism being its core part.</p> <p><i>Acknowledgements: the article was supported by the RSF grant "Problems and Prospects of the International Political Transformation of the Middle East in the Context of Regional and Global Threats", project No. 17-18-01614</i></p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: shlykov@iaas.msu.ru</p>	
<p>Key words: Middle East; Turkey; regional order; moral realism; just world; foreign policy; inter-civilizational dialogue</p>	

Для цитирования: Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // *Сравнительная политика*. – 2019. – №4 – С. 34-51.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10040

For citation: Shlykov, Pavel V. Diskussii o spravedlivom miroponyadke v Turtsii: sravnitel'nyy analiz kontseptsii i ponytok ikh realizatsii v 2000-ye gody (Discussions on the Just World Order in Turkey: Comparative Analysis of Concepts and Foreign Policy Practices of Their Implementation in the 2000's) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 34-51.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10040

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО (И МИРОВОГО) ПОРЯДКА

Екатерина Валерьевна Колдунова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 19 ноября 2018</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 19 ноября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 4 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: В представленной статье путем диахронного сравнительного анализа специфики формирования регионального порядка в Юго-Восточной Азии в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды демонстрируется, что несмотря на свое изначально подчиненное положение в международной системе страны региона смогли не только адаптироваться к чуждому для них концепту наций-государств, но и выработать региональные инструменты расширения своей международной субъектности. По мере такой адаптации местные (доколониальные) представления о региональном порядке все в большей степени утрачивали свою практическую составляющую и переходили в плоскость оснований для развития общественно-политической и философской мысли. Доказывается, что опыт коллективного действия стран Юго-Восточной Азии, объединившихся во второй половине XX в. в формате АСЕАН, необходимость примериться и ужиться со многими внутрирегиональными и международными ограничениями привел к достаточно взвешенному взгляду стран региона на желаемый справедливый региональный порядок. Его квинтэссенцией стали инклюзивность, принятие сложившейся системы наций-государств, развитие международных отношений в рамках общих правил и норм, представления о желательности снижения интервенционизма Запада при сохранении его сильных позиций в мировой системе, принятие Китая как ведущей экономической, но не политической силы. Такой подход к организации регионального порядка, закрепленный, в частности, в концептуальном документе, о подходе АСЕАН к формированию Индо-Тихоокеанского региона, представляется вполне оправданным, однако его дальнейшая практическая реализация может столкнуться с серьезными структурными ограничениями.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: регионализм; АСЕАН; региональный порядок; региональные трансформации; сравнительный анализ; Юго-Восточная Азия; Индо-Тихоокеанский регион; Китай; США</p>	

Современная Юго-Восточная Азия представляет собой регион, который на протяжении своей доколониальной, колониальной и постколониальной истории пережил целый ряд кардинальных трансформаций, причем на втором и начальном этапе третьего из указанных периодов, выступая в первую очередь их объектом, нежели активным субъектом. Однако в конце XX века благодаря деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) регион смог стать источником институциональных новаций в региональной и мировой поли-

тике, позволивших существенным образом расширить возможности влияния малых и средних стран региона на их более крупных контрагентов (США, Китай, Индию, Японию, Россию, Австралию). Эти новации основывались как на практических инструментах международно-политического взаимодействия, разработанных в течение нескольких десятилетий своего существования странами АСЕАН, так и на наработках современной общественно-политической мысли государств региона. В ней, в частности, представлены интересные концептуаль-

ные обоснования того, как страны, для которых вестфальская система наций-государств и мировой порядок, базирующийся на данном конструкте, изначально являлась чужеродным явлением, не только смогли адаптироваться к нему, но и предложить свои в достаточной степени конструктивные оценки его более справедливых и инклюзивных вариантов.

В данной статье предпринимается попытка доказать представленный выше тезис путем диахронного сравнительного анализа специфики формирования регионального порядка в Юго-Восточной Азии в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды. Методологически проведенный анализ опирается на определение регионального порядка, представленного в работах одного из крупнейших специалистов по международным отношениям в регионе Майкла Лейфера, который понимал под таковым «существование стабильной структуры региональных межгосударственных отношений, основанных на общих представлениях о том, что определяет логику поведения государств в отношениях друг с другом»¹. И хотя применительно к доколониальному периоду в Юго-Восточной Азии сложно говорить о подлинно «международных» отношениях в понимании западной теории международных отношений, тем не менее, на наш взгляд, представляется возможным порассуждать о существовании регионального порядка в логике определения М. Лейфера. Еще один дискуссионный вопрос, имеющий отношение к проблематике данной статьи, касается определения географических рамок Юго-Восточной Азии, которая, как отмечают многие исследователи, может рассматриваться как международно-политический регион лишь после окончания Второй мировой войны. Тем не менее, представляется возможным сделать аналитическое допущение в виде экстраполяции современных географических параметров Юго-Восточной Азии и на предшествующие исторические периоды.

¹ Leifer, M. *Selected Works on Southeast Asia*. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. P. 98.

Государства без границ, соподчинение без принуждения

В доколониальный период в Юго-Восточной Азии существовали государственные образования, политико-территориальная организация которых существенным образом отличалась от той, к которой пришли европейские страны в результате формирования вестфальской системы и сопутствующих ей представлений о внешнем и внутреннем суверенитете. Последняя стала результатом формирования так называемых наций-государств, территориально-фиксированный характер которых в сочетании с полной национальной консолидацией и интеграцией долгое время рассматривался как наивысшее достижение модерна² и лишь относительно недавние по историческим меркам работы Стейна Роккана³, Чарльза Тилли⁴, Майкла Китинга⁵ и ряда других авторов поставили вопрос о спорности данного суждения и нелинейном характере движения к конструкту наций-государств в Европе.

Государственные образования, существовавшие в Юго-Восточной Азии до прихода колонизаторов, зачастую определялись в первую очередь по их политическим центрам и не имели четко фиксированной административной системы контроля над территорией от центра до периферии. Таковую систему в ее малайском варианте австралийский исследователь Энтони Милнер обозначил в своих работах как «кераджаан» (политии, определяемые по расположению правителя)⁶. Британский автор Оливер Уол-

² Keating, M. *Thirty Years of Territorial Politics // West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, p. 60.

³ *Building States and Nations*. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

⁴ Tilly, Ch. *Coercion, Capital and European States, AD 990-1990*. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

⁵ Keating, M. *Thirty Years of Territorial Politics // West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

⁶ Milner, A. *The Malays*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.; Milner, A.; Kasim, S.M. *Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia's Foreign Relations //*

терс применительно к различным государственным образованиям Юго-Восточной Азии использовал термин «государство-мандала», проводя аналогии между концентрическими кругами, расходящимися от политического центра к периферии, и космогоническими представлениями об устройстве вселенной, существующими в буддизме и постулирующими центральность для нее горы Меру, окруженной океанами и горными цепями (то есть разными уровнями вселенского бытия). Подобная организационная система воспроизводилась, например, в структуре таких архитектурных комплексов как Боробудур (о.Ява, территория современной Индонезии) или Ангкор Ват (провинция Сиамреап, Камбоджа), который одновременно являлся и храмовым сооружением, и городским поселением, и центром одноименной империи.

Отталкиваясь от идеи государства-мандалы известный социальный антрополог шри-лайнкийского происхождения Стенли Тамбайя охарактеризовал организацию древнейших индианизированных государств Юго-Восточной Азии как галактическую политику⁷. В подобных системах основная функция правителя («властного аналога Будды» – Чакравартина или праведного правителя Дхаммараджи⁸) заключалась не в территориальном контроле, а в выполнении посреднической функции между более высокими уровнями универсума и миром людей и низших существ, то есть не в структурной, а в первую очередь – символической интеграции политического пространства⁹. Функция же бюрократического

контроля реализовывалась через систему патрон-клиентских отношений, пронизывающих общества древних государств Юго-Восточной Азии от центра до периферии при том, однако, уточнении, что она не носила жестко фиксированного характера.

Соответственно, переходя к вопросу о региональном порядке, логичным является констатация отсутствия в доколониальный период межгосударственных отношений в Юго-Восточной Азии в строгом смысле этого слова и наличия другого типа – межсоциетального или межобщественного взаимодействия¹⁰. В отношении индианизированных государств региона, которые восприняли тхеравадический буддизм, справедливо также отметить факт особого, основанного на религиозных нормах и принципах, морального обоснования государственной власти и системы территориальной организации, описанной выше. При этом, по-видимому, не для всей территории современной Юго-Восточной Азии было характерно возникновение политий типа государств-мандал. Исключения составляли отдельные территории северного Таиланда, современных Мьянмы и Лаоса, равно как и Вьетнама, в результате девяти векового китайского господства над ним сохранившего китайскую бюрократическую систему и более централизованную систему государственного устройства¹¹.

Несмотря на то, что в доколониальный период наряду с влиянием Индии, регион представлял собой также и объект китайского влияния, было бы, однако, неверным говорить о том, что региональные политии были жестко включены в иерархию китаецентричного порядка, хотя многие из них отправляли вассальные посольства в Китай на регулярной основе. Так, Сиам, например, направлял такие посольства в Китай вплоть до 1853 г.¹², являясь при этом политическим

Contemporary Southeast Asia, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

⁷ Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // HAU: Journal of Ethnographic Theory, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

⁸ Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 295 с. [Agadzhanian, A.S. Buddiiskii put' v XX veke: Religioznye tsennosti i sovremennaia istoriia stran tkheravady (Buddhist Way in the 20th Century: Religious Values and Contemporary History of Theravada States). Moscow: Nauka. Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura», 1993. 295 p.]

⁹ Ibid. С.176.

¹⁰ Chong, A. Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in “Intersocietal Relations” in the Sejarah Melayu // *Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

¹¹ Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. P. 64.

¹² Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда. М: Наука, Главная редакция восточной литера-

центром для многих соседних территорий, в частности на севере Малайского полуострова, условно зависимых от него и также направлявших в Сиам вассальные посольства и золотые цветы «бунга мас», представлявшие собой с точки зрения Сиам символ признания факта зависимости этих территорий от него.

«Ориентализм структурирует», национализм (и регионализм) отвечает

Появление в Юго-Восточной Азии колониальных держав (Испании, Голландии, Великобритании, Франции) существенным образом трансформировало облик региона и дезинтегрировало существовавшие внутрирегиональные связи¹³. Колониальное присутствие, начавшееся в регионе в XVI в. и завершившееся во второй половине XX в. можно назвать периодом навязанных социальных и политико-экономических идентичностей, а также временем возникновения прообразов будущих национальных границ. Отталкиваясь от обобщения, сформулированного в классической работе Эдварда Саида «Ориентализм: Западные концепции Востока» – «ориентализм структурирует»¹⁴, можно привести целый ряд примеров, подтверждающих данный тезис применительно к странам Юго-Восточной Азии. Малайзийский исследователь Фариш Нур, анализируя задачи европейской колониальной политики в Юго-Восточной Азии, особо выделил среди них введение в практический инструментарий колониального управления представлений о «расовых различиях», которые позволяли провести четкую грань между европейцами и азиатами, а последних, в свою очередь подразделить на представителей малайской, китайской и индийской рас. Та-

кой подход последовательно использовался и усложнялся в колониальных переписях населения, проведенных британцами на территории современной Малайзии в 1871, 1891, 1911 и 1931 гг.¹⁵

Различия и иерархия между расами закреплялись в идейном и практическом плане через их положение в структуре колониального управления, а также путем придания им отдельных экономических функций и четко фиксированную географию расселения, которая вплоть до сегодняшнего дня просматривается в существовании этнических анклавов в городской структуре Куала-Лумпура и Сингапура. В случае последнего, например, исторические хроники сохранили память о так называемом «плане Джексона» (по имени лейтенанта Филипа Джексона, которому сэр Томас Стэмфорд Раффлз поручил создать первый план этого города-колонии), педантично предусматривавшем наличие европейского, малайско-мусульманского, китайского и индийского кварталов («кампонгов»)¹⁶. Другой пример идентичностной трансформации обществ Юго-Восточной Азии под влиянием колонизаторов дает радикальная языковая политика Франции во Вьетнаме, которая с введением романизированного вьетнамского шрифта куокнгы (*quốc ngữ*) провела водораздел между модернизированным вьетнамским обществом начала XX века и предшествующими веками китаезированных государственного административного правления, литературы, культуры и бытового общения¹⁷.

Колониальное влияние прослеживается также в том, что в результате действий великих держав того времени были заложены основы для последующей национальной консолидации обществ региона. Одна из точек зрения, представленная в филиппинской историографии постулирует, что своим су-

туры, 1991. 168 с. [Fomicheva, E.A. Vneshniaia politika Tailanda (Foreign Policy of Thailand). M: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991. 168 p.]

¹³ Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. P. 81.

¹⁴ Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с. [Said, E.V. Orientalism: zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism: Western Concepts of the Orient). Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006. 640 p.]

¹⁵ Noor, F. What Your Teacher Didn't Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. P. 72.

¹⁶ Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. P. 32.

¹⁷ Zinoman P. Vũ Trọng Phụng's Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 8-9.

ществованием в качестве нации Филиппины обязаны колонизаторам (Испании), поскольку именно они объединили, хотя и насильственным путем, ранее разрозненный в этническом и социально-политическом плане архипелаг¹⁸. Несмотря на спорный характер данного утверждения, необходимо отметить, что национализм и национальная идея на Филиппинах стали оформляться именно как реакция на действия колонизаторов¹⁹, точно так же, как формирование национальных идей в других странах региона становилось во многом формой реакции на деятельность в Юго-Восточной Азии Франции, Голландии и Великобритании.

Схожий пример можно найти, в частности, в самотрансформации Таиланда (до 1939 г. – Сиам) из традиционного государства в подобие европейских наций-государств как реакции на внешнюю угрозу, исходившую со стороны Великобритании и Франции, тесно сомкнувших свои колониальные владения вокруг Сиам с запада и востока. Как детально показано в работе известного тайландского историка Тхонгчая Винитчакуна «Сиам картографированный», в результате взаимодействия с колониальными державами Таиланд не только был вынужден принять западную концепцию границ и систему территориально-административного управления европейского образца, но и создать свой собственный тип национальной идентичности, тесно увязывающей восприятие территории с понятием «тайскости»²⁰. В конце XIX в. из субрегионального гегемона Сиам превратился в буферное государство между владениями Великобритании и Франции. Его претензии на иерархическое соподчинение ему сопредельных территорий были жестко ограниче-

ны договорами с европейскими странами. Так, например, отправка золотых цветов со стороны малайских княжеств прекратилась в 1909 г. с подписанием англо-сиамского договора.

Таким образом, к началу XX в. колонизаторы нивелировали традиционные внутрорегиональные отношения, заменив их собственной региональной структурой, разделявшей Юго-Восточную Азию на территории, включенные в систему колониальных владений четырех великих держав. Ответ на подобную сегментацию имел общие черты практически во всех будущих странах региона и, как было показано на примере отдельных случаев, формировался в форме национализма, особых форм национальной идентичности и национальных идей. Его составной частью стал не только рост национального самосознания, но и представление о том, что необходимо восстановить ту степень взаимосвязанности, которая существовала в регионе до прихода колонизаторов²¹, иными словами – добавиться создания регионального порядка, отвечавшего интересам стран региона.

Стоит также упомянуть, что непосредственно накануне и во время Второй мировой войны источником концептуальных новаций региональной организации стала Япония. Она предложила своим соседям по Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии собственную версию регионального порядка в форме концепции Восточноазиатской сферы со-процветания, которая очень быстро была отвергнута объектами применения этой концепции по причинам ее насильственного продвижения, хотя на этот раз уже не европейскими, а азиатской державой.

Результатом деколонизации региона после Второй мировой войны стало принятие сконструированных европейскими колониальными державами границ, хотя оно и не означало полного согласия с ними²². Вместе

¹⁸ Подберезский И.В. Хосе Рисаль. М.: Молодая гвардия, 1985. 319 с. [Podbereskii, I.V. Khose Risal' (José Rizal). Moscow: Molodaia gvardiia, 1985. 319 p.]

¹⁹ Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // Twentieth-Century Philippine Political Thinkers. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

²⁰ Winichakul, Th. Siam Mapped. A History of the Geo-Body of a Nation. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

²¹ Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. P. 82.

²² В регионе до сих пор сохраняются территориальные споры, исторические корни которых уходят в колониальный период. Подробнее: Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // Междуна-

с границами новые государства принимали правила игры вестфальской международной системы и представления о суверенитете²³, хотя на тот момент являли собой крайне слабые государственные образования с неясными перспективами его сохранения. Следует, однако, отметить, что побочным положительным эффектом колониализма стало стирание различий между тремя диаметрально противоположными с точки зрения политико-культурной идентичности сегментами региона (индианизированным и китаезированным ареалами Юго-Восточной Азии и испанизированными/американизированными Филиппинами)²⁴.

Таким образом, ни колониальный вариант регионального порядка (несмотря на принятие его последствий в виде системы национальных границ), ни проект, предложенный Японией, ни ситуация, возникшая в Юго-Восточной Азии непосредственно после деколонизации, не воспринималась странами региона как варианты регионального порядка, которые бы соответствовали их коренным интересам. Начало «холодной войны» стало для Юго-Восточной Азии новым вызовом и источником поиска вариантов ответа на новую версию региональной проекции противоречий супердержав.

На пути к справедливому региональному порядку?

Процесс деколонизации в Юго-Восточной Азии был отмечен целым рядом структурно-политических, социально-экономических и стратегических проблем. В случае восточной части Индокитайского

полуострова он растянулся на три десятилетия и породил внутренние вооруженные конфликты во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, усугубленные исключительно интенсивным внешним вмешательством. При этом процесс установления коммунистических режимов в этих странах рассматривался как непосредственная военная угроза их соседям по региону – Индонезией, Малайзией, Таиландом, Сингапуром и Филиппинами, образовавшими в 1967 г. Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии.

Имея ярко выраженную антикоммунистическую направленность, АСЕАН возникла как ответ на несовершенство региональной структуры в том виде, в каком ее видели отцы-основатели Ассоциации. При том, что на момент создания Ассоциации среди ее первых пяти участников было бы невозможно выделить ни одной пары государств, которые не имели бы территориальных претензий друг к другу²⁵, тем не менее такое региональное объединение рассматривалось как общий знаменатель и способ укрепления региональной субъектности де факто слабых государств. Достаточно взвешенное и в значительной степени свободное от идеологических проекций обоснование необходимости региональной организации можно найти, в частности, в публикациях и высказываниях тогдашних министров иностранных дел Таиланда Тханата Комана и Сингапура – Синнатамби Раджаратнама. Первый указывал на то, что в системе блокового противостояния малые деколонизировавшиеся государства неизбежно будут оставаться на периферии. Их перспективы полноценного включения в мировую капиталистическую систему сомнительны, в то время как коммунистическая альтернатива пока что не прошла проверку временем²⁶.

родные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111. [Koldunova, E.V. Integratsiia bez konflikta ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.]

²³ Tarling, N. *Nationalism in Southeast Asia*. London: Routledge Curzon, 2004. P. 60.

²⁴ Acharya, A. *The Making of Southeast Asia*. Singapore: ISEAS, 2012. P. 82; Benda, H.J. *The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation* // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

²⁵ Сумский В. Манильский саммит – не повод для сомнений в состоятельности АСЕАН / Валдайский клуб. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manilskiy-sammit-ne-povod-dlya-sommeniy/> [Sumskii, V. Manil'skii sammit – ne povod dlia somnenii v sostoiatel'nosti ASEAN (Manila Summit is not a Reason to Doubt about ASEAN / Valdaiskii klub. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manilskiy-sammit-ne-povod-dlya-sommeniy/>]

²⁶ Khoman, Th. *Which Road for Southeast*

Второй призывал найти способы избежать «балканизации» пока что и без того слабого региона Юго-Восточной Азии посредством коллективного действия²⁷.

Совместная реакция на Камбоджийскую проблему, возникшую в результате установления в Камбодже режима Пол Пота в 1975-1979 гг. и его последующего свержения вьетнамскими войсками, в значительной степени консолидировала АСЕАН. Несмотря на крайнюю дискуссионность моральной оправданности линии Ассоциации в этом вопросе²⁸, выражавшейся, в частности, в поддержке (которую многие представители стран АСЕАН называют «тактической»²⁹) красных кхмеров как одной из фракций переговорного процесса по Камбоджийской проблеме, тем не менее, необходимо констатировать тот факт, что именно участие в процессе камбоджийского урегулирования позволило АСЕАН заявить о себе как о значимой региональной силе, настаивающей на региональном решении региональных проблем.

Движение к АСЕАН-центричному региональному порядку, в формате которого, включив в 1990-х гг. в свои ряды Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу, страны Ассоциации встретили начало постбиполярности, далось странам Юго-Восточной Азии дорогой ценой. В результате болезненного процесса урегулирования наиболее острых (но не всех) национальных проблем, «замораживания» ряда претензий друг к другу³⁰ и

постоянного внутрирегионального диалога в ранг принципиальных были возведены положения об уважении суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Закрепив, таким образом на региональном уровне представления о нации-государстве как базовом элементе региональной структуры, государства Юго-Восточной Азии окончательно оставили в прошлом традиционные представления о региональном порядке. За рамками сложившегося порядка нормативно оказались и все возможные версии региональных порядков, базирующиеся на религиозных основах, как не отвечающие критерию универсальности для такого поликонфессионального региона, коим является Юго-Восточная Азия³¹. Тем не менее на академическом уровне можно констатировать существенный рост интереса к доколониальному прошлому региона и религиозно-философским учениям как источникам развития общественной политической мысли.

Добившись значительных успехов в стабилизации региональной ситуации страны АСЕАН предприняли попытку экстраполяции своей нормативной культуры, консолидированно обозначаемой как «Путь АСЕАН», на отношения со своими более крупным контрагентами. Институционально эта попытка выражалась в расширении и структурном усложнении АСЕАН-центричных механизмов АСЕАН+1 (диалоговые партнерства), АСЕАН+3 (Япония, Южная Корея, КНР), АСЕАН+8 (Япония, Южная Корея, КНР, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Россия, США), Региональный форум АСЕАН и ряда других. Как максимум странам АСЕАН представлялась желаемым

Asia? // *Foreign Affairs*, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>; Khoman, Th. ASEAN Conception and Evolution / ASEAN Web-site. Mode of access: http://asean.org/?static_post=asean-conception-and-evolution-by-thanat-khoman

²⁷ History. The Founding of ASEAN / ASEAN Web site. Mode of access: <https://asean.org/asean/about-asean/history/>

²⁸ Подробнее см.: Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

²⁹ См., например: Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

³⁰ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? //

Международные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111. [Koldunova, E.V. Integratsiia bez konflikta ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.]

³¹ Беседа автора с директором Центра исследований АСЕАН сингапурского Института изучения Юго-Восточной Азии Тан Сью Маном (Сингапур, июль 2019 г.). [Author's personal communication with Dr.Tan Siew Mun, Head of ASEAN Studies Centre, ISEAS, Singapore, July 2019].

полная социализация внешних партнеров (на момент 1990-х и начала 2000-х гг. это касалось в первую очередь материкового Китая, отказавшегося от поддержки коммунистических партий в странах АСЕАН и вступившего на путь быстрого экономического роста) согласно нормам и принципам АСЕАН, как минимум – уважение внешних более сильных игроков к тому региональному порядку, который сформировали в Юго-Восточной Азии страны АСЕАН, путем развития «когнитивного регионализма» – то есть такой формы регионализма (применительно к ЮВА) и макрорегионального (применительно к внешним партнерам АСЕАН) взаимодействия, которая бы учитывала региональные нормы и практики взаимодействия в крайне диверсифицированном регионе и позволяла бы постепенно двигаться к формированию общей региональной идентичности и ощущению общности³².

Подобная конструкция в целом демонстрировала свою функциональность до конца первого десятилетия этого века. Тем не менее, по мере экономического усиления Китая, в 2010 г. вышедшего на позиции второй экономики мира, и переориентации США на противодействие тем практикам подъема Китая, которые рассматривались Соединенными Штатами как угрожающие позициям Америки в мировой экономической и политической системе, функциональные возможности АСЕАН по поддержанию желаемого регионального порядка стали сокращаться. Выдвижение Китаем в 2013 г. Инициативы пояса и пути, активизация переговорного процесса по соглашению о Транстихоокеанском партнерстве в период второго срока президента США Барака Обамы и всплеск дискуссий о новом геополитическом конструкте Индо-Тихоокеанского региона после прихода к власти Дональда Трампа стали практическими инструментами ограничения политических возможностей АСЕАН.

³² Milner, A. *Regionalism in Asia // The Far East and Australasia 2017*. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Практическая реализация Китаем Инициативы пояса и пути в Юго-Восточной Азии вызвала всплеск дискуссий о ее неравноправном (с точки зрения стран региона) и даже неокOLONIALном характере³³. При этом, однако, констатировался и тот факт, что народы Юго-Восточной Азии имеют многовековой опыт сосуществования с Китаем, что теоретически предполагает их возможности адаптироваться к его подъему. Очевидно также, что для таких стран как Камбоджа, Лаос или Мьянма Китай на данном этапе представляет собой экономический шанс, равноценной замены которому пока что не существует.

Если в экономической сфере восприятие возможного регионального порядка с доминантной ролью Китая амбивалентно, то в политико-стратегической сфере необходимо отметить наличие серьезных точек сопротивления ему. В их числе в первую очередь стоит выделить спор в Южно-Китайском море, для начальной фазы урегулирования которого страны Юго-Восточной Азии считают принципиальным подписание «законодательно обязывающего» Кодекса поведения в Южно-Китайском море³⁴. Позиция же Китая заключается в том, чтобы согласовывать Кодекс прежде всего как политический, а не международно-юридический документ³⁵. Следовательно, к началу третьего десятилетия этого века серьезным тестом для АСЕАН в отношениях с Китаем становится задача обновления нормативных

³³ Hornby, L. Mahathir Mohamad Warns against 'New Colonialism' during China Visit // *Financial Times*. August 20, 2019. Mode of access: <https://www.ft.com/content/7566599e-a443-11e8-8ecf-a7ae1beff35b>

³⁴ Kapoor, K.; Mogato, M. South China Sea Code with Beijing Must Be Legally Binding: ASEAN Chief // *Reuters*. April 28, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-asean-summit-secgen/south-china-sea-code-with-beijing-must-be-legally-binding-asean-chief-idUSKBN17U1S3>

³⁵ Wang Yi Responds to Four Questions on the Consultations on the Code of Conduct in the South China Sea (COC), August 1, 2019, The MFA of China. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/nanghai/eng/wjbxw_1/t1685673.htm

правил игры в регионе и разработка соответствующего нормативного порядка³⁶.

При этом, однако, очевидно, что эта задача не замыкается лишь только на отношения Китая и АСЕАН в связи с присутствием в регионе другого влиятельного игрока – Соединенных Штатов Америки. Во второй половине XX в. и начале XXI в. многие страны Юго-Восточной Азии воспринимали США как преимущественно конструктивную силу, а под «нейтрализацией» региона от влияния внешних сил понимали в первую очередь избавление от китайского и советского присутствия. Тем не менее на современном этапе американоцентричная версия мирового (и регионального порядка) также вызывает у многих стран Юго-Восточной Азии существенные опасения.

Наиболее проблематичным интеллектуальным кругам региона представляется существенное ослабление позиций Запада и даже его неконструктивная роль в процессах глобального управления, выражающаяся в открытом использовании инструментов интервенции, вмешательства во внутренние дела других стран, генерировании целого ряда глобальных проблем в сфере ядерного нераспространения и борьбы с экологическими проблемами³⁷. При этом, как полагают некоторые исследователи, именно стремление Запада к глобальной гегемонии³⁸, универсализация без учета региональной специфики концепта прав человека и стремление использовать его в качестве геополитического инструмента³⁹ противоречит возможностям установления подлинно этического и инклюзивного мирового и

регионального порядка. При этом основной посыл многих современных публикаций лидеров общественного мнения стран региона заключается в том, что Юго-Восточная Азия не выступает за закат Запада или уход его с лидирующих позиций, а за его структурную трансформацию и ограничение его интервенционизма⁴⁰.

Документ, в котором страны АСЕАН сформулировали свои представления об Индо-Тихоокеанском регионе (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*) дает представления о том, каким, по сравнению с вариантами региональных порядков, обеспечиваемых США или Китаем, хотели бы видеть региональный и макрорегиональный порядок страны АСЕАН (см. также *Таб. 1*). Его ключевыми принципами являются центральность АСЕАН, открытость, транспарентность, уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга, инклюзивность, обоюдное соблюдение общих правил поведения, комплементарность и экономическое соразвитие⁴¹. Таким образом, странам АСЕАН хотелось бы сохранить конструктивное вовлечение в дела Юго-Восточной Азии всех внешних сил, однако при том условии, что они будут играть в первую очередь по правилам АСЕАН. Вопрос о том, имеются ли у Ассоциации реальные инструменты для обеспечения такого подхода, пока что остается открытым.

³⁶ Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham, UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

³⁷ Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

³⁸ Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

³⁹ Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

⁴⁰ Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

⁴¹ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific / ASEAN Web site. Mode of access: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

Таблица 1

Сравнительный анализ достоинств и недостатков трех версий
регионального порядка в Юго-Восточной Азии

Организирующий актор	США	Китай	АСЕАН
Достоинства	– Обеспечение относительной региональной стабильности – Доступ к американским рынкам и технологиям для партнеров США	– Экономический шанс, в том числе для наиболее слабых стран, получить импульс к быстрому экономическому развитию	– Инклюзивность, движение со скоростью, устраивающих всех – «Когнитивный» / «идейный» регионализм в большей степени, нежели функциональный*
Недостатки	– Интервенционизм – Универсализация – Игнорирование региональной специфики	– Конфликтность – Нетранспарентность – Принятие китайский национальных интересов в качестве первостепенных, а собственных – вторичных	– Недостаток собственных экономических и политических возможностей, необходимость постоянного вовлечения внешних сил

* О дискуссии на эту тему подробнее см.: The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019. Pp. 106-110.

Table 1. Comparative analysis of the advantages and disadvantages of the three versions of the regional order in Southeast Asia

* * *

Представленный анализ позволяет сделать несколько выводов. За время прошедшее с момента деколонизации государства Юго-Восточной Азии прошли длительный путь к национальной политической и экономической состоятельности, а также укреплению собственной региональной субъектности. Сегодня регион и его институциональное выражение – АСЕАН представляют собой вполне реальную международную силу, которая, однако, уступает по потенциалу и возможностям своим основным контрагентам. Опыт коллективного действия стран АСЕАН, необходимость примериться и ужиться со многими внутрирегиональными и международными ограничениями приводит к достаточно взвешенному взгляду на желаемый справедливый региональный (а возможно и мировой) порядок. Его квинтэссенцией представляется инклюзивность, принятие сложившейся системы наций-государств (в отличие от Ближнего Востока, где эта система потерпела практически полное фиаско и активно оспаривается⁴²),

развитие международных отношений в рамках общих правил и норм, включая международное право, снижение интервенционизма Запада при сохранении его сильных позиций в мировой системе. Китай в свою очередь воспринимается как шанс и партнер в экономической сфере, но отторгается в качестве доминирующей региональной организующей силы, что особо отчетливо видно на примере споров по поводу Южно-Китайского моря. Региональная специфика проявляется через особенности регионализма и нормативной культуры, а не через открытое противостояние Западу. Такой подход к организации регионального порядка представляется вполне оправданным, однако его дальнейшая практическая реализация может столкнуться с серьезными структурными ограничениями.

kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Ed. by V.G. Baranovskii, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN, 2018. 556 p.]; Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. № 2. С. 27-43. [Naumkin, V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke (The Crisis of the Nation-State in the Middle East) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, No. 2, pp. 27-43.]

⁴² Подробнее см.: Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с. [Blizhni Vostok v meniaiushchemsia global'nom

Литература:

Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 295 с.

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.

Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // Международные процессы. 2011. № 3(27). С. 105-111.

Махбубани К. Запад в роли ответчика // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/number/n_11145

Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. № 2. С. 27-43.

Подберезский И.В. Хосе Рисаль. М.: Молодая гвардия, 1985. 319 с.

Сауд Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.

Сумский В. Манильский саммит – не повод для сомнений в состоятельности АСЕАН / Валдайский клуб. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manilskiy-sammit-ne-povod-dlya-sommeniy/>

Фомичева Е.А. Внешняя политика Таиланда. М: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 168 с.

Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. 350 p.

Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

Benda, H.J. The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham, UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

Building States and Nations. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

Chong, A. Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in “Intersocietal Relations” in the Sejarah Melayu // *Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

Keating, M. Thirty Years of Territorial Politics // *West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

Khoman, Th. Which Road for Southeast Asia? // *Foreign Affairs*, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>

Leifer, M. Selected Works on Southeast Asia. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. 748 p.

Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

Milner, A. Regionalism in Asia // *The Far East and Australasia* 2017. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Milner, A. The Malays. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.

Milner, A.; Kasim, S.M. Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia’s Foreign Relations // *Contemporary Southeast Asia*, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

Noor, F. What Your Teacher Didn’t Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. 286 p.

Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // *Twentieth-Century Philippine Political Thinkers*. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

Tarling, N. Nationalism in Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2004. 273 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019.

Tilly, Ch. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. 192 p.

Winichakul, Th. Siam Mapped. A History of the Geobody of a Nation. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

Zinoman, P. Vũ Trọng Phụng’s Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 1-30.

References:

Acharya, A. The Making of Southeast Asia. Singapore: ISEAS, 2012. 350 p.

Agadzhanian, A.S. Buddiiskii put’ v XX веке: Religioznye tsennosti i sovremenniaia istoriia stran tkheravady (Buddhist Way in the 20th Century: Religious Values and Contemporary History of Theravada States). Moscow: Nauka. Izdatel’skaia firma «Vostochnaia literatura», 1993. 295 p.

Ang, Ch. ASEAN and the Cambodian Conflict, 1978-1991 // 50 Years of ASEAN and Singapore. Ed. by Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin. Singapore: World Scientific, 2017. Pp. 35-41.

Benda, H.J. The Structure of Southeast Asian History: Some Preliminary Observation // *Journal of Southeast Asian History*, 1962 (March), Vol. 13, No. 1, pp. 106-138.

Blizhnii Vostok v meniaiushchemsia global’nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Ed. by V.G. Baranovskii, V.V. Naumkin. Moscow: IV RAN, 2018. 556 p.

Building a Normative Order in the South China Sea: Evolving Disputes, Expanding Options. Ed. by Tran Truong Thuy, John B. Welfield and Le Thuy Trang. Cheltenham,

UK and Northampton, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. 291 p.

Building States and Nations. Ed. by S. Rokkan and S.N. Eisenstadt. In 2 Vol. Beverly Hills: Sage Publications, 1973.

Chong, A. Premodern Southeast Asia as a Guide to International Relations between Peoples: Prowess and Prestige in "Intersocietal Relations" in the Sejarah Melayu // *Alternatives: Global, Local, Political*, 2012, Vol. 37, Iss. 2, pp. 87-105.

Fomicheva, E.A. Vneshniaia politika Tailanda (Foreign Policy of Thailand). M: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991. 168 p.

Jones, L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London: Palgrave Macmillan, 2012. 262 p.

Kausikan, B. Dealing with an Ambiguous World. Singapore: World Scientific, 2017. 160 p.

Keating, M. Thirty Years of Territorial Politics // *West European Politics*, 2008 (January-March), Vol. 31, No. 1-2, pp. 60-81.

Khoman, Th. Which Road for Southeast Asia? // *Foreign Affairs*, 1964 (July). Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1964-07-01/which-road-southeast-asia>

Koldunova, E.V. Integratsiia bez konflikta ili konflikt pri integratsii? (Integration without Conflict or Conflict during the Integration?) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, Vol. 9, No. 3(27), pp. 105-111.

Leifer, M. Selected Works on Southeast Asia. Ed. by Kin Wah Chin, Leo Suryadinata. Singapore: ISEAS, 2005. 748 p.

Mahbubani, K. Has the West lost It? A Provocation. London: Penguin Books, 2018. 106 p.

Makhhubani, K. Zapad v roli otvetchika (The Case against the West) // *Rossiia v global'noi politike*, 2008, No. 4. Mode of access: https://globalaffairs.ru/number/n_11145

Milner, A. Regionalism in Asia // *The Far East and Australasia 2017*. Ed. by Juliet Love. Routledge, Abingdon, 2017. Pp. 40-49.

Milner, A. The Malays. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. 293 p.

Milner, A.; Kasim, S.M. Beyond Sovereignty: Non-Western International Relations in Malaysia's Foreign Relations // *Contemporary Southeast Asia*, 2018, Vol. 40, No. 3, pp. 371-396.

Muzaffar, Ch. Global Ethic of Global Hegemony? Reflections on Religion, Human Dignity and Civilization Interaction. London: ASEAN Academic Pr Ltd, 2005. 198 p.

Naumkin, V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke (The Crisis of the Nation-State in the Middle East) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, No. 2, pp. 27-43.

Noor, F. What Your Teacher Didn't Tell You: The Annex Lectures (Vol. 1). Petaling Jaya: Matahari Books, 2009. 286 p.

Podberezhskii, I.V. Khose Risal' (José Rizal). Moscow: Molodaia gvardiia, 1985. 319 p.

Recto, C.M. Nationalism, Democracy, and Civil Liberties // *Twentieth-Century Philippine Political Thinkers*. Ed. by Jorge V. Tigno. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2018. Pp. 413-427.

Said, E.V. Orientalizm: zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism: Western Concepts of the Orient). Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006. 640 p.

Sumskii, V. Manil'skii sammit – ne povod dlia somnenii v sostoiatel'nosti ASEAN (Manila Summit is not a Reason to Doubt about ASEAN / Valdaiskii klub. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/manil'skiy-sammit-ne-povod-dlya-somnenii>

Tambiah, S.J. The Galactic Polity in Southeast Asia // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2013, No. 3 (3), pp. 503-534.

Tarling, N. Nationalism in Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2004. 273 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2019.

Tilly, Ch. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Cambridge: Blackwell, 1990. 284 p.

Ting, K. Singapore 1819: A Living Legacy. Singapore: Talisman Publishing Pte Ltd, 2019. 192 p.

Winichakul, Th. Siam Mapped. A History of the Geobody of a Nation. Honolulu: Hawaii University Press, 1994. 228 p.

Zinoman, P. Vũ Trọng Phụng's Dumb Luck and the Nature of Vietnamese Modernism / Dumb Luck. A Novel by Vũ Trọng Phụng. Ed. by P. Zinoman. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. Pp. 1-30.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041

REGIONAL TRANSFORMATIONS IN SOUTHEAST ASIA AND THE PROBLEM OF JUST REGIONAL (AND WORLD) ORDER

Ekaterina V. Koldunova

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 19.11.2018</p> <p><i>Received:</i> 19.11.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.12.2019</p>	<p>Abstract: The diachronic comparative analysis of the regional orders in Southeast Asia in pre-colonial, colonial and post-colonial periods presented in the article allows to demonstrate that despite their subordinate position in the international system Southeast Asian states not only managed to adopt themselves to the nation-state concept but also to develop their own regional instruments of raising their international profile. Alongside with this adaptation the indigenous (pre-colonial) perceptions of the regional order were becoming less relevant in terms of international relations and became the domain of socio-political and philosophical thought. The paper argues that the experience of collective action of Southeast Asian states united in ASEAN and the necessity to accommodate a variety of intraregional and wider international limitations resulted in a quite objective and rational view of a desired just regional order. Its core assumptions imply inclusiveness, acceptance of the nation-state-based international system, adherence to the shared norms and principles. They also indicate regional desire to see a lower Western interventionism but not the Western decline in the international system. As for China, Southeast Asian state perceive it as desirable strong economic, but not political force. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific reflect this approach. However justified it seems, there are still open questions concerning the instruments of its implementation.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Senior Expert, ASEAN Centre, MGIMO-University</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: regionalism; ASEAN; regional order; regional transformations; comparative analysis; Southeast Asia; Indo-Pacific region; China; USA</p>	

Для цитирования: Колдунова Е.В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // *Сравнительная политика*. – 2019. №4 – С. 52-64.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041

For citation: Koldunova, Ekaterina V. Regional'nyye transformatsii Yugo-Vostochnoy Azii i problema spravedlivogo regional'nogo (i mirovogo) poryadka (Regional Transformations in Southeast Asia and the Problem of Just Regional (and World) Order) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 52-64.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10041

ИДЕОЛОГИЯ ХО ШИ МИНА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВЬЕТНАМА

Владимир Николаевич Колотов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Заявлено к публикации:</i> 15 марта 2019 <i>Поступила в редакцию:</i> 22 ноября 2019 <i>Принята к печати:</i> 9 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена описанию основных параметров, периодизации и роли теоретического наследия Хо Ши Мина, показаны его основные составные части. Особое внимание уделено влиянию традиционной китайской военно-стратегической мысли, прежде всего концепций Сунь-цзы, на формирование стратегии вьетнамского национально-освободительного движения накануне Первой Индокитайской войны (1946-1954). Включение древних трактатов в курс политической учебы руководящих партийных и военных работников привело к распространению умения мыслить стратегическими категориями. Эти стратегические подходы позднее активно использовались представителями ДРВ в борьбе против США в ходе Второй Индокитайской войны (1965-1975), а также в наши дни для анализа подходов политических деятелей ведущих стран мира в отношении актуальных проблем региональной безопасности.</p>
<p>Об авторе: заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока, СПбГУ e-mail: vladimirkolotov@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Идеология Хо Ши Мина; национально-освободительное движение; стратегематика</p>	

История и периодизация идеологии Хо Ши Мина

Среди социально-политических трансформаций колониальных обществ особое место занимает теоретический и практический опыт весьма успешного национально-освободительного движения во Вьетнаме, которое в середине XX века развивалось под определяющим воздействием национального лидера Хо Ши Мина (1890-1969), который, творчески заимствуя и перерабатывая под потребности освободительной борьбы вьетнамского народа теоретические и практические построения как восточных, так и западных мыслителей, в итоге создал собственную систему взглядов, которая в конце XX века последователями была названа его именем – идеологией Хо Ши Мина

(вьетн. *Tư tưởng Hồ Chí Minh*). Сам Хо Ши Мин при жизни никогда не использовал данный термин, который впервые появился в официальных документах VII Съезда КПВ только в 1991 году¹. Хо Ши Мин всю жизнь разрабатывал данную систему взглядов в процессе поиска реалистичных путей освобождения Вьетнама в условиях радикальной асимметрии баланса сил в сравнении с французским колониальным режимом. Сформированная Хо Ши Мином система аналитических призм позволила увидеть теоретический путь освобождения страны и

¹ Tạ Ngọc Tấn (Chủ biên). Từ điển Hồ Chí Minh học. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2017, tr. 531.

практически приступить к борьбе по избавлению от внешнего контроля. В 1991 году, через 16 лет после воссоединения страны, на первом после распада СССР съезде КПВ произошло «исправление имен» и данный феномен был назван своим именем.

Периодизация становления и развития идеологии Хо Ши Мина включает следующие основные этапы:

– Режим поиска эффективной стратегии освобождения. 1911 год – выезд за рубеж в поисках эффективной теоретической базы для создания идеологии национально-го спасения.

– Знакомство с ленинизмом и теоретическая учеба. 1923 год – прибытие в СССР, учеба и участие в деятельности Коминтерна.

– Практическая организация партийных структур. 1930 год – создание Коммунистической партии Индокитая (КПИК) в Гонконге и развитие коммунистического движения в колониальном Вьетнаме

– Практическая организация первичных государственных структур на партийной основе. 1945 год – провозглашение ДРВ.

– Идеология Хо Ши Мина в борьбе против французского колониализма. Победа в Первой Индокитайской войне (по вьетнамской классификации войне сопротивления) и создание государственного аппарата. 1954 год – победа в сражении при Дьенбьенфу, заключение Женевских соглашений по Индокитаю и установление фактического контроля над территорией страны севернее 17-й параллели.

– Идеология Хо Ши Мина в борьбе против США. 1964-65 годы – вынужденное вступление в войну против США, которые взяли курс на увековечивание раздела страны, с целью освобождения Южного Вьетнама

– Победа во Второй Индокитайской войне и государственное строительство в общенациональном масштабе. 1975 год – освобождение Южного Вьетнама и объединение страны.

– Провозглашение политики Обновления в 1986 году на VI Съезде КПВ. Реализация нового курса привела к успешным экономическим реформам и впечатляющим результатам в области внешней и внутренней политики Вьетнама.

– Признание идеологии Хо Ши Мина на государственном уровне. 1991 год – провозглашение на VII Съезде КПВ идеологии Хо Ши Мина и включение ее в партийные документы и Конституцию СРВ в качестве идеологической основы КПВ и государства.

Этапы с 1 по 6 тесно связаны с постоянным развитием теоретических воззрений самого Хо Ши Мина, которые определили стратегическое направление создания независимого вьетнамского государства нового типа. Остальные этапы стали творческой реализацией мировоззрения национального лидера его последователями и сыграли важную роль в изучении и развитии духовного наследия Хо Ши Мина, которое в настоящее время включено в программы обучения и подготовки руководящих кадров партии и государства.

В соответствии с современным пониманием, во Вьетнаме идеология Хо Ши Мина представляет собой результат вьетнамизации марксизма-ленинизма², а также наиболее эффективных политических концепций Запада и Востока как классических, так и новых, что в итоге привело к весьма необычному, но жизнеспособному симбиозу древнекитайской стратагематики и вьетнамизированным марксизмом-ленинизмом, в котором здорового национализма существенно больше.

Сам Хо Ши Мин на первых этапах своей политической деятельности особо выделял ленинизм, чей передовой теоретический и организационный компоненты легли в основу Коммунистической партии Индокитая (КПИК). Хорошо известно, что именно первоначальный набросок тезисов В.И. Ленина по национальному и колониальному вопросам привлек внимание Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина), который увидел в них реальный путь спасения для своей страны. Знакомство с этим произведением привело Нгуен Ай Куока в СССР, где он прошел передовую школу теоретической и практической работы по построению идеологически мотивированных партийных структур и государства нового типа.

² Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ IX. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2001, tr. 83.

Таблица 1

Составные части идеологии Хо Ши Мина

Вьетнамский национализм	Марксизм-ленинизм	Восточная философия	Западная философия
Патриотизм	Марксизм	Стратегематика	Диалектика
	Ленинизм	Конфуцианство	

Table 1. The constituent parts of the ideology of Ho Chi Minh

Позднее Хо Ши Мин писал: «Партия станет сильной, когда она имеет какую-то доктрину как основу, все в Партии должны понимать и соблюдать эту доктрину. Партия, не имеющая своей доктрины, всё равно, что человек без мозгов, как пароход без компаса.

Ныне много теорий, много доктрин, но самая подлинная, самая убедительная и самая революционная – это ленинизм»³.

В приведенной выше цитате, в присутствии Хо Ши Мину метафоричной манере лаконично выражена идея об исключительной важности адекватной политической теории, поскольку без нее даже наличие значительных ресурсов не позволит добиться желаемой цели.

Из практического советского опыта и теории марксизма-ленинизма, помимо диалектики, вьетнамские коммунисты позаимствовали партийную систему, которая прижилась на вьетнамской почве и существует до наших дней.

Согласно классическому подходу, следует определить источники и составные части идеологии Хо Ши Мина. Во Вьетнаме полагают, что идеология Хо Ши Мина состоит из трех основных частей: марксизма-ленинизма, а также западной и восточной философии, однако при этом не раскрывается состав западных и восточных компонентов, который может быть реконструирован на основе анализа основных трудов Хо Ши Мина.

Более подробное рассмотрение составных частей идеологии Хо Ши Мина до сих не разработано и, в определенном смысле, данный вопрос, применительно к восточной философии, впервые рассматривается в данной статье и представлен в *Таб. 1*.

Из предложенной выше таблицы видно, что восточная философия представлена

в идеологии Хо Ши Мина стратегематикой и конфуцианством.

Во время Индокитайских войн как французы, так и американцы упорно не замечали использования противником стратегематики и влияния трактата Сунь-цзы «Искусство войны» на формирование взглядов Хо Ши Мина и военное искусство его военачальников, в то время как восточная философия, прежде всего в ее китаизированном варианте, исторически оказывала глубокое влияние на вьетнамское общество в целом и на самого Хо Ши Мина в частности, отец которого был лауреатом конкурсных экзаменов и создал благоприятные условия для изучения сыном китайского языка, благодаря чему Хо Ши Мину с детства стали доступны труды выдающихся мыслителей древности и современных ему китайских политиков. Вне всякого сомнения, такие положения конфуцианства как чувство долга, гуманность и моральная составляющая органично вошли в систему взглядов вьетнамского национального лидера, которые на многие десятилетия определили курс национально-освободительного движения и развития страны.

Стратегематика в Первой Индокитайской войне

Во время Индокитайских войн в полном соответствии с заветом Сунь-цзы «война – это путь обмана» основная уловка вьетнамских коммунистов состояла в навязчивом демонстрировании противнику коммунистических лозунгов, тогда как глубинная суть их стратегии базировалась на вьетнамском национализме и китайской стратегематике, почерпнутой из классического древнекитайского трактата Сунь-цзы «Искусство войны».

Известный российский востоковед акад. В.С. Мясников полагает, что «Огром-

³ Hồ Chí Minh. Toàn tập, Tập 2. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011, tr. 289-290.

ное влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал великий военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата “О военном искусстве”, который требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем»⁴.

В феврале 1945 года Хо Ши Мин с целью обучения партийных работников и военного командования опубликовал свой адаптированный к современной ситуации перевод трактата Сунь-цзы «Искусство войны» на вьетнамский язык⁵, а с 17 мая по 13 декабря 1946 г. в 16 номерах⁶ газеты «Спасение Родины» (*Báo Cứu quốc*)⁷ было опубликовано 18 глав комментариев Хо Ши Мина о военной стратегии и тактике под общим названием «Искусство войны Сунь-цзы»⁸, которые позднее были включены в состав Полного собрания сочинений Хо Ши Мина. В комментариях концептуальный подход

Сунь-цзы был встроен в практические задачи недавно созданной в декабре 1944 года вьетнамской народной армии, которая вступила в период практической подготовки к Первой Индокитайской войне (1946-1954) против французских колонизаторов. Перевод и комментарии, выполненные национальным лидером, вошли в систему обязательной для военных политучебы и способствовали развитию навыков мышления категориями классической китайской стратегии. Так разработка Сунь-цзы через систему политической подготовки советского типа вошли в повседневную жизнь политработников, дипломатов и военных ДРВ, а затем и СРВ.

В самом первом выпуске газеты «Спасение Родины», ссылаясь на полководческий пример Сунь-цзы, Хо Ши Мин призывал изучать противника. Практически каждый образованный вьетнамец в наши дни знает эту фразу «*Biết địch biết ta*», что значит «познай себя, познай другого». В оригинале на кит. она выглядит следующим образом «知己知彼». Полностью данный пассаж из трактата Сунь-цзы в переводе акад. Н. И. Конрада выглядит так: «Если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение»⁹.

Опираясь на знание о противнике и о себе, Хо Ши Мин также призывал своих последователей сравнивать и систематизировать собранные знания о себе и о противнике, а в дальнейшем на этой основе развивать в себе умение предвидеть его поведение.

Использование принципов стратегии Сунь-цзы и стратагем в битве при Дьенбьенфу под руководством генерала армии Во Нгуен Зяпа уже было подробно описано¹⁰.

⁴ Мясников В.С. Стратагематика – наука точная // Кастальский ключ китаеведа. Т. 4. Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2014. [Myasnikov, V.S. Stratagematika – nauka tochnaya (Stratagematics – Exact Science) // *Kastal'skij klyuch kitaeveda*. Vol. 4. Kvadratura kitajskogo kruga. Moscow: Nauka, 2014.]

⁵ Hồ Chí Minh. Phép dùng binh của ông Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 3. 1930-1945. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011, tr. 555-588.

⁶ Báo Cứu quốc: № 242 от 17-5-1946; № 248 от 24-5-1946; № 254 от 31-5-1946; № 260 от 7-6-1946; № 272 от 21-6-1946; № 344 от 13-9-1946; № 351 от 20-9-1946; № 358 от 27-9-1946; № 365 от 4-10-1946; № 372 от 11-10-1946; № 386 от 25-10-1946; № 399 от 8-11-1946; № 406 от 15-11-1946; № 413 от 22-11-1946; № 427 от 6-12-1946; № 434 от 13-12-1946.

⁷ Подробно данный вопрос освещен в статье: Колотов В.Н. Идеология Хо Ши Мина против французской стратегии молниеносной войны // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 39-52. [Kolotov, V.N. Ideologiya Ho Shi Mina protiv francuzskoj strategii molnienosnoj vojny (The Ideology of Ho Chi Minh against the French Strategy of Lightning War) // *Voprosy istorii*, 2017, No. 6, 2017, pp. 39-52.]

⁸ Hồ Chí Minh. Binh pháp Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 4. 1945-1946. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia – Sự Thật, 2011, tr. 258-260, 261-264, 267-270, 275-278, 284-287, 296-298, 337-339, 342-344, 358-360, 363-365, 366-368, 474-476, 487-489, 494-496, 506-508, 515-517, 527-529, 530-533.

⁹ Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н.И. Конрад // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора, 2009. [Sun Tzu. Iskusstvo vojny (The Art of War) / Iskusstvo vojny: Antologiya voennoj mysli. SPb.: Amfora, 2009.]

¹⁰ Колотов В.Н. Стратагемность мышления вьетнамского полководца Во Нгуен Зяпа как ключевой элемент исторической победы при Дьенбьенфу // Восток-Запад: историко-культурный альманах: 2013-2014. М.: Наука – Вост. лит.,

Четыре стратегических уровня Сунь-цзы.
Сравнительный анализ вьетнамского и французского подходов

Стратегические уровни Сунь-цзы	Французская стратегия	Вьетнамская контрстратегия
謀 <i>му</i> (<i>mou</i>) Замыслы	Блицкриг	Затяжная война
交 <i>живо</i> (<i>giao</i>) Связи	Навязать противнику генеральное сражение и, выманив на оперативный простор, используя военно-техническое превосходство, разгромить его. Одновременно проводить рейды в горно-лесистой местности для подавления баз сопротивления	Создавать видимость попыток прорыва в Дельту Красной реки с разных сторон, чтобы заставить противника растянуть коммуникации, затем сконцентрировать превосходящие силы против одного из уязвимых мест противника и нанести сокрушающий удар
兵 <i>bong</i> (<i>binh</i>) Войска	Французский экспедиционный корпус и дополнительные силы	Вьетнамская народная армия
城 <i>чйнг</i> (<i>thanh</i>) Штурм городов	Контроль над основными стратегическими пунктами и создание «непреступных» баз в труднодоступной местности чтобы уничтожить силы противника при их штурме	Окружение и захват удаленного французского укрепленного района, который ранее был признан уязвимым местом

Table 2. The four strategic levels of Sun Tzu.
Comparative analysis of the Vietnamese and French approaches

Соединение стратагематики с военной техникой середины XX века позволило существенно повысить уровень концептуального стратегического мышления и военного искусства вьетнамских полководцев, а также эффективность проведения военных операций, что в сочетании с передовыми для того времени технологиями политического воспитания позволило создать народную армию нового типа, бойцы которой заслужили уважение противника на поле боя.

Древнекитайский стратег Сунь-цзы в своём трактате «Искусство войны» писал: «Самое лучшее – разбить замыслы противника, затем – разбить его связи, затем – разбить его войска, самое худшее – осадить крепости»¹¹. Первая Индокитайская война в середине XX века была завершена в полном соответствии с этой схемой: окружением и разгромом расположенной в удаленном труд-

нодоступном районе (стратагема «Заманить на крышу и убрать лестницу»)¹² французской «непреступной крепости» Дьенбьенфу. Сначала были разбиты замыслы *謀* противника, что стало следствием ошибочности его знаний *知* о противнике, далее были нарушены связи *交* окруженного гарнизона с основными силами, войска *兵* в крепости попали в окружение *城*, что в итоге привело к поражению французского экспедиционного корпуса¹³, подписанию Женевских соглашений по Индокитаю и освобождению Северного Вьетнама (см. *Таб. 2*).

В ответ на французскую стратегию «молниеносной войны» Хо Ши Мин призвал ответить стратегией затяжной войны, которая по его замыслу должна была сло-

2014. С. 80-103. [Kolotov, V.N. Stratagemnost' myshleniya v'etnamskogo polkovodca Vo Nguen Giapa kak klyuchevoy element istoricheskoy pobedy pri D'enb'enfu (The Stratagem of the Thinking of the Vietnamese Commander Vo Nguyen Giap as a Key Element of the Historic Victory at Dien Bien Phu) // *Vostok-Zapad: istoriko-kul'turnyj al'manah*: 2013-2014. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2014, pp. 80-103.]

¹¹ 孫子. 兵法. Mode of access: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinaxtext.htm>

¹² Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад // *Искусство войны: Антология военной мысли*. СПб.: Амфора, 2009. [Sun Tzu. *Iskusstvo vojny (The Art of War)* / *Iskusstvo vojny: Antologiya voennoj mysli*. SPb.: Amfora, 2009.] Глава 11, § 18.

¹³ Колотов В.Н. Идеология Хо Ши Мина против французской стратегии молниеносной войны // *Вопросы истории*. 2017. № 6. С. 39-52. [Kolotov, V.N. Ideologiya Ho Shi Mina protiv francuzskoj strategii molnienosnoj vojny (The Ideology of Ho Chi Minh against the French Strategy of Lightning War) // *Voprosy istorii*, 2017, No. 6, 2017, pp. 39-52.]

мать планы колонизаторов. При этом основной политической лозунг той эпохи «Война Соппротивления обязательно победит» везде круглосуточно сопровождал Хо Ши Мина. «С Президентом в течение всей войны Соппротивления постоянно находилось всего восемь человек [личной охраны, – прим. В.К.]. Для конспирации Хо Ши Мин дал каждому прозвище: Кханг, Тиен, Чьонг, Ки, Нят, Динь, Тханг, Лой. Он, шутя, говорил: “Вы – мой живой лозунг”»¹⁴. В таком порядке имена наиболее близких к Хо Ши Мину восьми телохранителей составляли широко известный в те времена лозунг «*Kháng chiến trường kỳ nhất định thắng lợi*» (Война Соппротивления обязательно победит).

В результате активной политической деятельности Хо Ши Мина в борьбе за освобождение страны был разработан жизнеспособный симбиоз вьетнамизированной версии марксизма-ленинизма и традиционных дальневосточных учений, прежде всего стратагематики, которая лежит в основе дальневосточной стратегической мысли и конфуцианства. С таким теоретическим и практическим багажом, который был существенно дополнен советскими политехнологиями и новейшей военной техникой, ДРВ окрепла в борьбе с Францией и подготовилась к вступлению в войну с США за контроль над Южным Вьетнамом.

Стратагематика во Второй Индокитайской войне

В период Второй Индокитайской войны, которую США вели против ДРВ, против вьетнамских стратегических наработок американцы выдвинули теорию игр, которую разрабатывали, так называемые, системные аналитики. Так началось противостояние стратагемной комбинаторики против игровой догматики, закончившееся убедительной победой модернизированной древнекитайской стратегии, существенную поддержку которой оказало советское оружие. Подобные подходы имели место и в соседнем Китае, чей опыт внимательно изучался во Вьетнаме.

¹⁴ Song Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006, tr. 407.

Как отмечает акад. А.А. Кокошин «Духом Сунь Цзы проникнута формула партизанской войны Мао Цзэдуна: «Враг наступает – мы отступаем; враг остановился – мы его тревожим; когда враг устал – мы атакуем; он отступает – мы наступаем». Она успешно использовалась не только в борьбе КПК и Красной Армии, но и национально-освободительными движениями многих других стран.

Во многом этой формулой руководствовались, как автору этой работы [А.А. Кокошину, – В.К.] рассказывал легендарный генерал Во Нгуен Зиап, вьетнамские патриоты в их борьбе с США и американскими марионетками в 1960-1970-е гг.»¹⁵.

Один из наиболее компетентных американских экспертов по Индокитайским войнам ген. Ф.Б. Дэвидсон полагает, что самой сильной стороной противника была вьетнамская стратегия борьбы «*the dau tranh strategy*», подразделявшаяся на военную и политическую¹⁶. Подобные взгляды стали типичными для западных экспертов. Так, рассматривая вьетнамское стратегическое мышление «*Strategic Thinking*», американские аналитики пришли к выводу, что «Центральным фактором стратегического мышления Ханоя, которое применяется и к внешним и к внутренним делам, является концепция КПВ “*dau tranh (struggle)*”. Короче говоря, стратегия дау чань представляет собой устойчивое применение в целом военных и невоенных сил в течение длительных периодов времени ради достижения цели. Её главной характеристикой является концептуальная широта, ибо она имеет более широкие возможности, чем обычные методы ведения войны и требует полной мобилизации общественных ресурсов и психической энергии»¹⁷.

¹⁵ Кокошин А.А. Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы «Искусство войны». М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. [Kokoshin, A.A. Aktual'nye voprosy traktata Sun' Czy «Iskusstvo vojny» (Actual Issues of the Treatise Sun Tzu “The Art of War”). Moscow: FGBUN ISPI RAN, 2017.]

¹⁶ Davidson P.B. Vietnam at War. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 25.

¹⁷ Vietnam: a Country Study / ed. by Ronald J. Cima. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs, U.S. G.P.O., 1989. P. 242.

Это вполне годное определение по форме, но не по сути. Если убрать из него вьетнамское слово *đau chảnh*, то получится самое общее определение стратегии. Но с этим словом в определении мы не получим специфического понимания характерного именно для Вьетнама стратегического мышления, о чем далее пишут американские специалисты: «Стратегия, которой они следовали, является уникальной для Вьетнама из-за её тесной связи с источниками силы национальной безопасности Вьетнама»¹⁸.

Представляется, что вьетнамский термин *đâu tranh* «дау чань» (в переводе с вьетн. борьба) имеет иное, скорее идеологическое измерение, которое подразумевает борьбу за сохранение своего государства в критический период, но у этой борьбы должна быть своя стратегия и тактика! По нашему мнению, *đâu tranh* совсем не стратегия, а форма политической работы с народом и войсками, посредством которой проходила их индоктринация и мобилизация, а самый главный «секретный ингредиент» содержался именно в идеологии, которая, проникнув в массы, в ходе индоктринации, поднимала их на борьбу. При этом происходило объединение очень ограниченных сил для реализации единой задачи, а борьба, естественно, велась как политическими, так и военными методами, баланс между которыми гибко менялся в зависимости от ситуации. Поскольку марксизм-ленинизм изначально базировался на идее классовой борьбы, то нет никаких оснований наделять характерный для него термин «борьба» или его перевод на вьетнамский язык «*đâu tranh*» сугубо вьетнамским военно-стратегическим смыслом, которого он не имел. Западные эксперты, пытаясь понять сокровенное, создали этакий фантом (*the dau tranh strategy*), с помощью которого они попытались постичь непонятное, но вместо этого отделились от него.

Западные аналитики не поняли сути идеологической работы противника, сводя все только к термину «*đâu tranh*» (борьба), чем занимались отделы по политическому воспитанию в войсках армии Северного Вьетнама, которые, кстати, как раз и транс-

лировали в доступной для населения форме основные положения идеологии Хо Ши Мина – того самого «невидимого оружия», которое работало на духовном уровне и формировало в массах новую идентичность, несовместимую с колониальным, а также с проамериканским режимом.

Поле идеологических битв находится не вне, а внутри человека. Именно на этом поле, в сердцах и умах, ведутся самые жестокие сражения и битвы, из которых люди выходят преображенными. Изменившись внутренне, они начинают активно воздействовать на внешний мир. В борьбе против Франции и США идеология Хо Ши Мина показала свои сильные стороны, выдержав изощренные психологические операции со стороны умного, коварного и жестокого противника.

Чтобы понять вьетнамскую стратегию революционной борьбы следует вооружиться «бритвой Оккама», хорошо известным методологическим принципом Уильяма Оккама (1285-1347), который гласит «не следует множить сущее без необходимости», отсечь все лишнее и обратиться к имеющим прямое отношение к исследуемой проблеме источникам – трудам Хо Ши Мина, в которых мы найдем ссылки на В.И. Ленина и Сунь-цзы.

Не случайно один из наиболее проницательных западных экспертов полковник Дуглас МакКриди в начале XXI в. отметил, что «американские военные до сих пор не понимают, что произошло во Вьетнаме»¹⁹, причем он не случайно сделал это наблюдение в своей статье в разделе «Северный Вьетнам и западная философия». Связано это с тем, что категории восточной философии не улавливаются западными стратегами, которые с этой философией не знакомы. Это важное замечание полностью относится не только к американским военным в период Первой и Второй Индокитайских войн, которые, кстати, не только финансировали французскую войну в Индокитае и принимали участие в разработке военных планов с 1950 г., но и к их французским коллегам.

¹⁹ McCready, D.M. Learning from Sun Tzu // *Military Review*, 2003, No. 3, Vol. 83, pp. 85-88. P. 85.

¹⁸ Ibid. P. 242.

В истории человеческой цивилизации конфликты и войны разного типа и интенсивности, как правило, играли очень важную роль. В этом контексте становится понятным, почему трактаты военных мыслителей пользуются неослабевающим вниманием со стороны власть имущих в любой исторический период. Вот только перед использованием их надо правильно понять, интерпретировать и применять не только на поле боя, но и в политических битвах.

Академик В.С. Мясников полагает, что стратагематику использовали не только военные, но и политики. Победа требовала тщательной системной стратагемной подготовки²⁰.

Именно эти задачи и решались вьетнамским руководством в период ожесточенной борьбы за независимость в середине XX века, в то время как самоуверенный противник гордо шел в заранее расставленные для него идеологические ловушки. Вспоминая данное американскими аналитиками определение вьетнамской «*the dau tranh strategy*», следует признать, что предложенное акад. В.С. Мясниковым толкование куда больше подходит к пониманию теории и практики стратегической линии ДРВ.

В.С. Мясников, продолжая свою мысль, отметил: «В этом плане стратагемность, раскрывая способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника, служит образцом политической дальновидности, причем дальновидности активной»²¹. Не случайно и Хо Ши Мин, усвоив эту премудрость, во многих своих речах и статьях говорил о необходимости перехвата стратегической инициативы, что позволяло в известном смысле программировать противника на определенные ответные шаги. Аналогичная деятельность в тео-

рии игр получила название рефлексивного управления. Так появился новый западный термин для давно описанного стратагематического явления.

Стратагематика как наука об эффективном использовании стратагем представляет собой более глубокий уровень именно стратегического мышления вьетнамских политиков и полководцев, тогда как борьба *đau tranh* является, по мудрому замечанию А.А. Зиновьева «способом выживания» страны в условиях борьбы за существование и эта борьба, разумеется, требует напряжения всех сил. «Реальный коммунистический строй есть прежде всего и по преимуществу способ выживания в предельно трудных условиях, угрожающих деградацией и гибелью, а не способ достижения некоего общества всеобщего благополучия и счастья»²². Основная особенность вьетнамской стратегии как в войнах, так и в мирное время – состоит в том, что это не просто использование хитрых уловок для обмана противника, это иной тип именно стратегического мышления, нацеленного на решение долгосрочных задач!

Много лет спустя после проигранной войны во Вьетнаме в США сделали работу над ошибками, и в XXI веке руководство Пентагона настоятельно рекомендует американским военным повышение военно-теоретического уровня. «К. Пауэлл (занимавший посты председателя Комитета начальников штабов США, помощника Президента США по вопросам национальной безопасности, госсекретаря США) говорил о том, что из трудов Сунь Цзы можно черпать вдохновение для солдат и политиков. Пауэлл отмечал, что руководство вооруженных сил США требует, чтобы американские командиры читали трактат Сунь Цзы»²³.

²⁰ Мясников В.С. Стратагематика – наука точная // Кастальский ключ китаеведа. Т. 4. Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2014. [Myasnikov, V.S. Stratagematika – nauka tochnaya (Stratagematics – Exact Science) // *Kastal'skij klyuch kitaeveda*. Vol. 4. Kvadratura kitajskogo kruga. Moscow: Nauka, 2014.]

²¹ Ibid. P. 56.

²² Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. [Zinov'ev, A.A. *Kommunizm kak real'nost'* (Communism as a Reality). Moscow: Centrpoligraf, 1994.]

²³ Кокошин А.А. Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы «Искусство войны». М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. [Kokoshin, A.A. *Aktual'nye voprosy traktata Sun' Czy «Iskusstvo vojny»* (Actual Issues of the Treatise Sun Tzu “The Art of War”). Moscow: FGBUN ISPI RAN, 2017.]

Стратегематика в современном Вьетнаме

Некоторые эксперты полагают, что древний трактат по военному искусству годен лишь на то, чтобы с его помощью анализировать события далекого прошлого. Акад. А.А. Кокошин, напротив, считает, что постижение трактата Сунь-цзы в наши дни, несмотря на его почтенный возраст, вполне актуально. «Изучение трактата Сунь Цзы существенно с военно-исторической точки зрения. Роль военно-исторических знаний в научном осмыслении политико-военных и военно-стратегических проблем остается базовой и в современных и перспективных условиях XXI века, когда стремительно изменяется характер войн и вооруженных конфликтов»²⁴.

Аналогичным образом рассуждал и Хо Ши Мин, который включил свои переводы и комментарии к трактату Сунь-цзы в систему политучебы в середине 40-х годов прошлого века, что привело к системному усвоению военными и политиками нового способа стратегического мышления.

Имея, по сравнению со своими противниками, более ограниченные ресурсы, Вьетнам, тем не менее, на протяжении своей многовековой истории в основном успешно решал встававшие перед страной проблемы во многом благодаря системному стратегическому мышлению своих лидеров. Эта традиция продолжается и в наши дни.

В современном мире мало кто обращает внимание на то, что оценка исторических и текущих событий, а также прогнозов в отношении региональной и мировой политики в современном Вьетнаме происходит через призму классической стратегематики. Для этого чтобы в этом убедиться достаточно зайти в интернет и просмотреть некоторые популярные заголовки публицистических статей на вьетнамском языке.

Так, по мнению вьетнамского автора статьи «Путин и стратегема «победить, не сражаясь» в игре на Украине»: «в украинском конфликте Президент РФ использует один из классических заветов Сунь-цзы «*bát chiến tự nhiên thành*» “победить, не сражаясь”»²⁵.

²⁴ Ibid. Pp. 11-12.

²⁵ Hoài Thanh. Ông Putin và kế sách “bát chiến tự nhiên thành” trong văn bài Ukraine. Mode of

access: <https://dantri.com.vn/the-gioi/ong-putin-va-ke-sach-bat-chien-tu-nhien-thanh-trong-van-bai-ukraine-1430800996.htm>

В статье «Что думает и чего хочет Президент Путин» тот же автор Хоай Тхань пишет: «В противостоянии с США РФ все время находит подходящую дистанцию поскольку правильно оценивает и хорошо контролирует ситуацию в соответствии с принципом “познай себя, познай другого”»²⁶, что как известно представляет собой цитату из трактата Сунь-цзы «Искусство войны», которая в современную вьетнамскую аналитику была введена Хо Ши Мином в 1945 году.

Вот еще один пример из той же статьи: «российское руководство в целом, и президент Путин в частности стремятся к следующему: поддерживать состояние ничьей (или по меньшей мере под видом ничьей) чем дольше, тем лучше. Мир поможет России получить преимущество, поскольку Москва, не заплатив большой цены, все равно достигнет поставленных целей в более благоприятном геополитическом контексте. Это объясняет почему Россия постоянно использует подход «оливковая ветвь» в отношении противника. Его суть заключается в мирном подходе для решения кризиса в Сирии, чтобы не дать США шанс провести военную атаку. Так создаются и благоприятные условия для Киева по прекращению огня со стремящимися к независимости силами на Востоке после того, как правительственные силы потерпели практически полное военное поражение во время кампании лета 2014. Таким образом, Москва действует на основе принципа Сунь-цзы: победа в сражении низкая стратегия, победа без сражения высокая стратегия»²⁷.

Другой вьетнамский автор Зань Туен в статье «Г-н Трамп использует Искусство войны Сунь-цзы, чтобы справиться с проблемой Северной Кореи» отмечает: «Со времени Сунь-цзы, автора «Искусства войны», внезапность и обманные маневры рассматриваются в качестве высокого военного

²⁶ Hoài Thanh. *Km hai: Tổng thống Putin nghĩ gì và muốn gì*. Mode of access: <https://dantri.com.vn/the-gioi/tong-thong-putin-nghi-gi-va-muon-gi-1430801531.htm>

²⁷ Ibid.

искусства. Возможно, г-н Трамп использует эти стратагемы из трактата Сунь-цзы, чтобы справиться с Северной Кореей»²⁸.

Еще один вьетнамский автор в статье «РФ использует «Искусство войны» Сунь-цзы в противостоянии с США и НАТО» утверждает: «Чтобы лучше понять то, что РФ делает в настоящее время и как они понимают войну, следует прочитать книгу Сунь-цзы «Искусство войны». Там написано: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко»»²⁹.

Характеризуя внешнюю политику РФ в отношении НАТО, вьетнамский автор Данг Фьонг Тхао утверждает: «В РФ очень любят этот метод. Он характеризуется созданием инцидентов с целью вызвать определенные действия, что называется контроль реакции. Концепция направлена на создание международных инцидентов, на которые другие страны вынуждены реагировать таким образом, чтобы это обычно приносило пользу Кремлю»³⁰. В данном случае мы стали свидетелями еще одного нового названия, который, как и рефлексивное управление, по-новому называет базовый стратагемный принцип косвенного управления действия-

²⁸ Danh Tuyên. Ông Trump áp dụng Binh pháp Tôn Tử để đối phó vấn đề Triều Tiên? Mode of access: <http://www.nguoiduatin.vn/ong-trump-ap-dung-binh-phap-ton-tu-de-doi-pho-van-de-trieu-tien-a323505.html>

²⁹ Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора, 2009. [Sun Tzu. Iskusstvo vojny (The Art of War) / Iskusstvo vojny: Antologiya voennoj mysli. SPb.: Amfora, 2009.]; Đặng Phương Thảo. Nga dùng Binh pháp Tôn Tử đầu Mỹ, NATO. Mode of access: <https://viettimes.vn/nga-dung-binh-phap-ton-tu-dau-my-nato-85806.html>

³⁰ Đặng Phương Thảo. Nga dùng Binh pháp Tôn Tử đầu Mỹ, NATO. Mode of access: <https://viettimes.vn/nga-dung-binh-phap-ton-tu-dau-my-nato-85806.html>

ми противника.

В рассмотренных выше примерах нас интересует не столько вопрос корректности оценки следования В. Путина, Д. Трампа и других ведущих мировых политиков заветам Сунь-цзы, сколько то, что в современном Вьетнаме их шаги на международной арене как в популярной прессе, так и на более высоком профессиональном уровне, оцениваются преимущественно через концептуальную призму выдающегося классического трактата, который активно используется даже журналистами и политическими обозревателями для оценки событий как далекого прошлого, так и происходящих в наши дни!

Выводы

Вышеизложенное приводит к неопровержимому выводу о том, что трактат Сунь-цзы «Искусство войны» благодаря Хо Ши Мину оставил очень глубокий след в мышлении вьетнамских политиков, военных, комментаторов и эти проверенные временем аналитические призмы используются до сих пор в оценке военных, а также внешне и внутривнутриполитических проблем в разных регионах мира.

В данном исследовании на конкретных примерах показано влияние традиционной китайской стратегии на формирование идеологии Хо Ши Мина, который тщательно изучал и творчески использовал наследие мудрецов Древнего Китая для освобождения своей страны в середине XX века, приступил к обучению этой науке командиров созданной им армии и партийных работников в критические для безопасности страны месяцы перед началом Первой Индокитайской войны.

Академик А.А. Кокошин полагает, что «Военная сила остается исключительно важным инструментом политики и в условиях XXI века. За две с половиной тысячи лет со времени Сунь Цзы многократно менялись формы и способы применения военной силы, прошло несколько революций в военном деле. Но многие положения его трактата и трактатов других китайских военных мыслителей и полководцев прошлого со-

храняют свою значимость и в современных условиях. Ибо они основаны на глубоком понимании природы человека и отношений между людьми в экстремальных условиях, которые характерны для войны и других ситуаций, связанных с применением военной силы»³¹. Во Вьетнаме не только полностью согласны с мнением А.А. Кокошина, но и следуют этой линии не один десяток лет. Последние 75 лет руководство Вьетнама активно использовало творчески переработанное наследие Сунь-цзы, что позволило ему победить в асимметричных войнах сильных и умных противников, а также успешно провести экономические реформы в конце XX – начале XXI веков, используя различные идеологические подходы от стратагематики до марксизма-ленинизма и рыночной экономики там, где это было выгодно для страны. Изучение реальной истории формирования идеологии Хо Ши Мина основной идеологической системы современного Вьетнама – позволяет понять подлинную логику политических и военных решений вьетнамского руководства как в период Индокитайских войн, так и в настоящее время. Именно идеология Хо Ши Мина, как квинтэссенция эффективных политтехнологий Востока и Запада, представляет собой теоретическую и практическую основу стратегии современного вьетнамского государства.

Литература:

Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.

Кокошин А.А. Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы «Искусство войны». М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017.

Колотов В.Н. Идеология Хо Ши Мина против французской стратегии молниеносной войны // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 39-52.

Колотов В.Н. Стратагемность мышления вьетнамского полководца Во Нгуен Зяпа как ключевой элемент исторической победы при Дьенбьенфу // Восток-Запад: историко-культурный альманах: 2013-2014. М.: Наука – Вост. лит., 2014. С. 80-103.

Мясников В.С. Стратагематика – наука точная // Кагальский ключ китаеведа. Т. 4. Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2014.

³¹ Кокошин А.А. Актуальные вопросы трактата Сунь Цзы «Искусство войны». М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. [Kokoshin, A.A. Aktual'nye voprosy traktata Sun' Czy «Iskusstvo vojny» (Actual Issues of the Treatise Sun Tzu “The Art of War”). Moscow: FGBUN ISPI RAN, 2017.]

Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора, 2009.

Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ IX. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2001.

Đặng Phương Thảo. Nga dùng Binh pháp Tôn Tử đầu Mỹ, NATO. Mode of access: <https://viettimes.vn/nga-dung-binh-phap-ton-tu-dau-my-nato-85806.html>

Danh Tuyên. Ông Trump áp dụng Binh pháp Tôn Tử để đối phó vấn đề Triều Tiên? Mode of access: <http://www.nguoiduatin.vn/ong-trump-ap-dung-binh-phap-ton-tu-de-doi-pho-van-de-trieu-tien-a323505.html>

Davidson P.B. Vietnam at War. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Hồ Chí Minh. Binh pháp Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 4. 1945-1946. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia – Sự Thật, 2011, tr. 258-260, 261-264, 267-270, 275-278, 284-287, 296-298, 337-339, 342-344, 358-360, 363-365, 366-368, 474-476, 487-489, 494-496, 506-508, 515-517, 527-529, 530-533.

Hồ Chí Minh. Phép dùng binh của ông Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 3. 1930-1945. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011, tr. 555-588.

Hồ Chí Minh. Toàn tập, Tập 2. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011.

Hoài Thanh. Ông Putin và kế sách “bất chiến tự nhiên thành” trong vấn đề Ukraine. Mode of access: <https://dantri.com.vn/the-gioi/ong-putin-va-ke-sach-bat-chien-tu-nhien-thanh-trong-van-de-ukraine-1430800996.htm>

McCready, D.M. Learning from Sun Tzu // *Military Review*, 2003, No. 3, Vol. 83, pp. 85-88.

Song Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006.

Tạ Ngọc Tấn (Chủ biên). Từ điển Hồ Chí Minh học. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2017.

Vietnam: a Country Study / ed. by Ronald J. Cima. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs, U.S. G.P.O., 1989.

孫子. 兵法. Mode of access: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinaintext.htm>

References:

Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ IX. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2001.

Đặng Phương Thảo. Nga dùng Binh pháp Tôn Tử đầu Mỹ, NATO. Mode of access: <https://viettimes.vn/nga-dung-binh-phap-ton-tu-dau-my-nato-85806.html>

Danh Tuyên. Ông Trump áp dụng Binh pháp Tôn Tử để đối phó vấn đề Triều Tiên? Mode of access: <http://www.nguoiduatin.vn/ong-trump-ap-dung-binh-phap-ton-tu-de-doi-pho-van-de-trieu-tien-a323505.html>

Davidson P.B. Vietnam at War. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Hồ Chí Minh. Binh pháp Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 4. 1945-1946. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia – Sự Thật, 2011, tr. 258-260, 261-264, 267-270, 275-278, 284-287, 296-298, 337-339, 342-344, 358-360, 363-365, 366-368, 474-476, 487-489, 494-496, 506-508, 515-517, 527-529, 530-533.

Hồ Chí Minh. Phép dùng binh của ông Tôn Tử // Toàn Tập. Xuất bản lần thứ ba. Tập 3. 1930-1945. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011, tr. 555-588.

Hồ Chí Minh. Toàn tập, Tập 2. Hà Nội: NXB Chính Trị Quốc Gia - Sự Thật, 2011.

Hoài Thanh. Ông Putin và kế sách “bất chiến tự nhiên thành” trong vấn đề Ukraine. Mode of access: <https://dantri.com.vn/the-gioi/ong-putin-va-ke-sach-bat-chien-tu-nhien-thanh-trong-van-bai-ukraine-1430800996.htm>

Kokoshin, A.A. Aktual'nye voprosy traktata Sun' Czy «Iskusstvo vojny» (Actual Issues of the Treatise Sun Tzu «The Art of War»). Moscow: FGBUN ISPI RAN, 2017.

Kolotov, V.N. Ideologiya Ho Shi Mina protiv francuzskoj strategii molnienosnoj vojny (The Ideology of Ho Chi Minh against the French Strategy of Lightning War) // *Voprosy istorii*, 2017, No. 6, 2017, pp. 39-52.

Kolotov, V.N. Stratagemnost' myshleniya v'etnamskogo polkovodca Vo Nguen Giapa kak klyuchevoj element istoricheskoy pobedy pri D'enb'efu (The Stratagem of the Thinking of the Vietnamese Commander Vo Nguyen Giap as a Key Element of the Historic Victory at Dien Bien Phu) // *Vostok-Zapad: istoriko-kul'turnyj al'manah: 2013-2014*. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2014, pp. 80-103.

McCready, D.M. Learning from Sun Tzu // *Military Review*, 2003, No. 3, Vol. 83, pp. 85-88.

Myasnikov, V.S. Stratagematika – nauka tochnaya (Stratagematics – Exact Science) // *Kastal'skij klyuch kitaeveda*. Vol. 4. Kvadratura kitajskogo kruga. Moscow: Nauka, 2014.

Song Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006.

Sun Tzu. *Iskusstvo vojny (The Art of War)* / *Iskusstvo vojny: Antologiya voennoj mysli*. SPb.: Amfora, 2009.

Tạ Ngọc Tấn (Chủ biên). Từ điển Hồ Chí Minh học. Hà Nội: NXB Chính trị quốc gia, 2017.

Vietnam: a Country Study / ed. by Ronald J. Cima. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs, U.S. G.P.O., 1989.

Zinov'ev, A.A. Kommunizm kak real'nost' (Communism as a Reality). Moscow: Centrpoligraf, 1994.

孫子. 兵法. Mode of access: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm>

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10042

THE IDEA OF HO CHI MINH IN THE THEORY AND PRACTICE OF THE NATIONAL-LIBERATION MOVEMENT OF VIETNAM

Vladimir N. Kolotov

*Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 15.03.2019</p> <p><i>Received:</i> 25.11.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 09.12.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the description of the main parameters, periodization and the role of Ho Chi Minh ideology, as well as its main components. Particular attention is paid to the influence of traditional Chinese military-strategic thought, first of all the concepts of Sun Tzu, on the formation of the strategy of the Vietnamese national liberation movement on the eve of the First Indochina War (1946-1954). The inclusion of ancient treatises in the political studies of leading party and military staffs led to the spread of the ability to think stratagemically. These strategic approaches were later actively used by DRV leaders in the conflict against the United States during the Second Indochina War (1965-1975), as well as today to analyze the approaches of political leaders of the great powers to solve regional security problems.</p>
<p>About the author: Head of the Department of History of the Far East, Saint Petersburg State University</p> <p>e-mail: vladimirkolotov@mail.ru</p>	
<p>Key words: Middle East; Turkey; regional order; moral realism; just world; foreign policy; inter-civilizational dialogue</p>	

Для цитирования: Колотов В.Н. Идеология Хо Ши Мина в теории и практике национально-освободительного движения Вьетнама // *Сравнительная политика*. – 2019. – №4 – С. 65-76.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10042

For citation: Kolotov, Vladimir N. Ideologiya Kho Shi Mina v teorii i praktike natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya V'yetnama (The Idea of Ho Chi Minh in the Theory and Practice of the National-Liberation Movement of Vietnam) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 65-76.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10042

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ КНР И КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ОСТРОВЕ ТАЙВАНЬ

Арсений Павлович Бореев

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 5 февраля 2019</p> <p><i>Отправлено на редактирование:</i> 15 мая 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 15 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу политических режимов в КНР и Китайской Республике на острове Тайвань, в частности особенностям режимных изменений на острове и материке в рамках третьей волны демократизации. В ходе исследования был дан ответ на вопрос, почему КНР после событий на площади Тяньаньмэнь не перешла к демократии. В результате были выявлены некоторые особенности процесса политической трансформации незападного типа по обе стороны Тайваньского пролива, а также установлено, что конфуцианская политическая культура не ведет ни к демократии, ни к авторитаризму, определяя только институциональный дизайн двух политических режимов*</p>
<p>Об авторе: студент магистратуры «GR и международный лоббизм», МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: arseny.boreev@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: сравнительный анализ; политические режимы; политическая трансформация незападного типа; Китай; КНР; Тайвань; проблема двух Китаев; демократизация; демократический транзит</p>	

16 января 2016 года во время Всеобщих выборов в частично-признанной мировым сообществом Китайской Республике на острове Тайвань Демократическая прогрессивная партия (ДПП) впервые в своей истории одержала победу над партией Гоминьдан (ГМД) как в президентской гонке, так и в выборах в Законодательный юань, получив большинство мест в парламенте. Переход власти к сторонникам независимости Тайваня, возможно, ознаменовал собой завершение процесса консолидации демократического режима на острове. Учитывая, что с конца 1990-х годов в стране осуществляется взаимный транзит власти от ГМД к ДПП, институты и механизмы ротации по-

литической элиты в целом можно назвать стабильными. Случай Китайской Республики является уникальным, поскольку демонстрирует нелинейность развития и формирования политических режимов и обществ, принадлежащих одной культуре. В данном случае речь идет о режимах, которые сложились по обе стороны Тайваньского пролива – в Китайской Народной Республике и Китайской Республике на острове Тайвань, что является подтверждением тезиса о существовании «проблемы двух Китаев», которая проходит лейтмотивом через ки-

* Ряд результатов исследования был получен в ходе подготовки выпускной квалификационной работы автора в МГИМО МИД России.

тайскую историю и возникает на различных исторических отрезках и в различном социально-политическом контексте¹.

В контексте сегодняшнего дня эта проблема имеет два измерения: внешнеполитическое и социально-политическое. Под внешним измерением понимается противоречие между КНР и непризнанной подавляющим большинством стран² Китайской Республикой по поводу острова Тайвань и ряда близлежащих островов при параллельном претворении руководством КНР в жизнь политики одного Китая с требованием от других стран признания двух принципов – «в мире существует только один Китай», «Тайвань – неотъемлемая часть Китая». Социально-политическое измерение подразумевает две различные траектории развития китайской нации, которые нашли свое отражение в политических системах и режимах на материке и острове и которые впоследствии прошли свою трансформацию до современного состояния.

Следовательно, представляется интересным рассмотреть вопрос о влиянии конфуцианской политической культуры на формирование политических режимов и некоторые аспекты институционального дизайна по обе стороны пролива. На мой взгляд, принадлежность двух обществ к конфуцианской парадигме сама по себе не привела ни к демократии, ни к авторитаризму, а только лишь скорректировала процесс институционализации политической власти. Также раскрытие этого вопроса поможет объяснить некоторые трудности вопроса «китайского воссоединения» между островом и материком и будущее политического режима в КНР. Суть пробле-

мы, волнующей многих синологов во всем мире, заключается в следующем: каким образом де-факто независимое и демократическое государство с развитыми политическими институтами и многопартийной системой на острове Тайвань может быть встроено в текущую политическую и институциональную структуру КНР.

Конфуцианство как основа «незападной» трансформации

Культурные особенности и традиции оказывают определенное влияние на институциональный дизайн государства. Несмотря на режимные различия и разницу в уровнях благосостояния, в матрице культур *World Values Survey Database*³, КНР и Китайская Республика находятся на одном спектре – конфуцианском. Принадлежность к конфуцианской парадигме не приводит к установлению какого-либо режима, а лишь показывает, как культурные особенности могут быть учтены при институциональном дизайне государства. Пример Китайской Республики показывает альтернативность пути при конструировании идеологии и режима в конфуцианской парадигме, что может стать практическим примером для КНР и КПК в частности. Конфуцианская политическая культура не оказала негативного эффекта на становление тайваньской демократии. Следовательно, не особенности политической культуры препятствуют демократии, но авторитарные практики текущего режима. Более того, на Тайване сложилась специфическая политическая система, сочетающая в себе как западную традицию, так и конфуцианскую.

Среди характерных черт конфуцианской политической культуры, согласно результатам опроса, проведенным проектом *World Values Survey*, выделяются: преобладание традиционных ценностей; слабая толерантность к меньшинствам; преобладание у населения заинтересованности в решении экономических проблем и обеспечении

¹ Корень современной проблемы между КНР и Тайванем можно найти в истории падения Минской династии и установления иноземного правления, когда сформировались два видения на вопрос о пути развития Китая: «Китай китайцев» на Юге и «Цинский Китай» на Севере. Тайвань был последним очагом сопротивления против династии Цин (22 года).

² На сегодняшний день Китайскую Республику признает только 21 государство. Источник: ROC Embassies and Missions Abroad / Taiwan Embassy. Mode of access: http://www.taiwanembassy.org/portalOfDiplomaticMission_en.html#ALL

³ Cultural Map – World Values Survey Wave 6 (2010-2014) / WorldValuesSurvey. Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

безопасности над активным участием в политической жизни. В чем заключаются важность конфуцианской политической культуры для китайцев? В современном китайском сознании присутствуют элементы националистической идеологии, но не той, которая базируется на уверенности в культурном превосходстве собственных традиционных ценностей над другими, а той, которая скорее характеризуется как «отвержение самой возможности существования других оригинальных ценностей» вне китайской парадигмы⁴. Такая идея «китаецентризма» проистекает из особенности исторического развития китайской цивилизации – Китай долгое время находился в условиях «безальтернативности» культурного обмена, а также в условиях географической и этнопсихологической изолированности и социально-исторической замкнутости⁵. Образ величайшей в мире империи и чувство принадлежности к древней цивилизации служат источником патриотизма среди современных китайцев. В этой связи конфуцианству было суждено стать «цементирующим звеном» китайского социума, которое формально не является религией из-за отсутствия института церкви – главного интерпретатора традиционных ценностей. Роль «церкви» как института в конфуцианской парадигме взяло на себя старшее поколение и госаппарат⁶, которые веками транслировали общественному сознанию представления об идеальном обществе и системе ценностей⁷. Эти представле-

ния нашли свое отражение в иерархичности социума, небесном мандате на правление и меритократии, а также «правилах взаимоотношений по схеме учитель – ученик», что, видимо, нашло свое отражение в патернализме КПК и ГМД. Например, текущий механизм ротации политических элит в КНР корнями уходит в китайскую историю и политическую культуру, являясь всего лишь проекцией конфуцианских ценностей, сложившихся более двух тысяч лет назад. Среди них можно выделить: 1) вертикальная модель политической иерархии; 2) принцип «Мандата Неба» на правление, получить который может только человек, обладающий добродетелью, широкими познаниями и харизмой; 3) меритократия, выраженная в форме специальных экзаменов для занятия должности, и признание важности соблюдения формальных процедур; 4) стабильность системы трансляции власти и важная роль старшего поколения руководителей в продвижении преемников⁸.

В настоящее время этот механизм трансформируется. До прихода Си Цзиньпина в КНР существовал негласный консенсус о передаче власти от одного поколения руководителей к другому (система Дэн Сяопина).

Суть такого механизма заключалась в следующем. Отбор кандидатов в новое поколение руководителей, которые рекрутируются из четырех политических группировок КПК, начинается задолго до смены текущего руководства. Преемственность основы-

⁴ Корсун В.А. Идентичность «с китайской спецификой» // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68-79. [Korsun, V.A. Identichnost' «s kitayskoy spetsifikoy» (Identity «with Chinese Characteristics») // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2008, No. 3, pp. 68-79.]

⁵ Ibid. С. 73.

⁶ Переломов Л.С. Конфуций: Лунь юй. М.: Восточная литература, 2001. 588 с. [Perelomov, L.S. *Konfutsiy: Lun' yuy* (Confucius: Lun Yu). Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 588 p.]

⁷ Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Stilсервис, 2009. 706 с. [Perelomov, L.S. *Konfutsiy i konfutsianstvo s drevnosti po nastoyashcheye vremya* (V v. do n.e. – XXI v.) (Confucius and Confucianism from Antiquity to the Present (V Century BC – XXI Century)). Moscow: Stilservis, 2009. 706 p.]

⁸ Гаман-Голутвина О.В. Элитообразование и внутренние расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под. ред. И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 106-158. [Gaman-Golutvina, O.V. *Elitooobrazovaniye i vnutrenniye raskoly otnositel'no kharaktera, napravleniy i skorosti modernizatsii* (Elite Formation and Internal Schisms Regarding the Nature, Directions and Speed of Modernization) // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz* (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina. I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 106-158.]

вается на меритократической системе карьерного продвижения управленцев, выбор которых осуществляется путем многоступенчатых консультаций. Ключевым моментом для преемника является получение места в Постоянном Комитете Политбюро ЦК КПК, к моменту выборов в который он должен сформировать для себя сети поддержки, приобрести необходимый социальный капитал и зарекомендовать себя в качестве опытного управленца и профессионала. Для концентрации всей полноты власти в своих руках потенциальный лидер должен получить определенный набор высших должностей, начиная с поста Генерального Секретаря ЦК КПК, Председателя КНР и заканчивая должностью Председателя Центрального военного совета КНР, что приводит к институционализации политической власти лидера-преемника, установлению контроля за внутренними и внешнеполитическими делами, формированию вокруг лидера группы аналитиков из ведущих национальных мозговых центров. Если потенциальный преемник не смог собрать необходимый набор должностей, то он теряет доступ к формированию политического курса и превращается в исполнителя партийной линии.

Квинтэссенцией механизма ротации политической элиты стал тот факт, что лидер, который сосредоточил в своих руках большинство высших постов, может занимать свой пост только в течение десяти лет без права возвращения в большую политику после⁹. Среди других особенностей этого механизма до 2018 года можно было выделить: 1) запрет пожизненного пребывания на руководящих постах во всей политической системе; 2) запрет единоличного выбора преемника; 3) обязательность обновления и омоложения

⁹ Корсун В.А. Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации // Элиты стран Востока / под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новаковой. М.: ИД «Ключ-С», 2011. [Korsun, V.A. Pravyashchaya elita sovremennogo Kitaya: tendentsii modernizatsii i arkhazatsii (The Ruling Elite of Modern China: Trends of Modernization and Archaization) // Elity stran Vostoka (Elites of the East) / Ed. by A.Yu. Drugov, N.P. Maletin, O.V. Novakova. Moscow: ID «Klyuch-S», 2011.]

руководящих кадров¹⁰. Отбор кандидатов-преемников, а также ротация старых кадров осуществляется с помощью элементов внутрипартийной демократии КПК. В 2018 году ВСНП одобрило изменения некоторых положений Конституции, увековечив в ней действующего председателя КНР наравне с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином (идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху), а также отменив ограничение в два срока для председателя КНР и его заместителя, тем самым усилив переход к авторитарному типу политического режима. Была закреплена новая политическая реальность в Китае, которая позволит Си Цзиньпину переизбраться в 2023 году через ВСНП на третий срок. На XIX съезде в состав ПК не были введены кандидаты-преемники, которые не появились и после октябрьского пленума партии в 2019 году.

В случае Тайваня ротация и смена политических элит проходит с использованием демократических процедур. Хотя большая часть институтов была заимствована у западных демократий, тайваньской демократии присуща конфуцианская специфика, которая нашла свое отражение в таких политических институтах как контрольная и экзаменационная ветви власти. Экзаменационная палата является главным государственным органом, который в соответствии с китайской и конфуцианской традицией проводит отбор государственных служащих на основании конкурсных экзаменов. Члены экзаменационной палаты согласно Конституции находятся выше партийных и идеологических интересов и должны проверять профессиональную подготовку государственных служащих. В свою очередь Палата контроля является высшим государственным контрольным и аудиторским органом, который занимается расследованиями деятельности государственных служащих с точки зрения наличия или отсутствия фактов, свидетельствующих о нарушении закона или пренебрежении служебными обязанностями. Палата контроля имеет право возбудить дело об импичменте президента и передать результаты дела на рассмотрение Национальному собранию.

¹⁰ Ibid. С. 113.

Разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, контрольную и экзаменационную восходит к теории разделения властей Сунь Ятсена, идеи для которой он черпал из китайской и конфуцианской традиции, параллельно критикуя и «китаизируя» концепт западной демократии¹¹.

Из этого следует, что культурные особенности и традиции оказывают сильное влияние на институциональный дизайн государства. Эта «китайская специфика» оказалась присущей двум режимам, найдя свое отражение сначала во внутрипартийной демократии в КНР, с помощью которой происходил скрупулезный отбор кадров для нового поколения руководителей (текущая политическая трансформация и принципы рекрутирования новой элиты нуждаются в дальнейшем осмыслении, которое станет возможно только через некоторое время), так и в тайваньской демократии, где свободное волеизъявление граждан формирует своих представителей и лидеров, а Экзаменационная и Контрольная палаты следят за «качеством» новых кадров и государственных служащих.

Типологизация режимов на острове и материке

Для дальнейшего раскрытия темы необходимо перейти непосредственно к типологизации политических режимов по обе стороны Тайваньского пролива и их основным отличиям. На сегодняшний день согласно отчетам *Freedom House*¹² и *Polity IV Project*¹³

¹¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Главная редакция восточной литературы, издательство «Наука», 1985. 759 с. [Sun', Yatsen. Izbrannyye proizvedeniya (Sun Yat-sen. Selected Works). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, izdatel'stvo «Nauka», 1985. 759 p.]

¹² Freedom in the World 2015. Taiwan / Freedomhouse, 27.01.2016. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/taiwan>

¹³ Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946-2013 / Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2013. Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

в Китайской Республике установился демократический режим. Однако это еще не означает, что процесс консолидации демократии на острове на сегодняшний день завершен. В основе политической системы Тайваня лежит теория разделения властей Сунь Ятсена¹⁴, закреплённая в Конституции Китайской республики 1947 года. Совместное сосуществование пяти ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной, контрольной и экзаменационной – отличается от «классической» модели разделения властей, что однако не усложняет устраивание республики в двухмерную типологию демократических режимов Мэттью С. Шугарта и Джона М. Кэри¹⁵, по которой Китайская республика на острове Тайвань является президентско-парламентской системой¹⁶, где, с одной стороны, всенародно избираемым главой государства является президент, обладающий правом формировать правительство с согласия исполнительной ветви власти¹⁷, а с другой – всенародно избираемый Законодательный юань, перед которым правительство несет ответственность. На сегодняшний день политический режим Китайской Республики на острове Тайвань

¹⁴ Сунь Ятсен. Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Главная редакция восточной литературы, издательство «Наука», 1985. 759 с. [Sun', Yatsen. Izbrannyye proizvedeniya (Sun Yat-sen. Selected Works). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, izdatel'stvo «Nauka», 1985. 759 p.]

¹⁵ Shugart Matthew Soberg, Carey John M.. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics – Cambridge University Press, 1992. 332 pages.

¹⁶ Wu, Yu-Shan. Appointing the Prime Minister under Incongruence: Taiwan in Comparison with France and Russia // *Taiwan Journal of Democracy*, 2005, Vol. 1, No. 1, pp. 103-132; Halbeisen, Hermann. Taiwan's Domestic Politics since the Presidential Elections 2000 // *Duisburg Working Papers on East Asian Studies*, 2003, No. 53, 22 p.; Bahro, Horst. Duverger's Concept: Semi-presidential Government Revisited // *European Journal of Political Research*, 1998, No. 34, pp. 201-224.

¹⁷ Смирнов Д.А. Особенности эволюции института главы государства в материковом Китае и на Тайване. // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVII, ч. 1. Институт востоковедения РАН. Москва, 2017. С. 490 – 498.

можно охарактеризовать как демократию с признаками мажоритарной модели¹⁸, основой которой являются как президентско-парламентский конституционный режим¹⁹, так и доминирование ДПП и ГМД в политической жизни из-за особенностей электоральной системы (индекс эффективного числа партий в 2016 году составил 2,7, что является признаком двухпартийности)²⁰.

Что касается КНР, то, с одной стороны, на сегодняшний день материковый Китай представляет собой переходный вариант между посттоталитарным и авторитарным режимами²¹, ключевыми элементами которого являются: патернализм; однопартийность; социальный и экономический плюрализм; слабый политический плюрализм и гибридная идеология²². КПК все еще монополизировала власть, несмотря на наличие других политических партий и отсутствие в Конституции статьи, формально закрепляющей власть коммунистов, как в СССР. Если шестая статья Конституции СССР говорила, что КПСС является «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы», а также «определяет линию внутренней и внешней

политики», то в КНР такая «главенствующая роль» партии была прописана в размытом виде в Преамбуле: «Руководимая Коммунистической партией Китая система многопартийного сотрудничества и политических консультаций будет длительное время существовать и развиваться». Также невозможно проводить параллели с политической системой СССР в силу того, что КНР фактически отсутствовал тоталитарный опыт, сравнимый со сталинским режимом. Режим Мао был скорее мобилизационно-революционным, нежели тоталитарным, так как для последнего типа режима необходимы развитая материально-техническая база и инструменты контроля. Кроме этого, были отличны условия начала политической и экономической модернизации в СССР и КНР в 80-е годы.

Существует и другой взгляд на характер политического режима материкового Китая, ведь невозможно говорить о полном отсутствии плюрализма в КНР, так как в настоящее время проводятся эксперименты с демократическими выборами на местном уровне, а также существует внутрипартийная демократия в КПК, что приближает страну к «нелиберальной и одновременно незападной демократии»²³. Кроме того, на фоне слабого политического плюрализма, в КНР достаточно развит социальный и экономический плюрализм, что является более характерным признаком авторитарного режима. В КНР

¹⁸ Lijphart, Arend. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press, 1999. 351 p.

¹⁹ Wu, Yu-Shan. *Appointing the Prime Minister under Incongruence: Taiwan in Comparison with France and Russia* // *Taiwan Journal of Democracy*, 2005, Vol. 1, No. 1, pp. 103-132; Halbeisen, Hermann. *Taiwan's Domestic Politics since the Presidential Elections 2000* // *Duisburg Working Papers on East Asian Studies*, 2003, No. 53, 22 p.; Bahro, Horst. *Duverger's Concept: Semi-presidential Government Revisited* // *European Journal of Political Research*, 1998, No. 34, pp. 201-224.

²⁰ Метод расчета индекса был взят из следующего исследования: Laakso, M.; Taagepera, R. *Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe* // *Comparative Political Studies*, 1979, No. 1, pp. 3-27.

²¹ Thompson, M.R. *Totalitarian and Post-Totalitarian Regimes in Transition and Non-Transitions from Communism* // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2002, No. 1, pp. 79-106.

²² Linz, J.; Stepan, A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.

²³ Воскресенский А.Д. *Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: Проблемы и преимущества «китайской модели»* // *Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ* / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 27-53. [Voskressenski, A.D. *Evolyuitsiya politicheskoy sistemy i politicheskaya modernizatsiya KNR: Problemy i preimushchestva «kitayskoy modeli»* (The Evolution of the Political System and Political Modernization of the PRC: Problems and Advantages of the "Chinese Model") // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz* (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 27-53.]

существует руководящая идеология, закреплённая в Конституции, акцент с которой на сегодняшний день смещен на прагматический консенсус, что характеризуется появлением таких концептов, как «рыночный социализм», «социалистическая рыночная экономика», «социализм с китайской спецификой». В восточных обществах именно государство воспринимается как главный носитель ценностных и нравственно-религиозных критериев²⁴, что дает ему право на собственную интерпретацию любых идеологических учений. Например, слова Дэн Сяопина: «неважно, какого цвета кошка – главное, чтобы она ловила мышей»; или цитата Чен Юаня, бывшего главы «Китайского банка развития»: «Мы – это китайская компартия, и мы решаем, что означает слово “коммунизм”»²⁵. Следовательно, эти характеристики дают возможность для другой интерпретации режима, а именно: в КНР в ходе политической модернизации установилась «опекунская», «незападная и нелиберальная демократия»²⁶, в кото-

рой КПК по идеологическому спектру из левой коммунистической партии превратилось в право-центристскую партию, развивающую государственный капитализм²⁷.

Текущие режимные различия имели в прошлом общий фундамент. Китайская Республика не всегда была демократией, в ней, как и в КНР, сформировался однопартийный авторитарный режим, который в 80-х годах в рамках третьей волны демократизации совершил успешный демократический транзит сверху. Более того, сама КНР в 80-е годы практически начала либерализацию политической жизни, которая вскоре была свернута после подавления студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь.

Логика режимных изменений

Теория модернизации, согласно которой побочным продуктом экономической модернизации является установление демократического режима, не может полностью объяснить успешный переход к демократии на Тайване, а также события на площади Тяньаньмэнь в КНР. Демократический транзит на острове совпал по времени с третьей волной демократизации, характерной особенностью которой являлось поведение политических акторов, трансформирующих систему и режим сверху²⁸. Следовательно, для анализа режимных изменений на острове и материке наиболее подходящей является теория

²⁴ Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Демократия в российском зеркале: монография / редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 289-343. [Voskressenski, A.D. Obshchiye zakonomernosti, regional'naya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoy demokratii (General Laws, Regional Specifics and the Concept of non-Western Democracy) // Demokratiya v rossiyskom zerkale: monografiya / Ed., by A.M. Migranyan, A. Przeworski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. Pp. 289-343.]

²⁵ The Permanent Party // *The Economist*, 2010. Mode of access: <http://www.economist.com/node/16374442>

²⁶ Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: Проблемы и преимущества «китайской модели» // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 27-53. [Voskressenski, A.D. Evolyutsiya politicheskoy sistemy i politicheskaya modernizatsiya KNR: Problemy i preimushchestva «kitayskoy modeli» (The Evolution of the Political System and Political Modernization of the PRC: Problems and Advantages of the “Chinese Model”) //

Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 27-53.]

²⁷ Gilley, Bruce. China's Democratic Future: How It Will Happen and Where It Will Lead Bruce Gilley. New York, Columbia University Press, 2004. 320 p.

²⁸ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с. [Huntington, S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka (Third Wave. Democratization at the End of the 20th Century) / Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2003. 368 p.]

рационального выбора акторов в рамках процедурного подхода²⁹.

У режимов была общая логика демократического транзита, которая шла по модели «либерализация, демократизация и консолидация». В КНР стадия либерализации стала сопровождаться протестной мобилизацией студентов, требующих усиления демократических реформ, что привело к жесткой реакции со стороны режима. Стоит отметить, что до начала демократического транзита двум режимам были присущи и другие общие черты: партократия, доминирование военного контроля в политике, а также мобилизационность режимов³⁰. На тот момент КНР представляла собой республику советского типа с партократическим, т.е. фактически однопартийным, режимом. В случае Тайваня в 1950 году был издан Декрет о чрезвычайном положении, который приостановил действие некоторых положений демократической Конституции Китайской Республики 1947 года. Партия Гоминьдан стала режимобразующим звеном в новой политической реальности острова, выполняя патерналистские функции в качестве «благонамеренного опекуна народа». Оба государства находились в постоянном мобилизационном режиме: остров ожидал вторжения с материка, а материковый Китай находился в противостоянии с другими внешними вызовами. На Тайване в этот период были «заморожены» многие демократические институты, прописанные в Конституции. Однако данное обстоятельство, возможно, и поспособствовало наименее болезненному транзиту и консолидации демократии.

²⁹ O'Donnell, Guillermo; Schmitter, Philippe C. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1986. 99 p.

³⁰ Воскресенский А.Д. Политические институты материкового и островного Китая // Сравнительная политология / Под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: «Аспект Пресс», 2015. С. 625-653. [Voskressenski, A.D. *Politicheskiye instituty materikovogo i ostrovnogo Kitaya (Political Institutions of Mainland and Island China)* // *Sravnitel'naya politologiya (Comparative Political Science)* / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: «Aspekt Press», 2015. Pp. 625-653.]

Первоначально патернализм тайваньского режима Чан Кайши и заморозка демократических институтов заключались в перманентном желании ГМД вернуться на материк. После превращения в частично признанное государство в 1971 году режим переформулировал свою повестку, считая, что возвращение материка заключается в развитии экономики и демократии на Тайване как альтернативы режиму Мао на материке³¹. Экономическая модернизация и повышение благосостояния населения, а также формирование среднего класса не всегда приводят к демократии, а скорее, наоборот, способствуют сохранению существующих авторитарных практик в обществе³². Однако в случае Тайваня Цзян Цзинго принял решение трансформировать политический режим острова, отменив в 1987 году военное положение. Учитывая, что особенностью восточных обществ является принцип воздержания от волонтаристской активности, сформулированный в древнекитайской политической философии «у-вэй»³³, а также отсутствие человека-преобразователя в его западном понимании, то можно сделать вывод, что действия политической элиты в демократизации Тайваня носили рациональный, продуманный и равномерный характер.

Либерализация и демократизация острова стали результатом патернализма ГМД, осно-

³¹ Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000. 360 с. [Galenovich, Yu.M. *TSzyan Chzhunchzhen, ili neizvestnyy Chan Kayshi (Jiang Zhongzheng, or the Unknown Chiang Kai-shek)*. Moscow: Muravey, 2000. 360 p.]

³² Huntington, Samuel P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 263 p.

³³ Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Демократия в российском зеркале: монография / редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 289-343. [Voskressenski, A.D. *Obshchiye zakonomernosti, regional'naya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoy demokratii (General Laws, Regional Specifics and the Concept of non-Western Democracy)* // *Demokratiya v rossiyskom zerkale: monografiya / Ed., by A.M. Migranyan, A. Przeworski*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. Pp. 289-343.]

ванного на учении Сунь Ятсена. Существует мнение, что для становления демократии необходим конфликт или раскол в обществе, который можно было бы решить с помощью консенсуса посредством демократических институтов³⁴. В случае Тайваня раскол заключался в делении населения на китайцев, прибывших с материка, и китайцев и аборигенов, издревле проживавших на Тайване и позиционировавших себя как тайваньцев. Конфликт заключался в том, что в идеологическом поле доминировал китайский националистический дискурс, в котором тайваньские аборигены и другие коренные жители острова долгое время находились за рамками политического процесса. Национализм ГМД был неразрывно связан с восприятием острова и его населения через призму Китая материкового и единого, а коренное население, напротив, воспринимало себя скорее тайваньцами, нежели китайцами. Демократический транзит сделал неизбежным включение в политический процесс представителей коренного населения, открыв для них доступ к власти и в политическую элиту.

Президентство первого коренного тайваньца Ли Дэньхуэя, продолжившего демократический транзит, стало негласным консенсусом, запустившим процессы тайванизации общества, системы и политического режима. Демократия стала формой переговорного процесса³⁵ между различными представителями тайваньской элиты, часть которой придерживается принципов китайского национализма и дальнейшего китайского сближения острова и материка, а другая ее часть следует принципам тайваньского национализма и тайваньской независимости. Свободные президентские и парламентские выборы служат формой поддержания и реализации данного консенсуса.

³⁴ Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5-15. [Rastou, D.A. *Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoy modeli (Transitions to Democracy: an Attempt at a Dynamic Model)* // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 1996, No. 5, pp. 5-15.]

³⁵ Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: «Фазис», 1999. 146 с. [Sergeev, V.M. *Demokratiya kak peregovornyy protsess (Democracy as a Negotiation Process)*. Moscow: «Fazis», 1999. 146 p.]

Среди отличительных особенностей режимов перед началом трансформации в КНР можно выделить: 1) посттоталитаризм режима КНР после смерти Мао, который имеет отличную от авторитаризма Тайваня логику; 2) разные социально-экономические условия политической модернизации; 3) наличие программы альтернативного будущего в случае Тайваня³⁶, выраженное в формировании внесистемной партии ДПП снизу, а в случае КНР – отсутствие организованной внесистемной политической силы, с которой правящая партия могла бы заключить «пакт» по совместным действиям во время транзита. Отсутствие альтернативной силы извне в свою очередь вытекает из посттоталитарного характера режима.

Стоит отметить, что посттоталитаризму не всегда предшествует тоталитарный режим. Политика Большого скачка и Культурная революция в КНР привели страну к глубочайшему кризису. После смерти Мао начался процесс «рутинизации харизмы», то есть делались «попытки законсервировать идеалы прежнего правления при нехаризматичном коллективном руководстве»³⁷. Кроме того, необходимо было переутверждение роли партии как бывшего источника легитимности лидера, что в свою очередь вело к снятию наиболее жестких характеристик прежнего режима. Именно с этих процессов начинается посттоталитарная фаза режима в КНР, которая сопровождается

³⁶ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3. [Pshhevorsky, A. *Perekhody k demokratii (Transitions to Democracy)* // *Put'*, 1993, No. 3.]

³⁷ Харитонов О.Г. Траектории режимных изменений и пределы демократизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 158-212. [Kharitonova, O.G. *Trayektorii rezhimnykh izmeneniy i predely demokratizatsii (The Trajectories of Regime Changes and the Limits of Democratization)* // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis)* / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 158-212.]

лась внутрипартийной борьбой за власть и выбор дальнейшего пути развития.

Если на острове Тайвань, где уже был достаточно высокий уровень социально-экономического развития, перед ГМД стоял вопрос о переходе или непереходе к демократии, то в случае КПК проблема заключалась как в выборе траектории социально-экономического, так и политического развития. Идеологически однопартийные режимы могут быть неоднородными, единство внутри элиты может достигаться за счет внутренних дискуссий относительно дальнейшего вектора развития. В отличие от Гоминьдана КПК остановилась на этапе либерализации, предпринятой генеральным секретарем КПК Чжао Цзяном и его сторонниками в 1987 году, которые представляли альтернативную Дэн Сяопину и его сторонникам политическую силу в стране³⁸.

На этапе либерализации независимо от государства мобилизуется гражданское общество, формируя независимые организации «снизу» и начиная артикулировать общественные интересы и новые ценности. Однако, энергичные действия снизу, выраженные в форме протеста, могут спровоцировать жесткую реакцию правящего режима и привести к «откату» назад. Например, на Тайване в 1986 году, когда еще был в силе закон о военном положении, группа активистов основала партию ДПП, которая представляла интересы «тайванизированной» части населения, аккумулировав и контролируя протестные настроения «снизу». Реакции со стороны правящей ГМД, которая имела законные основания запретить партию, не последовало, напротив, это стало толчком к переходу на стадию демократизации и проведению выборов.

В случае КНР было несколько продемократических мобилизаций населения, которые были подавлены. Самым масштабным было движение студентов на площади Тяньаньмэнь, ценностными ориентирами ко-

торых были: борьба с коррупцией; свобода прессы; продолжение политических реформ в сторону демократизации³⁹. После подавления протестов на Тяньаньмэнь произошел кризис легитимности КПК, однако режим смог использовать это как возможность корректировки траектории дальнейшей политической модернизации, перейдя к модели развития опекунской демократии, в которой постепенно возрастала бы роль институтов при определении политических результатов. Результатом данной траектории стало введение «низовой демократии», которая проявляется во внутрипартийной демократии и прямых выборах на локальном уровне⁴⁰.

Тяньаньмэнь или почему КНР не перешла к демократии

Возможен ли был переход КНР к демократии в рамках «третьей волны»? Перед событиями на площади Тяньаньмэнь существовали структурные факторы, препятствовавшие демократизации. Наличие таких факторов еще не говорит о невозможности демократии в данном обществе, напротив, эти факторы помогут скорректировать верную траекторию демократического транзита, осуществляемого сверху. Как можно объяснить тот факт, что острову Тайвань

³⁹ Информация взята из: Global Nonviolent Action Database, 05.03.2016. Mode of Access: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/chinese-students-campaign-democratic-reform-tiananmen-square-1989>

⁴⁰ Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: Проблемы и преимущества «китайской модели» // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 27-53. [Voskressenski, A.D. Evolyutsiya politicheskoy sistemy i politicheskaya modernizatsiya KNR: Problemy i preimushchestva «kitayskoy modeli» (The Evolution of the Political System and Political Modernization of the PRC: Problems and Advantages of the "Chinese Model") // Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 27-53.]

³⁸ Галенович Ю.М. Чжао Цзян и реформы в Китае. М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. 752 с. [Galénovich, Yu.M. Chzhao TSzyuan i reformy v Kitaye (Zhao Ziyang and Reforms in China). Moscow: «SPSL»; «Russkaya panorama», 2012. 752 p.]

удалось завершить демократический транзит, а в КНР этот процесс остановился на стадии либерализации? С. Хантингтон в работе «Третья волна. Демократизация в конце XX века» подчеркнул, что «демократический транзит устанавливают не тенденции, а люди. Демократии создаются не причинами, а виновниками»⁴¹.

Сторонники процедурного подхода считают, что социокультурные факторы не могут объяснить и предсказать, почему политические акторы отстаивают статус-кво или начинают переход к демократии⁴². Набор определенных политических решений и действий акторов, инициирующих демократизацию, важнее для ее завершения, нежели существующие или отсутствующие к нужному моменту предпосылки демократии⁴³. Взаимодействие конкурирующих элит, а также сознательный выбор в процессе политического торга траектории развития является главной причиной режимных изменений.

В случае КНР во второй половине 1980-х годов существовало две политические силы внутри правящей элиты с противоположными взглядами на режимные изменения в Китае: 1) генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзяян и его сторонники, выступающие за либерализацию режима и дальнейшее построение демократии; 2) Дэн

Сяопин, который никогда не занимал пост руководителя страны, будучи фактическим руководителем Китая; а также его сторонники, видевшие в политической модернизации угрозу существованию и легитимности КПК и КНР⁴⁴. У каждой из политических группировок была своя логика.

Чжао Цзяян полагал, что переход к рыночной экономике без демократизации режима привел к коммерциализации власти и социальному расслоению⁴⁵. Кроме того, именно в парламентской системе он видел возможность для Китая справиться с вопросом о «ненормальных условиях для рыночной экономики Китая», среди которых выделял: 1) нездоровый рынок; 2) коммерциализацию политической власти; 3) высокий уровень коррупции; 4) разрыв между богатыми и бедными. Еще одним условием успешного функционирования рыночной экономики является верховенство права и независимый суд, которые можно установить только в демократических обществах. Пример успешной демократизации он видел на опыте Тайваня и Южной Кореи, однако считал, что необходимо сохранить неизменным официальное положение КПК для стабилизации системы и последовательных изменений тех методов, которыми партия управляет Китаем, что в конечном результате приведет к политическим реформам, подотчетности партии со стороны общества, а также установлению парламентской демократической системы⁴⁶.

Правящая элита начинает процесс демократизации только в том случае, когда у нее есть потенциальные гарантии сохранения своей власти и отсутствия каких-либо преследований в будущем. Скорость демократизации, по мнению Чжао Цзяяна, напрямую зависит от общественного развития, запросов и ожиданий со стороны этого общества, а также внутренней демократиза-

⁴¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с. [Huntington, S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* (Third Wave. Democratization at the End of the 20th Century) / Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2003. 368 p.]

⁴² O'Donnell, Guillermo; Schmitter, Philippe C. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1986. 99 p.

⁴³ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. [Mel'vil', A.YU. *Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticheskim tranzitam* (The Experience of Theoretical and Methodological Synthesis of Structural and Procedural Approaches to Democratic Transit) // *Polis. Politicheskije issledovaniya*, 1998, No. 2.]

⁴⁴ Галенович Ю.М. Чжао Цзяян и реформы в Китае. М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. 752 с. [Galenovich, Yu.M. *Chzhao TSzyyan i reformy v Kitaye* (Zhao Ziyang and Reforms in China). Moscow: «SPSL»; «Russkaya panorama», 2012. 752 p.]

⁴⁵ Ibid. С. 607.

⁴⁶ Ibid. С. 608-616.

ции КПК, без которой какое-либо движение вперед было бы невозможным. События на Тяньаньмэнь показали, что, несмотря на введение чрезвычайного положения, люди стали собираться на площади, требуя борьбы с коррупцией, свободы прессы, продолжении политических реформ в сторону демократизации⁴⁷. Это свидетельствовало о том, что спустя 10 лет реформ произошли изменения, упомянутые ранее Чжао Цзяном, в социальной и культурно-ценностной основе китайского общества, которые должны были ускорить демократизацию.

Консервативные силы в КПК видели в протестах угрозу своему существованию, а реформаторские силы, напротив, – возможность для движения вперед. Чжао Цзян выступал за диалог со студентами, за свободное выражение людьми в ходе этого диалога своих мнений, против применения насилия по отношению к студентам.

Дэн Сяопин не был согласен с переходом на практике к реформам в сфере политической жизни. Перед Дэн Сяопином и консервативными силами, на которые он опирался, возникло два препятствия: 1) позиция генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна; 2) демонстрации интеллектуалов и молодежи, главным образом, на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Первое препятствие было преодолено с помощью внутривнутрипартийных интриг, приведших к отстранению Чжао Цзяна от власти и с поста генерального секретаря ЦК КПК, второе – с помощью танков. Очевидно, что траектории режимных изменений в КНР можно рассмотреть через призму акторного подхода.

Но с другой стороны, «угроза положению у власти Дэн Сяопина и его приверженцев среди старейшин партии и значительной части ее номенклатуры»⁴⁸ может являться не

единственным фактором отказа от демократизации. Действия любого политического актора имеют свою собственную рациональность, которая определяется наличием какой-либо информации относительно возможных последствий их действий.

В данном случае под информацией можно понимать совокупность социокультурных факторов в китайском обществе, дающих представление о возможности или невозможности качественного перехода к демократии, а также «фреймов» (когнитивные искажения) в рамках теории проспекта Д. Каменана и А. Тверски. Так в восточных политических системах особенности политической культуры коррелируют со спецификой политического режима и системы. Более того, режимные изменения без продуманной трансформации социально-экономических структур могут привести или к воспроизводству старой системы, или к абсолютно непредсказуемым результатам. Существует вероятность, что воспроизводство старой системы в новой социально-экономической реальности может как затормозить модернизацию, так и поспособствовать архаизации институтов, усиливающих отставание страны во многих сферах⁴⁹. Следовательно, можно только постфактум операционализировать некоторые социально-экономические условия, которые сделали возможным для Дэн Сяопина и его сторонников сохранение старого политического режима. Среди них можно выделить: 1) уровень индустриализации и урбанизации; 2) государственное единство.

Начнем с индекса властных ресурсов (ИВР) Тату Ванханена, одной из составляющих которого является уровень индустриализации

⁴⁷ Информация взята из: Global Nonviolent Action Database, 05.03.2016. Mode of access: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/chinese-students-campaign-democratic-reform-tiananmen-square-1989>

⁴⁸ Галенович Ю.М. Чжао Цзян и реформы в Китае. М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. 752 с. [Galénovich, Yu.M. Chzhao TSzyuan i reformy v Kitaye (Zhao Ziyang and Reforms in China). Moscow: «SPSL»; «Russkaya panorama», 2012. 752 p.]

⁴⁹ Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Демократия в российском зеркале: монография / редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 289-343. [Voskressenski, A.D. Obshchiye zakonovernosti, regional'naya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoy demokratii (General Laws, Regional Specifics and the Concept of non-Western Democracy) // Demokratiya v rossiyskom zerkale: monografiya / Ed., by A.M. Migranyan, A. Przeworski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. Pp. 289-343.]

лизации и урбанизации, коррелирующий с уровнем городского населения и их доступом к экономическим ресурсам. Смысл заключается в следующем: высокий уровень городского населения способствует диверсификации экономической деятельности и вовлечению большего числа населения в перераспределение экономических ресурсов. В случае Китая индекс профессиональной диверсификации ранжировался с отметки 25% в 1978 г. до 30% в 1989 г., примерно соответствуя малой доли городского населения 17,9% в 1978 г. и 25% в 1989 году, что является низким показателем, препятствующему демократии. Напротив, равномерное распределение ресурсов среди различных групп населения способствует демократизации, а также ее последующей консолидации, так как ни одна отдельная группа не будет в состоянии обеспечить свою гегемонию⁵⁰.

Другим фактором или условием демократии является так называемое национальное (государственное) единство – это такое состояние общества, когда еще до перехода к демократии все его члены чувствуют принадлежность к единой политической общности⁵¹. Конфликтность внутри общества будет минимизирована при культурной однородности его членов, формирующих вместе государство-нацию. Разрешить потенциальные конфликты внутри общества впоследствии должны механизмы демократии. Еще Сунь Ятсен в своем учении считал формирование политической китайской нации одной из важнейших задач, так как в Китае вплоть до наших дней сохранились очаги сепаратизма в Тибете, Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также в каком-то смысле и на Тайване.

Даже при условии доминирования конфуцианской традиции, призванной объединить нацию, самоидентификация современ-

ных китайцев представляет собой набор нескольких «психологических пластов»⁵². Например, являясь представителем этнического большинства хань, человек может ассоциировать себя с определенной провинцией и характерной для нее культурой, что справедливо в случае Тайваня, где в настоящее время идет усиленный процесс «тайванизации» общества и где около 60% населения считают себя тайваньцами⁵³. Более того, проблема «двух Китаев» или проблема различного видения на Севере и Юге траекторий развития страны проходит через всю китайскую историю.

По индексу социальной неоднородности, который включает в себя показатели неравенства темпов роста регионов и социально-экономическое неравенство между этническими и религиозными группами населения, показатель Китая составляет 0,88⁵⁴, что свидетельствует о сильной религиозной и социально-экономической фрагментации китайского общества. Такая фраг-

⁵² Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 494-529. [Korsun, V.A. Poiski i nakhodki v reshenii problem etnicheskogo separatizma Kitaya (Searches and Finds in Solving the Problems of Ethnic Separatism in China) // Etnosy i konfessii na Vostoke: konflikty i vzaimodeystviye (Ethnic Groups and Faiths in the East: Conflicts and Interaction). Moscow: MGIMO-Universitet, 2005. Pp. 494-529.]

⁵³ Taiwanese / Chinese Identification Trend Distribution in Taiwan (1992/06-2015/12) / Election Study Center National Chengchi University. Mode of access: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>

⁵⁴ Харитонов О.Г. Траектории режимных изменений и пределы демократизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 158-212. [Kharitonova, O.G. Trayektorii rezhimnykh izmeneniy i predely demokratizatsii (The Trajectories of Regime Changes and the Limits of Democratization) // Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 158-212.]

⁵⁰ Vanhanen, T. Prospects of Democracy. A Study of 172 Countries. L.; N. Y.: Routledge, 1997. 392 p.

⁵¹ Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5-15. [Rastou, D.A. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoy modeli (Transitions to Democracy: an Attempt at a Dynamic Model) // Polis. Politicheskiye issledovaniya, 1996, No. 5, pp. 5-15.]

ментация нарушает национальное единство и создает большие риски для установления демократии, которая может привести к волне конфликтов, которые до этого были заморожены авторитарным режимом⁵⁵.

Несмотря на тот факт, что у данного утверждения есть и другая сторона медали (фрагментация способствует компромиссам и строительству государства-нации)⁵⁶, демократизация в таком обществе может создать сильные риски для государственной целостности. Возможно, именно этим можно объяснить действия консервативного крыла КПК во главе с Дэн Сяопином.

Стоит отметить, что не произошла и «консервация» режима. На сегодняшний день в политической системе КНР проводятся эксперименты с внутрипартийной демократией и прямыми выборами на низовом и административном уровнях. Принцип конкурентности применительно к локальным выборам имеет ряд ограничений: 1) кандидаты от оппозиции не допускаются, однако некоторые выдвигаются коллективами жителей или в качестве независимых кандидатов; 2) есть ряд ограничений на предвыборные компании и телевизионные дебаты.

Кроме того, наблюдается корреляция между уровнем экономического благосостояния региона и применением низовой демократии: чем сложнее социально-экономическая ситуация на местах, тем выше вероятность соблюдения принципов открытости и конкурентности на выборах для общего снижения напряженности среди населения.

Почему так важен эксперимент с низовой демократией для Китая, несмотря на то, что он имеет явные недостатки и охватывает практически только сельскую местность? Важность заключается в том, что именно в сельской местности проживает 45,6% населения всего Китая или около 622 миллионов

человек⁵⁷. Более того, в урбанизирующемся Китае большое число городских жителей сохраняет тесную связь с деревней, так как не прошло и целого поколения, когда большая часть из них стала горожанами.

Известно, что для консолидации демократии необходима широкая база политически-грамотных граждан, считающих демократию и демократические институты единственным инструментом ротации политических элит и функционирования общества. Распространение демократических ценностей даже в таком ограниченном виде на местах в долгосрочной перспективе окажет существенное влияние на трансформацию политических взглядов сельских жителей, которые априори считаются носителями традиционных ценностей⁵⁸. Учитывая стремительную урбанизацию Китая, именно сельские жители со сформировавшимися ценностями демократии, переселяющиеся в новые города, смогут стать одной из главных сил требующей демократизации. Кроме того, в небольших сообществах люди обладают большей информацией о лидерах, которых они выбирают, и локальность таких выборов позволяет сформировать чувство общности⁵⁹ и избежать серьезных политических ошибок.

Также стоит отметить, что уже сейчас политические партии КНР, формально признающие роль КПК, задаются вопросом: почему только коммунисты «монополюсно видят единственно верное направление развитие Китая, ... определяют будущее страны?»⁶⁰. Кроме того, одной из проблем для КПК являлась угроза установления единоличной

⁵⁵ Fish, S.; Brooks, R.S. Does Diversity Hurt Democracy? // *Journal of Democracy*, 2012, Vol. 15, No. 1, pp. 154-166.

⁵⁶ Stepan, A.; Linz, J.; Yadav, Y. *Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies*. The John Hopkins University Press, 2010. 336 p.

⁵⁷ China. World Development Indicators (WDI 2014), 18.04.2016. Mode of access: <http://data.worldbank.org/country/china>

⁵⁸ Babones Salvatore. Country Lessons: a Rural Incubator for China's Political Reform? // *Foreign Affairs*, October 14, 2015. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-10-14/country-lessons>

⁵⁹ Bell, Daniel A. Chinese Democracy Isn't Inevitable. Can a Political System Be Democratically Legitimate without Being Democratic? // *The Atlantic*. May 29, 2015. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/05/chinese-democracy-isnt-inevitable/394325/>

⁶⁰ Ibid. С. 29.

диктатуры с присущими ей субъективизмом и волюнтаризмом, являющимися угрозой для такой огромной модернизирующейся страны как Китай. Так во времена правления Мао была нарушена меритократическая традиция продвижения кадров, которая была заменена на личную лояльность и приверженность маоизму, что в итоге привело к неэффективности государства и бессмысленной жестокости. Кроме того, согласно теории модернизации по Хантингтону, модернизация приводит не к демократии, а к институционализации существующих политических практик в обществе.

Таким образом, руководство КПК, опираясь на предшествующий культурный и исторический опыт, формализовало режимные особенности ротации политических элит, сложившиеся за годы реформ, сделав ротацию относительно предсказуемой для стабильной передачи власти от одного поколения руководителей к другому. Внутрипартийная демократия и процедура смены власти еще не являются консолидированными элементами режима, так как в однопартийных режимах и демократиях с «прилагательным» (демократия с китайской спецификой) всегда существует риск отказа и отката от таких механизмов, что, соответственно, и произошло после XIX съезда КПК в октябре 2017 года. Однако путь к демократии варьируется от одной нации к другой, и возможно путь Китая лежит через эксперимент с внутрипартийной демократией, которая уже в первые два десятилетия 21 века попыталась создать систему «сдержек и противовесов» внутри самой крупной в мире политической партии. Более того, опыт использования такого механизма и института повышает конкуренцию внутри элиты, способствует формированию различных коалиций внутри партии, а также делает режим и систему более динамичными⁶¹.

На сегодняшний день КНР находится на завершающей стадии перехода к авторитарному режиму в связи с решениями XIX съезда КПК⁶², одобренными ВСНП

изменениями к Конституции, связанных с концентрацией власти вокруг Си Цзиньпина, осознанием новых социально-экономических вызовов⁶³, а также изменением «китайского фактора» в международных отношениях, то есть осознания растущей мощи Китая в мире. Отмечается, что впервые были сделаны отступления от принятого ранее механизма ротации политических элит, не было обозначено новое поколение руководителей КНР⁶⁴.

* * *

На сегодняшний день мирное объединение Китайской Республики на острове Тайвань и Китайской Народной Республики в текущем институциональном дизайне последней невозможно. Несмотря на институциональные различия режимов в Китайской Республике и Китайской Народной Республике, политическая культура населения, оказавшаяся под историческим влиянием конфуцианства, по обе стороны пролива оказалось практически идентичной. Следовательно, принадлежность к конфуцианской парадигме не привела ни к демократии, ни к авторитаризму, а только скорректировала

годной научной конференции Центра политический исследований и прогнозов ИДВ РАН, 2017. С. 70-79. [Vinogradov, A.V. Novyy avtoritarizm v Kitaye (New Authoritarianism in China) // Sotsial'no-politicheskaya situatsiya nakanune XIX s'yezda KPK. (Socio-political Situation on the Eve of the 19th CPC Congress) Materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskoy issledovaniy i prognozov IDV RAN, 2017. Pp. 70-79.]

⁶³ Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 68-80. [Vinogradov, A.V. XIX s'yezd KPK: velikiy pokhod k vozrozhdeniyu (IX Congress of the CPC: the Great Campaign for Revival) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2018, No. 1, pp. 68-80.]

⁶⁴ 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае (материалы круглого стола) // Сравнительная политика. 2018. № 2. [19 s'yezd KPK: vneshniye i vnutrenniye posledstviya i perspektivy reform v Kitaye (materialy kruglogo stola) (19th Congress of the CPC: External and Internal Consequences and Prospects of Reforms in China (materials of the roundtable)) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2.]

⁶¹ Ibid.

⁶² Виноградов А.В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК. Материалы еже-

процесс институционализации политической власти.

Для воссоединения Китайской Республики и Китайской Народной Республики материковому Китаю необходимо измениться. Если КНР станет демократией и предложит тайваньской политической элите приемлемые правила игры, которые гарантировали бы их власть и независимость, то есть вероятность воссоединения.

Так развитие демократических принципов внутри КПК в долгосрочной перспективе может оказать положительную роль на политическую модернизацию и создать почву для начала благоприятного сотрудничества между островом и материком. Ключевым вопросом для Китая является формирование национального единства или политической нации, в которой региональные идентичности, сохраняя свою самобытность, чувствовали бы принадлежность к одному государству. Наиболее подходящей моделью для Китая является создание государства-нации⁶⁵, а не нации-государства, где в рамках одного государства будут сосуществовать множественные и взаимодополняющие друг друга идентичности. Такое государство может существовать в форме асимметричной федерации, в которой были бы внедрены практики консоциативной демократии и допускался более чем один государственный язык для удовлетворения региональных особенностей некоторых субъектов страны⁶⁶. Возможно, именно в такой модели государства, но с поправкой на соответствующую национальную специфику, Китайская Республика на Тайване может воссоединиться с материковым Китаем.

⁶⁵ Stepan, A.; Linz, J.; Yadav, Y. *Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies*. The John Hopkins University Press, 2010. 336 p.

⁶⁶ Ibid.

Литература:

19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае (материалы круглого стола) // Сравнительная политика. 2018. № 2.

Алмонд, Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 500 с.

Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. 234 с.

Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 68-80.

Виноградов А.В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, 2017. С. 70-79.

Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Демократия в российском зеркале: монография / редакторы-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 289-343.

Воскресенский А.Д. Политические институты материкового и островного Китая // Сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: «Аспект Пресс», 2015. С. 625-653.

Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: Проблемы и преимущества «китайской модели» // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 27-53.

Воскресенский А.Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» // Сравнительная политика. 2014. № 1. С. 120-138.

Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000. 360 с.

Галенович Ю.М. Чжао Цзьян и реформы в Китае. М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. 752 с.

Гаман-Голутвина О.В. Элитное образование и внутренние расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 106-158.

Ишутина Ю.А., Поповичева Ю.Н. Эволюция официального национализма на Тайване // «Россия и АТР». 2007. № 3. С. 110-117.

Корсун В.А. Идентичность «с китайской спецификой» // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68-79.

Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 494-529.

Корсун В.А. Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации // Элиты стран Востока / под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новаковой. М.: ИД «Ключ-С», 2011.

Мельвилл А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. 1998. № 2.

Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Сталсервис, 2009. 706 с.

Переломов Л.С. Конфуций: Лунь юй. М.: Восточная литература, 2001. 588 с.

Пшевворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3.

Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5-15.

Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 65-75.

Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: «Фазис», 1999. 146 с.

Смирнов Д.А. Особенности эволюции института главы государства в материковом Китае и на Тайване // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, Ч. 1. Институт востоковедения РАН. Москва, 2017. С. 490-498.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Главная редакция восточной литературы, издательство «Наука», 1985. 759 с.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.

Харитоновна О.Г. Траектории режимных изменений и пределы демократизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной и И.Ю. Окунева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 158-212.

Allen, T. Cheng. The United States of China: How Business Is Moving Taipei and Beijing together // AsiaWeek, July 6, 2001. Mode of access: <http://qps.ru/9LTwtw>

Bahro, Horst. Duverger's Concept: Semi-presidential Government Revisited // European Journal of Political Research, 1998, No. 34, pp. 201-224.

Bell, Daniel A. Chinese Democracy Isn't Inevitable. Can a Political System Be Democratically Legitimate without Being Democratic? // The Atlantic, May 29, 2015. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/05/chinese-democracy-isnt-inevitable/394325/>

Cheng, Li. Intra-Party Democracy in China: Should We Take It Seriously? / The Brookings Institution, Fall, 2009. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/papers/2009/11/fall-china-democracy-li>

Diamond, Larry. How Democratic Is Taiwan? Five Key Challenges for Democratic Development and Consolidation / Paper for the Symposium on "The Transition from One-Party Rule: Taiwan's New Government and Cross-Straits Relations", Columbia University, April 6-7, 2001. 20 p.

Doh, Chull Shin. Confucianism and Democratization in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 376 p.

Election Types. Taiwan Central Election Commission, 18.04.2016. Mode of access: <http://engweb.cec.gov.tw/files/11-1030-3859.php>

Elgie, Robert. Semi-Presidentialism: Concepts, Consequences and Contesting Explanations // Political Studies Review, 2004, Vol. 2, pp. 314-330.

Fish, S.; Brooks, R.S. Does Diversity Hurt Democracy? // Journal of Democracy, 2012, Vol. 15, No. 1, pp. 154-166.

Fukuyama, F. Confucianism and Democracy // Journal of Democracy, 1995, Vol. 6, No. 2, pp. 22-33.

Gilley, Bruce. China's Democratic Future: How It Will Happen and Where It Will Lead Bruce Gilley. New York, Columbia University Press, 2004. 320 p.

Göbel, Christian. Towards a Consolidated Democracy? Informal and Formal Institutions in Taiwan's Political Process / Paper prepared for the Conference Group on Taiwan Studies at the APSA Meeting 2001. San Francisco, August 30th – September 2nd 24 p.

Halbeisen, Hermann. Taiwan's Domestic Politics since the Presidential Elections 2000 // Duisburg Working Papers on East Asian Studies, 2003, No. 53, 22 p.

Hung-Mao, Tien. Taiwan's Electoral Politics and Democratic Transition: Riding the Third Wave. An East Gate Book, 1996. 272 p.

Huntington, S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2007. 368 p.

Huntington, Samuel P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 263 p.

Inglehart, Ronald; Baker, Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, 2000, Vol. 65, No. 1, Looking Forward, Looking Back: Continuity and Change at the Turn of the Millennium, pp. 19-51.

Laakso, M.; Taagepera, R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies, 1979, No. 1, pp. 3-27.

Levy, Richard. Village Elections in China – Democracy or Façade? / New Politics, Electoral Politics, Winter 2010, Vol. XII-4, No. 48. Mode of access: <http://newpol.org/content/village-elections-china-democracy-or-fa%C3%A7ade>

Lijphart, Arend. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999. 351 p.

Link, Perry. What It Means to be Chinese: Nationalism and Identity in Xi's China // Foreign Affairs, 2015, Vol. 94, No. 3, pp. 25-31.

Linz, J.; Stepan, A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.

Linz, Juan J.; Stepan, Alfred C. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy, 1996, Vol. 7, No. 2, pp. 14-33.

Magaloni, B.; Kricheli, R. Political Order and One-Party Rule // Annual Review of Political Science, 2010, No. 13, pp. 123-143.

Meseznikov, G. Democratization and Civil Society Development in Taiwan: Some Lessons for Central Europe. Institute for Public Affairs, Bratislava. Pp. 29-53.

O'Donnell, Guillermo; Schmitter, Philippe C. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1986. 99 p.

Ondrej, Kucera. Is Taiwan a Presidential System? // China Perspectives, 2006, No. 66 – July-August, 14 p.

Quermonne, J.L. Les regimes Politiques Occidentaux. Paris: Ed. Du Seuil, 1986. 337 p.

Rigger, Shalley. Democratic Transition and Consolidation in Taiwan // Future in the Asian Century: Toward a Strong, Prosperous and Enduring Democracy Conference. American Enterprise Institute, Washington, DC. November 10, 2011. 17 p.

Salvatore, Babones. Country Lessons: a Rural Incubator for China's Political Reform? // *Foreign Affairs*, October 14, 2015. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-10-14/country-lessons>

Shugart, Matthew Soberg; Carey, John M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge University Press, 1992. 332 p.

Stepan, A.; Linz, J.; Yadav, Y. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. The John Hopkins University Press, 2010. 336 p.

Thompson, M.R. Totalitarian and Post-Totalitarian Regimes in Transition and Non-Transitions from Communism // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2002, No. 1, pp. 79-106.

Vanhanen, T. Prospects of Democracy. A Study of 172 Countries. L.; N. Y.: Routledge, 1997. 392 p.

Weingast, Barry R.; Qian, Yingyi; Montinola, Gabriella. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China // *World Politics*, 1995, Vol. 48, No.1, pp. 50-81.

Wu, Yu-Shan. Appointing the Prime Minister under Incongruence: Taiwan in Comparison with France and Russia // *Taiwan Journal of Democracy*, 2005, Vol. 1, No. 1, pp. 103-132.

References:

19 s"yezd KPK: vneshniye i vnutrenniye posledstviya i perspektivy reform v Kitaye (materialy kruglogo stola) (19th Congress of the CPC: External and Internal Consequences and Prospects of Reforms in China (materials of the roundtable)) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2.

Allen, T. Cheng. The United States of China: How Business Is Moving Taipei and Beijing together // *Asiaweek*, July 6, 2001. Mode of access: <http://aps.ru/9LTtw>

Almond, G.; Verba S. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh (Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries) / per. s angl. Ye. Gendelya. Moscow: Mysl', 2014. 500 p.

Bahro, Horst. Duverger's Concept: Semi-presidential Government Revisited // *European Journal of Political Research*, 1998, No. 34, pp. 201-224.

Bell, Daniel A. Chinese Democracy Isn't Inevitable. Can a Political System Be Democratically Legitimate without Being Democratic? // *The Atlantic*, May 29, 2015. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/05/chinese-democracy-isnt-inevitable/394325/>

Burov, V.G. Modernizatsiya tayvan'skogo obshchestva (Modernization of Taiwanese Society). Moscow, 1998. 234 p.

Cheng, Li. Intra-Party Democracy in China: Should We Take It Seriously? / The Brookings Institution, Fall, 2009. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/papers/2009/11/fall-china-democracy-li>

China. World Development Indicators (WDI 2014), 18.04.2016. Mode of access: <http://data.worldbank.org/country/china>

Cultural Map – World Values Survey Wave 6 (2010-2014) / WorldValuesSurvey. Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp>

Diamond, Larry. How Democratic Is Taiwan? Five Key Challenges for Democratic Development and Consolidation / Paper for the Symposium on "The Transition from One-Party Rule: Taiwan's New Government and

Cross-Straits Relations", Columbia University, April 6-7, 2001. 20 p.

Doh, Chull Shin. Confucianism and Democratization in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 376 p.

Election Types. Taiwan Central Election Commission, 18.04.2016. Mode of access: <http://engweb.cec.gov.tw/files/11-1030-3859.php>

Elgie, Robert. Semi-Presidentialism: Concepts, Consequences and Contesting Explanations // *Political Studies Review*, 2004, Vol. 2, pp. 314-330.

Fish, S.; Brooks, R.S. Does Diversity Hurt Democracy? // *Journal of Democracy*, 2012, Vol. 15, No. 1, pp. 154-166.

Fukuyama, F. Confucianism and Democracy // *Journal of Democracy*, 1995, Vol. 6, No. 2, pp. 22-33.

Galenovich, Yu.M. Chzhao TSzyyan i reformy v Kitaye (Zhao Ziyang and Reforms in China). Moscow: «SPSL»; «Russkaya panorama», 2012. 752 p.

Galenovich, Yu.M. TSzyan Chzhunchzhen, ili neizvestnyy Chan Kayshi (Jiang Zhongzheng, or the Unknown Chiang Kai-shek). Moscow: Muravey, 2000. 360 p.

Gaman-Goluvina, O.V. Elitobrazovaniye i vnutrenniye raskoly otositel'no kharaktera, napravleniy i skorosti modernizatsii (Elite Formation and Internal Schisms Regarding the Nature, Directions and Speed of Modernization) // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis)* / Ed. by I.M. Busygina. I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 106-158.

Gilley, Bruce. China's Democratic Future: How It Will Happen and Where It Will Lead Bruce Gilley. New York, Columbia University Press, 2004. 320 p.

Göbel, Christian. Towards a Consolidated Democracy? Informal and Formal Institutions in Taiwan's Political Process / Paper prepared for the Conference Group on Taiwan Studies at the APSA Meeting 2001. San Francisco, August 30th – September 2nd 24 p.

Halbeisen, Hermann. Taiwan's Domestic Politics since the Presidential Elections 2000 // *Duisburg Working Papers on East Asian Studies*, 2003, No. 53, 22 p.

Hung-Mao, Tien. Taiwan's Electoral Politics and Democratic Transition: Riding the Third Wave. An East Gate Book, 1996. 272 p.

Huntington, S. The Clash of Civilization and the Remarking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2007. 368 p.

Huntington, S. Tre't'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka (Third Wave. Democratization at the End of the 20th Century) / Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2003. 368 p.

Huntington, Samuel P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 263 p.

Inglehart, Ronald; Baker, Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*, 2000, Vol. 65, No. 1, Looking Forward, Looking Back: Continuity and Change at the Turn of the Millennium, pp. 19-51.

Ishutina, Yu.A.; Popovicheva, Yu.N. Evolyutsiya ofitsial'nogo natsionalizma na Tayvane (The Evolution of Official Nationalism in Taiwan) // «*Rossiya i ATR*», 2007, No. 3, pp. 110-117.

Kharitonova, O.G. Trayektorii rezhimnykh izmeneniy i predely demokratizatsii (The Trajectories of

Regime Changes and the Limits of Democratization) // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS: Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis)* / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 158-212.

Korsun, V.A. Identichnost' «s kitayskoy spetsifikoy» (Identity “with Chinese Characteristics”) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2008, No. 3, pp. 68-79.

Korsun, V.A. Poiski i nakhodki v reshenii problem etnicheskogo separatizma Kitaya (Searches and Finds in Solving the Problems of Ethnic Separatism in China) // *Etnosy i konfessii na Vostoke: konflikty i vzaimodeystviye (Ethnic Groups and Faiths in the East: Conflicts and Interaction)*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2005. Pp. 494-529.

Korsun, V.A. Pravyashchaya elita sovremennoy Kitaya: tendentsii modernizatsii i arkhazitsii (The Ruling Elite of Modern China: Trends of Modernization and Archaization) // *Elity stran Vostoka (Elites of the East)* / Ed. by A.Yu. Drugov, N.P. Maletin, O.V. Novakova. Moscow: ID «Klyuch-S», 2011.

Laakso, M.; Taagepera, R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // *Comparative Political Studies*, 1979, No. 1, pp. 3-27.

Levy, Richard. Village Elections in China – Democracy or Façade? // *New Politics, Electoral Politics*, Winter 2010, Vol. XII-4, No. 48. Mode of access: <http://newpol.org/content/village-elections-china-democracy-or-fa%C3%A7ade>

Lijphart, Arend. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999. 351 p.

Link, Perry. What It Means to be Chinese: Nationalism and Identity in Xi's China // *Foreign Affairs*, 2015, Vol. 94, No. 3, pp. 25-31.

Linz, J.; Stepan, A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.

Linz, Juan J.; Stepan, Alfred C. Toward Consolidated Democracies // *Journal of Democracy*, 1996, Vol. 7, No. 2, pp. 14-33.

Magaloni, B.; Kricheli, R. Political Order and One-Party Rule // *Annual Review of Political Science*, 2010, No. 13, pp. 123-143.

Mel'vil', A.Yu. Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticheskim tranzitam (The Experience of Theoretical and Methodological Synthesis of Structural and Procedural Approaches to Democratic Transit) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 1998, No. 2.

Meseznikov, G. Democratization and Civil Society Development in Taiwan: Some Lessons for Central Europe. Institute for Public Affairs, Bratislava. Pp. 29-53.

O'Donnell, Guillermo; Schmitter, Philippe C. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1986. 99 p.

Ondrej, Kucera. Is Taiwan a Presidential System? // *China Perspectives*, 2006, No. 66 – July-August, 14 p.

Perelomov, L.S. Konfutsianstvo i sovremennyy strategicheskyy kurs KNR (Confucianism and the Modern Strategic Course of the PRC). Moscow: LKI, 2007. 256 p.

Perelomov, L.S. Konfutsiy i konfutsianstvo s drevnosti po nastoyashcheye vremya (V v. do n.e. – XXI v.) (Confucius

and Confucianism from Antiquity to the Present (V Century BC – XXI Century)). Moscow: Stil'servis, 2009. 706 p.

Perelomov, L.S. Konfutsiy: Lun' yuy (Confucius: Lun Yu). Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 588 p.

Pshhevorsky, A. Perekhody k demokracji (Transitions to Democracy) // *Put'*, 1993, No. 3.

Quermonne, J.L. Les regimes Politiques Occidentaux. Paris: Ed. Du Seuil, 1986. 337 p.

Rigger, Shalley. Democratic Transition and Consolidation in Taiwan // *Future in the Asian Century: Toward a Strong, Prosperous and Enduring Democracy Conference*. American Enterprise Institute, Washington, DC. November 10, 2011. 17 p.

Rostov, D.A. Perekhody k demokracji: popytka dinamicheskoy modeli (Transitions to Democracy: an Attempt at a Dynamic Model) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 1996, No. 5, pp. 5-15.

Salvatore, Babones. Country Lessons: a Rural Incubator for China's Political Reform? // *Foreign Affairs*, October 14, 2015. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-10-14/country-lessons>

Sartori, Dzh. Iskazheniye kontseptov v sravnitel'noy politologii (The Distortion of Concepts in Comparative Political Science) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2003, No. 5, pp. 65-75.

Sergeev, V.M. Demokraciya kak peregovornyy protsess (Democracy as a Negotiation Process). Moscow: «Fazis», 1999. 146 p.

Shugart, Matthew Soberg; Carey, John M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge University Press, 1992. 332 p.

Smirnov, D.A. Osobennosti evolyutsii instituta glavyy gosudarstva v materikovom Kitaye i na Tayvane (Features of the Evolution of the Institution of the Head of State in Mainland China and Taiwan) // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye (Society and State in China)*. Vol. XLVII, Ch. 1. Institut vostokovedeniya RAN. Moscow, 2017. Pp. 490-498.

Stepan, A.; Linz, J.; Yadav, Y. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. The John Hopkins University Press, 2010. 336 p.

Sun', Yatsen. Izbrannyye proizvedeniya (Sun Yat-sen. Selected Works). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, izdatel'stvo «Nauka», 1985. 759 p.

Thompson, M.R. Totalitarian and Post-Totalitarian Regimes in Transition and Non-Transitions from Communism // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2002, No. 1, pp. 79-106.

Vanhanen, T. Prospects of Democracy. A Study of 172 Countries. L.; N. Y.: Routledge, 1997. 392 p.

Vinogradov, A.V. Novyy avtoritarizm v Kitaye (New Authoritarianism in China) // *Sotsial'no-politicheskaya situatsiya nakanune XIX s'yezda KPK. (Socio-political Situation on the Eve of the 19th CPC Congress) Materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskoy issledovaniy i prognozov IDV RAN*, 2017. Pp. 70-79.

Vinogradov, A.V. XIX s'yezd KPK: velikiy pokhod k vozrozhdeniyu (IX Congress of the CPC: the Great Campaign for Revival) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2018, No. 1, pp. 68-80.

Voskressenski, A.D. Evolyutsiya politicheskoy sistemy i politicheskaya modernizatsiya KNR: Problemy i preimushchestva «kitayskoy modeli» (The Evolution of the Political System and Political Modernization of the PRC: Problems and Advantages of the “Chinese Model”) // *Modernizatsiya i demokratizatsiya v stranakh BRIKS:*

Sravnitel'nyy analiz (Modernization and Democratization in the BRICS Countries: A Comparative Analysis) / Ed. by I.M. Busygina, I.Yu. Okunev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. Pp. 27-53.

Voskressenski, A.D. Evolyutsiya politicheskoy sistemy i politicheskaya modernizatsiya KNR: problemy i preimushchestva «kitayskoy modeli» (The Evolution of the Political System and Political Modernization of the PRC: Problems and Advantages of the “Chinese Model”) // *Comparative Politics Russia*, 2014, No. 1, pp. 120-138.

Voskressenski, A.D. Obshchiye zakonomernosti, regional'naya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoy demokratii (General Laws, Regional Specifics and the Concept of non-Western Democracy) // *Demokratiya v rossiyskom zerkale: monografiya* / Ed., by A.M. Migranyan,

A. Przeworski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. Pp. 289-343.

Voskressenski, A.D. Politicheskiye instituty materikovogo i ostrovnogo Kitaya (Political Institutions of Mainland and Island China) // *Sravnitel'naya politologiya* (Comparative Political Science) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: «Aspekt Press», 2015. Pp. 625-653.

Weingast, Barry R.; Qian, Yingyi; Montinola, Gabriella. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China // *World Politics*, 1995, Vol. 48, No.1, pp. 50-81.

Wu, Yu-Shan. Appointing the Prime Minister under Incongruence: Taiwan in Comparison with France and Russia // *Taiwan Journal of Democracy*, 2005, Vol. 1, No. 1, pp. 103-132.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10043

COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL REGIMES IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (PRC) AND REPUBLIC OF CHINA (ROC)

Arseny P. Boreev

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 05.02.2019</p> <p><i>Sent for editing:</i> 15.05.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 04.12.2019</p>	<p>Abstract: The article focuses on the comparative analysis of political regimes and regime change within the “third wave” of democratization in the People’s Republic of China (PRC) and the Republic of China (ROC, Taiwan). The study sheds some light on the failure of democratic transition in China’s after the Tiananmen Square protests. In the course of the study, the key features of non-Western political transformation across the Taiwan Strait were identified. As a result, it was found that Confucian political culture leads to neither democracy, nor authoritarian rule, it merely determines institutional design of the political regimes..</p>
<p>About the author: MA student “GR and International Lobbying”, MGI-MO-University e-mail: arseny.boreev@gmail.com</p>	
<p>Key words: comparative analysis; political regimes; China; PRC; Taiwan; cross-strait relations; democratization; democratic transition</p>	

Для цитирования: Бореєв А.П. Сравнительный анализ политических режимов КНР и Китайской Республики на острове Тайвань // *Сравнительная политика*. – 2019. №4 – С. 77-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10043

For citation: Boreev, Arseny P. Sravnitel'nyy analiz politicheskikh rezhimov KNR i Kitayskoy Respubliki na ostrove Tayvan' (Comparative Analysis of Political Regimes in People’s Republic of China (PRC) and Republic of China (ROC)) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 77-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10043

АСЕАН КАК «НОРМАТИВНАЯ СИЛА»: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ДИСКУССИИ

Ксения Александровна Ефремова

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i></p> <p style="text-align: right;">18 октября 2018</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">19 октября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">1 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Понятие «нормативной силы», авторство которого принадлежит Иану Мэннерсу, принято применять по отношению к Европейскому Союзу (ЕС). Оно описывает способность международного актора внедрять свои нормы и ценности в глобальный политический дискурс, распространять их среди других стран, формируя таким образом общепринятое понимание того, что является «нормой» в международных отношениях. Однако нельзя утверждать, что это понятие относится исключительно к ЕС. Автор данной статьи полагает, что Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) также является региональной группировкой, которая стремится распространить свои аутентичные нормы и ценности по всему миру, претендуя, таким образом, на то, чтобы считаться нарождающейся «нормативной силой». АСЕАН пропагандирует так называемые «азиатские ценности» (коллективизм, государственный патернализм, культурный релятивизм, невмешательство во внутренние дела друг друга и т.д.), добиваясь их принятия другими странами посредством межрегиональных договорённостей со своими внерегиональными партнёрами и другими международными организациями, а также через многосторонние форумы, где она играет центральную роль. Однако концепция «азиатских ценностей» нередко вызывает заслуженную критику, что ставит под вопрос саму возможность трансформации АСЕАН в «нормативную силу».</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения; научный сотрудник, Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: АСЕАН; азиатские ценности; нормативная сила; права человека</p>	

Попытки переноса западных по своему происхождению концепций на азиатскую интеллектуальную почву предпринимались неоднократно, однако обоснованность этих попыток зачастую вызывает дискуссии. В частности, это касается такого специфически европейского феномена как «нормативная сила», введённого в научный оборот датским исследователем Ианом Мэннерсом (*Ian J. Manners*) в начале 2000-х годов¹. Как правило, авторы, разрабатывающие эту тему, исходят из того, что Европейский Союз (ЕС) является единственной «нормативной силой» в современной мировой политике; тем не менее, встречается и противополож-

ная точка зрения, согласно которой допускается появление других «нормативных сил», основанных на альтернативных нормах и ценностях. Такую точку зрения, например, высказывает китайская исследовательница Хэ Цзяцзе, утверждающая на страницах влиятельного британского журнала «Интернешнл Стадиз Ревью»², что концепция «нормативной силы» может использоваться не только применительно к Европейскому

¹ Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

² Ежеквартальный рецензируемый журнал «Интернешнл Стадиз Ревью» (*International Studies Review*) издаётся британской Ассоциацией международных исследований с 1957 года и входит в первый квартал международной библиографической базы данных «Скопус» (*Scopus*) по направлению «Политическая наука и международные отношения».

Союзу, но и применительно к Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В данной статье мы постараемся показать, насколько понятие «нормативной силы» соответствует юговосточноазиатскому политическому дискурсу и как оно трансформируется под воздействием местной политической культуры.

Начнём с определения «нормативной силы» в трактовке, предложенной самим автором данного понятия – Ианом Мэннерсом. Согласно Мэннерсу, «нормативная сила» – это «сила идей и норм», противопоставленная традиционной военной мощи; иными словами, это *не сила принуждения, а сила убеждения*. «Нормативная сила» проявляется в способности государств и их объединений формировать международную повестку дня, распространяя выработанные ими ценности и основанные на них дипломатические практики по всему миру. Мэннерс выделяет три составляющих «нормативной силы», а именно: (1) принципы; (2) действия; и (3) результат.

Принципы, по Мэннерсу, должны быть, с одной стороны, *убедительными* (что апеллирует к рациональной составляющей процесса принятия решений), а, с другой стороны, *привлекательными* (что подключает иррациональную составляющую механизма осуществления выбора). Иными словами, принципы должны восприниматься в качестве легитимных требований, которые продвигаются последовательно и непротиворечиво. Только тогда они будут положительно восприняты мировым сообществом и найдут новых приверженцев, готовых добровольно следовать им. Легитимность принципов задаётся их соответствием международным конвенциям, договорам, соглашениям, резолюциям ООН и другим международно-правовым документам. Как сами принципы, так и инструменты их имплементации (т.е. соответствующие международные практики) должны быть обоснованными и недвусмысленными. Кроме того, эти принципы и инструменты должны применяться неизбежно, чтобы не возникало порочной практики «двойных стандартов».

Действия по продвижению этих принципов, как полагает Мэннерс, должны вклю-

чать убеждение, а также соответствующее положительное и отрицательное подкрепление (поощрение или порицание, включая публичное осуждение и символические санкции). Убеждение подразумевает использование конструктивного вовлечения, институционализацию отношений и стимулирование многостороннего диалога между самими носителями ценностей и их партнёрами, ведущее к распространению определённых норм и принципов. Результатом их распространения являются социализация, партнёрство и усвоение партнёрами соответствующих принципов. При этом социализация предполагает вовлечение контрагентов в дискуссии, в ходе которых рождается общее понимание, ведущее к установлению долгосрочного партнёрства, а партнёрство, в свою очередь, ведёт к институционализации отношений на основе соответствующих принципов, ценностей и норм. Иными словами, «нормативная сила» базируется на совокупности принципов, легитимность которых не вызывает сомнений у мирового сообщества, которые целенаправленно распространяются посредством институционализированных практик (например, через международные организации, региональные форумы и другие многосторонние объединения). Результатом деятельности по их распространению является увеличение числа их приверженцев по всему миру³.

Очевидно, что ЕС (на примере которого и была выработана концепция «нормативной силы») априори является источником общезначимых принципов и норм; но можно ли утверждать то же самое применительно к АСЕАН? Существуют исследования, подтверждающие такую точку зрения. В частности, уже упоминавшаяся выше Хэ Цзяцзе полагает, что АСЕАН следует рассматривать в качестве альтернативной «нормативной силы», продвигающей свой собственный набор принципов и норм, заметно отличающийся от того, что стоит на повестке дня Евросоюза. Как отмечает китайская исследовательница,

³ Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009. Pp. 2-3.

«нормативная сила ЕС рассматривается как инструмент “европеизации за пределами ЕС”, ... и она стремится оказывать влияние на внутреннюю политику своих контрагентов, чтобы изменить их по своему образу и подобию. В отличие от неё, нормативная сила АСЕАН описывается как процесс, в основе которого лежит диалог, в котором подчёркивается значимость обсуждения и переобсуждения»⁴. Таким образом, АСЕАН может рассматриваться как самостоятельная «нормативная сила», не вписывающаяся в рамки европейской традиции.

В этой аргументации есть определённая доля истины. Действительно, складывается впечатление, что на современном этапе АСЕАН имеет все шансы выступить в роли «нормативной силы», которая распространяет своё собственное видение «нормальности» в международных отношениях, основанное на системе аутентичных ценностей и норм. И если для Евросоюза ключевой доминантой являются принципы либеральной демократии, поскольку «демократии не воюют друг с другом», то для АСЕАН, очевидно, на первый план выходят совсем другие принципы, имеющие мало общего с либеральным мировоззрением.

Какие же принципы лежат в основе асеановской идентичности? На наш взгляд, это так называемые «азиатские ценности», жёстко раскритикованные на Западе ещё в конце прошлого века, но всё ещё популярные в Юго-Восточной Азии (что демонстрирует нам триумфальное возвращение во власть патриарха малайзийской политики Махатхира Мохамеда, являющегося убеждённым сторонником «азиатских ценностей» и особого азиатского пути развития). Имплементация этих ценностей осуществляется посредством особых дипломатических практик, получивших название «путь (или «метод») АСЕАН». В их основе лежат присутствующие всем странам Юго-Восточной Азии традиции поиска компромиссов и консенсуса, исключающие принятие решения путём голосования и подчинения тех, кто остался в меньшинстве, воле большинства. Диалог

в рамках АСЕАН строится на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга и безусловном уважении национального суверенитета стран-участниц Ассоциации.

В результате деятельности АСЕАН, в Тихоокеанской (и, шире, Индо-Тихоокеанской) Азии сформировалось особое региональное (или даже, корректнее будет сказать, трансрегиональное) сообщество, основанное на принципе «асеаноцентричности». Отношения стран в рамках этого сообщества регулируются на основе принципов, заложенных в «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (1976), принятый на первом саммите государств-членов Ассоциации. АСЕАН приложила немало усилий, чтобы социализировать своих партнёров по диалогу (США, ЕС и др.), убедив их присоединиться к этому договору.

Таким образом, можно констатировать, что АСЕАН как «нормативная сила» отвечает всем трём пунктам (принципы, действия и результат), обозначенным Мэннерсом. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Принципы: «азиатские ценности»

Начнём с основополагающего понятия «азиатские ценности», само существование которых нередко ставится под сомнение западными критиками. Что жетакое «азиатские ценности»? Это набор норм, догм и принципов, отличающих азиатское общество от европейского. В основе его лежит *элитизм*, т.е. принцип доминирования государства над обществом, в то время как на Западе ключевым принципом является *либерализм*, т.е. свобода индивида от власти общества и государства. Если сравнивать «азиатские ценности» с «европейскими ценностями», то сразу бросается в глаза их кардинальное несоответствие друг другу в самых элементарных позициях. В странах Юго-Восточной Азии патерналистское государство, сильное и стабильное, рассматривается как главный регулятор внутривнутриполитической жизни, который обеспечивает и защищает права своих граждан. На Западе же права человека воспринимаются как изначальная данность, которую требуется защищать от посягательств самого государства.

⁴ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why They Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, p. 92.

Юговосточноазиатское общество основано на принципе коллективизма (а не индивидуализма, как западное). Оно иерархично, в нём, в отличие от западного общества, права и обязанности распределены неравномерно: чем более высокую позицию занимает индивид, тем шире круг его полномочий и выше ответственность перед обществом. Государство в ЮВА нередко играет роль «нравственного арбитра», задающего и поддерживающего моральные и этические стандарты поведения своих граждан. Этим объясняется, в частности, более терпимое отношение юго-восточноазиатских обществ к цензуре и иным методам контроля государства над политической жизнью страны. Предполагается, что государственные органы действуют от имени и на благо всего народа, поддерживая общественный порядок (на Западе эта роль отводится саморегулирующемуся гражданскому обществу).

По мнению сингапурского исследователя Хун Чанью, концепция «азиатских ценностей» основывается на четырёх базовых постулатах. Во-первых, права человека не являются универсальными и не могут быть глобализованы, т.е. распространены на весь земной шар. В каждом регионе мира трактовка данного понятия имеет свою специфику. Так, в заключительной декларации Регионального совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека, состоявшегося в 1993 году в Бангкоке, прямо говорится о том, что права человека «должны рассматриваться в контексте динамичного и развивающегося процесса международного нормотворчества с учетом значимости национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных традиций», при этом «государства несут главную ответственность за поощрение и защиту прав человека с помощью соответствующей инфраструктуры и механизмов»⁵.

⁵ Заключительная декларация регионального совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека (Бангкок, 2 апреля 1993). Опубликовано на официальном сайте ООН. Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/CONF.157/PC/59> [Final Declaration of the Regional Meeting for Asia of the World

Во-вторых, азиатские общества сфокусированы не на индивиде, а на семье, причём нация уподобляется большой семье. Соответственно, с точки зрения сторонников концепции «азиатских ценностей», интересы семьи и нации являются приоритетными по отношению к интересам отдельных граждан. В случае возникновения противоречия между свободой индивида и безопасностью общества, оно разрешается в пользу всего коллектива, а не его отдельных членов. В-третьих, социальные и экономические права индивида котируются выше, чем его политические права: «общественный договор» в азиатских странах предполагает обеспечение государством социального и экономического благополучия своих граждан в обмен на их политическую лояльность. Ну и, наконец, в-четвёртых, право наций на самоопределение подразумевает строгое соблюдение международными акторами суверенитета азиатских государств, вмешательство в дела которых неприемлемо ни под каким предлогом, включая их внутреннюю политику в сфере прав человека⁶.

Поучительной в этом смысле является история бывшей мьянманской диссидентки, а ныне государственного советника Мьянмы До Аун Сан Су Чжи, получившей прекрасное оксфордское образование и большую часть своей жизни проведшей в Великобритании. В 1988 году она вернулась на родину, где сразу стала символом продемократического движения: по всему миру организовывались митинги в поддержку Су Чжи, бросившей вызов репрессивному военному режиму; ей присуждались многочисленные премии, включая Нобелевскую премию мира (1991). Но всё изменилось, когда на очередных парламентских выборах Су Чжи пришла к власти и начала проводить самостоятельную внешнюю политику (которая, на удивление, мало чем отличалась от по-

Conference on Human Rights (Bangkok, April 2, 1993). Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G93/125/95/PDF/G9312595.pdf>

⁶ Hoon, Chang Yau. Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2, p. 155.

литики предыдущего правительства, состоявшего из бывших военных). Убедившись, что она не станет послушной прозападной марионеткой, крупнейшие мировые СМИ начали активно демонизировать Су Чжи, разыгрывая национальную карту; её правительству были предъявлены обвинения в «этнических чистках» и «геноциде» непризнанной народности рохинджа⁷, у неё были отобраны ранее присуждённые ей почётные награды и звания. Однако она не изменила своим убеждениям и не стала подстраивать выбранный ею политический курс под требования мирового демократического сообщества.

Характерно, что страны АСЕАН, несмотря на внутреннюю разногласия и отдельные резкие заявления некоторых официальных и полуофициальных лиц, в целом встали на сторону Су Чжи, выразив понимание мьянманской позиции по ситуации в Ракхайне⁸. Мьянманский случай, на наш взгляд, исчерпывающе характеризует сущность идеологии, объединяющей страны АСЕАН (частью которой является и концепция «азиатских ценностей»): на национальном уровне проявлять «национальную стойкость», строя сильное государство, способное самостоятельно справиться с внутренними угрозами; на региональном уровне проявлять «региональную стойкость», сплотившись перед лицом внешней угрозы, даже если между самими асеановцами есть внутренние разногласия. Именно она лежит в основе формирования общей региональной идентичности, лучше всего описываемой асеановской формулой «единство в многообразии»⁹.

⁷ Несмотря на неоднократные заявления (в том числе официальных лиц) об «этнических чистках» и «геноциде», имевших место в Мьянме, убедительных доказательств причастности правительства До Аун Сан Су Чжи к какому-либо рода преступлениям против человечности так и не было представлено. Поэтому мы берём эти термины в кавычки, как оценочные суждения.

⁸ ASEAN Chairman's Statement on the Humanitarian Situation in Rakhine State, 24 September 2017. Режим доступа: <http://asean.org/storage/2017/09/1.ASEAN-Chairmans-Statement-on-the-Rakhine.pdf>

⁹ Подробнее см. Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональ-

В своих попытках обозначить и отстаивать собственную идентичность государства Юго-Восточной Азии отталкиваются от образа коллективного Запада как «другого», преподнося сформулированные ими «азиатские ценности» в качестве идейной противоположности западному либерализму. Очевидно, что концепция «азиатских ценностей», сформулированная интеллектуальной элитой АСЕАН, не только не отвечает традиционным для Европы представлениям о взаимоотношениях государства и общества, но и подрывает сами основы западной либеральной идеологии, предлагая альтернативный нормативный проект. Однако насколько он жизнеспособен? До какой степени «азиатские ценности» признаются другими странами? Насколько эффективны способы их продвижения? Для ответа на эти вопросы рассмотрим дипломатические инструменты и методы, с помощью которых АСЕАН распространяет свои ценности и принципы на региональном и макрорегиональном уровне.

Действия: «путь АСЕАН»

Дискуссия об «азиатских ценностях», как правило, концентрируется на проблеме применимости принципов и норм либеральной демократии к азиатским (или, шире, к незападным) обществам. В частности, в её фокусе находится вопрос о том, удалось ли АСЕАН сформулировать некий аутентичный набор ценностей, альтернативных западной либеральной традиции, или же никаких специфически «азиатских» ценностей не существует в принципе, а весь разговор о них – это лишь попытка нелиберальных (и, следовательно, недемократических) югово-точноазиатских режимов удержаться у власти на как можно более долгий срок. Иными словами, речь идёт о производстве ценностей и норм. Но для того, чтобы считаться

ной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. с. 39-53. [Ефремова, К.А. Gosudarstva Yugo-Vostochnoy Azii v poiskakh regional'noy identichnosti (Southeast Asian States in Search of Regional Identity) // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2018, No. 4, pp. 39-53.]

«нормативной силой», АСЕАН не достаточно произвести набор специфических норм и ценностей; ей также необходимо применить определённые политические инструменты для того, чтобы распространить свои ценности за пределами собственного региона и обеспечить их признание другими странами и международными организациями¹⁰.

Справедливым, на наш взгляд, представляется утверждение о том, что АСЕАН успешно создала не только соответствующий набор ценностей и норм, но и механизм их имплементации посредством многосторонних институтов регионального и межрегионального сотрудничества, что позволило ей привлечь на свою сторону как развивающиеся страны глобального Юга, так и некоторые великие державы. Более того, эти дипломатические инструменты поддерживают имидж АСЕАН как самостоятельного источника международных норм, противопоставленного Евросоюзу, и способствуют её потенциальному участию в процессах глобального управления.

Истоки этой «альтернативной нормальности» в международных отношениях, которая была подхвачена и отчасти «приватизирована» государствами Юго-Восточной Азии, следует искать в событиях весны 1954 года, когда в результате переговоров китайского премьера Чжоу Эньлая со своими коллегами Джавахарлалом Неру (Индия) и У Ну (Бирма) были сформулированы знаменитые «Пять принципов мирного сосуществования» («Панча шила»), которые легли в основу китайско-индийских и китайско-бирманских отношений. Эти принципы включали следующие пункты: (1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; (2) взаимное ненападение; (3) невмешательство во внутренние дела друг друга; (4) равенство и взаимная выгода; (5) мирное сосуществование¹¹. Сама

идея мирного сосуществования коммунистических и некоммунистических стран, высказанная авторами «Панча шила» на фоне нарастающих советско-американских противоречий, была дипломатическим проывом для того времени.

Нетрудно проследить влияние «Панча шила» в формулировке базовых принципов взаимодействия между странами АСЕАН, заложенных в «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», который был подписан на первом саммите Ассоциации, состоявшемся на острове Бали (Индонезия) в 1976 году. Эти принципы включали: (1) взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех стран; (2) право каждого государства на существование, свободное от внешнего вмешательства, подрывной деятельности или принуждения; (3) невмешательство во внутренние дела друг друга; (4) урегулирование разногласий и споров мирными средствами; (5) отказ от использования силы или угрозы силой; (6) эффективное сотрудничество друг с другом¹². Они составили ядро уникальной совокупности политических и дипломатических практик, основанных на неформальных консультациях и консенсусном принятии решений, известных под названием «путь АСЕАН» (*the ASEAN Way*).

Принятие решений «путём АСЕАН» предполагает поиски взаимных договорённостей в ходе уважительного и равноправного обсуждения. Если устраивающего все стороны решения найти не удалось, вопрос откладывается до очередного рассмотрения. Здесь нет места классическим европейским переговорным практикам, включающим голосование как инструмент принятия коллективных мер, основанных на воле большинства. Кроме того, в отличие от Евросоюза, который продвигает собственные ценности и принципы достаточно жёстким образом, настаивая на безусловном выполнении странами-партнёрами выдвинутых им требований, АСЕАН стремится социализиро-

¹⁰ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why They Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 94-95.

¹¹ *Panchsheel* (2004), New Delhi: External Publicity Division, Ministry of External Affairs, Government of India, p. 1. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/191_panchsheel.pdf (Accessed on 11.11.2019).

¹² Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Indonesia, 24 February 1976. Mode of access: <http://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976>

вать своё окружение гораздо более мягким способом, основанном на принципах инклюзивности и аккомодации.

Ещё одно различие между АСЕАН и ЕС состоит в их отношении к методам поддержания регионального мира и стабильности. Внешняя политика объединённой Европы опирается на теорию «демократического мира», которая утверждает, что демократии не воюют друг с другом. Чтобы обеспечить себе мирное окружение, Евросоюз активно продвигает демократические ценности, предлагая (а зачастую и навязывая) их близлежащим государствам. Европейская политика соседства, которая была принята в 2003 году и пересмотрена в 2011 году, «основана на ценностях демократии, верховенства закона и уважения прав человека»¹³. Тем интереснее отметить, что, в отличие от ЕС, АСЕАН никогда не настаивала на политической трансформации государств-кандидатов на вступление (как это было в случае с Брунеем, Вьетнамом, Лаосом, Мьянмой и Камбоджей). Однако будущим членам пришлось присоединиться к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», в котором зафиксированы основные принципы и нормы, провозглашаемые АСЕАН.

Будучи объединением малых и средних стран, АСЕАН не может (и не хочет) использовать инструменты принуждения, применяемые Евросоюзом в отношении ряда государств для того, чтобы изменить их политику в соответствии со своим собственным представлением о «нормальности» в международных отношениях (например, односторонние санкции). Наоборот, АСЕАН принципиально не вмешивается во внутренние дела стран-участниц или государств-партнёров по диалогу, поддерживая культуру взаимного уважения, консультаций и компромиссов. Эта культура международного общения направлена на то, чтобы социализировать другие страны, побуждая их привести свою внешнюю политику в соответствие с принципами, на которых основан «путь АСЕАН» – в частности, присоеди-

ниться к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (1976).

Характерно, что партнёры АСЕАН по диалогу довольно неохотно выполняли это требование: так, Китай и Индия подписали договор в 2003, Россия, Япония и Южная Корея – в 2004, Австралия и Новая Зеландия – в 2005, США – в 2009, Канада – в 2010, а Евросоюз – только в 2012 году. Однако, несмотря на очевидное нежелание принимать асеановские «правила игры», государства-партнёры Ассоциации, тем не менее, были вынуждены согласиться с тем, что созданный АСЕАН региональный порядок, основанный на принципе «асеаноцентричности», выгоден не только странам Юго-Восточной Азии, но и внерегиональным державам.

Результат: «асеаноцентричность»

Различия в политических стратегиях АСЕАН и ЕС объясняются различной природой этих двух международных организаций. Как отмечает Хэ Цзяцзе, они используют разные инструменты для распространения своих норм и обеспечения их признания другими странами. Евросоюз, будучи «коллективной великой державой», выступает в качестве «гегмона, для которого характерно социализировать объекты приложения своей “нормативной силы”, устанавливая определённые условия» (например, соблюдение демократических норм, прав человека и т.д.), в то время как «нормативная роль АСЕАН более стимулирующая и инклюзивная» за счёт того, что эта региональная группировка образована «относительно слабыми развивающимися государствами»¹⁴. В отличие от ЕС, в институциональных практиках АСЕАН отсутствует элемент принуждения, который бы позволял ей напрямую влиять на внутреннюю политику государств-членов и контрагентов. Напротив, политический инструментарий, применяемый АСЕАН для продвижения своих норм вовне, содержит «кумулятивный диалог и общественные (пере)обсуждения, предполагающие приспособление договаривающихся сторон друг

¹³ European Neighbourhood Policy, 06.12.2016. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/overview_en

¹⁴ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.

к другу»¹⁵. Отсюда следует, что асеановский регионализм (и межрегионализм) является не «интрузивным», а «инклюзивным» (терминология Хэ Цзяцзе). Это означает, что АСЕАН принципиально не вмешивается во внутренние дела своих членов и партнёров по диалогу.

Диалоговые партнёрства АСЕАН можно разделить на две большие категории: (1) сотрудничество с внерегиональными державами – Китаем, Индией, Японией, Австралией, США, Россией и др.; и (2) сотрудничество с региональными организациями и группировками, состоящими из европейских, латиноамериканских, азиатских и африканских стран. Партнёрства первого типа можно назвать «субъектно-объектными», а партнёрства второго типа – «субъектно-субъектными». Первые являются асимметричными в силу несопоставимого международно-политического веса стран-участниц, тогда как вторые являются равноправными (хотя и те, и другие принято считать взаимовыгодными). Исторически, «субъектно-объектные» отношения доминировали в структуре международного партнёрства АСЕАН, тогда как «субъектно-субъектные» отношения появились в асеановской повестке дня лишь с начала 1990-х годов. Однако в настоящее время именно отношения второго типа составляют доминирующий элемент в системе многосторонних договорённостей АСЕАН.

«Субъектно-объектные» отношения характеризуются неравномерным распределением мощи между членами диалоговой пары, что обусловило складывание особого вида сотрудничества. Долгое время АСЕАН, состоящая из малых и средних государств – бывших европейских колоний, воспринималась её более мощными партнёрами по диалогу как простой «объект» в их геополитической игре. Однако со временем АСЕАН сумела предложить им такую модель взаимодействия, которая позволила ей играть центральную роль в формировании и трансформации региональной системы

международных отношений. По словам сингапурского исследователя Тан Сисена, концепция «асеаноцентричности» (*the ASEAN centrality*) «помогает создать стратегическое пространство для группы относительно слабых стран, что позволяет им расширить границы того, на что иначе они вряд ли были бы способны»¹⁶. Данная концепция была положительно встречена внерегиональными державами, поскольку обеспечивала нейтральность Ассоциации и её равноудалённость от своих партнёров. Таким образом, никто из них не мог получить решающего преимущества в регионе.

Классическим примером «субъектно-объектных» отношений является система диалоговых партнёрств АСЕАН, зародившаяся в середине 70-х годов прошлого века. Она основана на механизме асеановских консультаций с внерегиональными державами в формате «АСЕАН+1». Эти консультации обычно проводятся после ежегодных совещаний министров иностранных дел Ассоциации, на которых асеановцы вырабатывают согласованную позицию по тем вопросам, которые они будут обсуждать со своими партнёрами по диалогу, поэтому они получили название «постминистерских конференций». Опыт такого рода совещаний постепенно эволюционировал в институционализированную практику регулярных встреч на высшем уровне в формате «АСЕАН+3» (Китай, Япония, Южная Корея), «АСЕАН+2» (Австралия, Новая Зеландия) и «АСЕАН+1» (отдельные государства-партнёры в своём персональном качестве), которые составляют основу современной системы диалоговых партнёрств АСЕАН.

Принцип «асеаноцентричности», благодаря которому эта система была успешно реализована, предусматривает согласие внерегиональных держав следовать нормам и принципам, предлагаемым АСЕАН. Даже в тех случаях, когда имеет место явный конфликт интересов, АСЕАН продолжает пытаться установить кодекс поведения, который бы предотвратил открытую кон-

¹⁵ Ba, Alice. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. P. 8.

¹⁶ Tan, See Seng. Rethinking “ASEAN Centrality” in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3, p. 735.

фронтацию сторон. Классический пример асеановского подхода к урегулированию конфликтов даёт нам ситуация в Южно-Китайском море, где сталкиваются интересы Вьетнама, Филиппин, Брунея, Малайзии, а также Китая и Тайваня. Несмотря на взаимные территориальные претензии, странам АСЕАН удалось сформулировать общий подход в отношении их главного оппонента – Китая, которого они рассматривают как общую угрозу безопасности. Так, АСЕАН смогла продемонстрировать своё единство и стойкость по отношению к своему непростому партнёру, которому пришлось формально признать установленные ими правила игры, подписав «Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море» (2002) и согласившись и далее вести переговоры по данному вопросу.

«Субъектно-субъектные» отношения позволили АСЕАН установить равноправное сотрудничество с другими региональными группами. В данном случае, она выступает в качестве международной организации, которая пропагандирует свои нормы и ценности, распространяя их на партнёрские институты. Вместо «формальных переговоров с чёткими и операциональными критериями, установленными в рамках системы, основанной на верховенстве закона», АСЕАН предлагает парадигму неформальных консультаций с необязывающими правилами, принятыми на основе консенсуса. Если сравнивать «путь АСЕАН» с западным либеральным подходом, то нужно признать, что он «представляет собой всё более притягательную и весомую альтернативу для других государств, особенно для стран глобального Юга»¹⁷. Обсуждая со своими партнёрами проблемы межрегионального и глобального значения, АСЕАН стремится найти согласованное решение, устраивающее все договаривающиеся стороны. Такого рода сотрудничество укрепляет международные позиции АСЕАН, давая ей потенциальную возможность участвовать в процессах глобального управления.

Иллюстрацией «субъектно-субъектных» отношений могут послужить взаимодействия

АСЕАН с другими региональными группировками: Европейским Союзом (ЕС), Организацией экономического сотрудничества (ОЭС), Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Сообществом развития Юга Африки (САДК), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) и т.д. В числе других примеров межрегионального сотрудничества с участием АСЕАН можно назвать Форум «Азия-Европа» (АСЕМ), Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА). Эти переговорные площадки интересны тем, что они были созданы по инициативе АСЕАН, и их уставные документы несут на себе значительный отпечаток асеановской идеологии.

Так, в финальном заявлении председателя первого саммита АСЕМ, прошедшего в Бангкоке (Таиланд) в 1996 году, отмечается, что «диалог между странами-участницами следует осуществлять на основе взаимоуважения, равенства, соблюдения фундаментальных прав и, в соответствии с требованиями международного права и международных обязательств, на основе отказа от вмешательства (скрытого или явного) во внутренние дела друг друга»¹⁸. Те же фундаментальные принципы: «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; равенство, взаимная выгода и общие цели развития; уважение уникальной культуры и социальных ценностей друг друга; и принятие решений методом консенсуса» – были включены в рамочный документ, подписанный министрами иностранных дел ВАСЛАФ на инаугурационной встрече, состоявшейся в Сантьяго (Чили) в 2001 году¹⁹. Год спустя, они вновь прозвучали на совещании министров иностранных дел восемнадцатидесяти стран АСЕАН.

¹⁸ New Comprehensive Asia-Europe Partnership for Greater Growth: Final Chair Statement of the 1st ASEM Summit, 1996. Bangkok. Mode of access: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1996%20-%20ASEM1%20-%20Chair%20Statement.pdf>

¹⁹ Framework for a Forum for Dialogue and Cooperation between East Asia and Latin America. Santiago, Chile, 30 March 2001. Mode of access: http://www.fealac.org/File_download.jsp?Type=OFFICE&AttachFileIdx=50

¹⁷ Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to “Global” Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4, p. 452.

цати азиатских стран, собравшихся в Чааме (Таиланд) на первую встречу в формате ДСА.

Таким образом, можно утверждать, что АСЕАН, как и ЕС, активно продвигает свои нормы и ценности вовне, распространяя их на те государства и региональные объединения, с которыми у неё установлены партнёрские отношения. Однако, вместо формальных переговоров с чёткими критериями, опирающимися на зафиксированные ранее договорённости, АСЕАН проводит неформальные консультации, нацеленные на поиски компромисса, с обязательствами, которые взяты на себя сторонами добровольно и не имеют юридической силы. Такая модель ведения переговоров кажется справедливой и привлекательной многим развивающимся странам, особенно странам глобального Юга. Всё это позволяет рассматривать АСЕАН как «нормативную силу», альтернативную ЕС.

* * *

Подводя итоги, подчеркнём ещё раз самые существенные тезисы нашей аргументации.

Как мы уже говорили, понятие «нормативной силы», изначально относившееся к Евросоюзу, подразумевает способность государства или группы государств распространять свои ценности по всему миру. Само представление о Европе как источнике общемировых ценностей восходит к колониальным временам, когда цивилизаторская миссия белого человека по отношению к аборигенным народам Азии, Африки, Америки, Австралии не подвергалась сомнению, а европейские по своему происхождению ценности насильственно насаждались на чужеродную почву. Деколонизация открыла новую страницу в истории человечества, предоставив аборигенным народам равный статус с их бывшими хозяевами. Результатом её стал бурный рост «постколониальных исследований», которые разрушили миф о европейском превосходстве. Однако сама идея о том, что Европа является культурным и политическим центром, пережила эти политические пертурбации, трансформировавшись в политкорректную форму «глобального нормативного лидерства».

Тем не менее, универсальность европейских норм и ценностей оспаривалась многими незападными интеллектуалами, включая многочисленных представителей политического истеблишмента стран Юго-Восточной Азии (Ли Куан Ю, Махатхир Мохамад и др.). Предложенная ими в конце 1980-х – начале 1990-х годов концепция «азиатских ценностей» справедливо рассматривалась как региональный ответ на распространение либерально-демократических ценностей, которое ассоциировалось с «культурным гегемонизмом» Запада. Однако, чтобы стать «нормативной силой», АСЕАН необходимо было не просто выработать определённый набор норм и принципов, но и применить соответствующие дипломатические инструменты, чтобы распространить свои ценности по всему миру и обеспечить их признание как в своих странах, так и за пределами региона. Не вдаваясь в подробности, скажем, что эта задача была выполнена довольно успешно (АСЕМ, ВАСЛАФ, ДСА и др.).

Вместе с тем, нужно понимать, что «азиатские ценности» априори не могут претендовать на универсальность, поскольку отражают региональный взгляд на права человека. Когда речь заходит о признании «азиатских ценностей», потенциал АСЕАН как источника международных норм ограничивается узким кругом развивающихся стран, отрицающих западный универсализм и стремящихся найти своё место в мировой политике. Тем не менее, не следует недооценивать нормативную роль АСЕАН как идеологической альтернативы Евросоюзу, поскольку она довольно существенна и, безусловно, заслуживает отдельного исследования.

Литература:

- Ефремова К.А.* Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. с. 39-53.
- Ba, Alice.* (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- He, Jijie.* Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.
- Hoon, Chang Yau.* Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2.

Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009.

Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to "Global" Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4.

Tan, See Seng. Rethinking "ASEAN Centrality" in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3.

References:

Ba, Alice. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.

Efremova, K.A. Gosudarstva Yugo-Vostochnoy Azii v poiskakh regional'noy identichnosti (Southeast Asian States

in Search of Regional Identity) // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2018, No. 4, pp. 39-53.

He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.

Hoon, Chang Yau. Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2.

Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009.

Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to "Global" Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4.

Tan, See Seng. Rethinking "ASEAN Centrality" in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

**"NORMATIVE POWER" OF ASEAN:
A SUBJECT FOR DISCUSSION**

Ksenia A. Efremova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 18.10.2018</p> <p><i>Received:</i> 19.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 01.12.2019</p> <p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p> <p>Key words: ASEAN; Asian values; normative power; human rights</p>	<p>Abstract: The notion of "normative power", authored by Ian J. Manners, is usually applied to the European Union (EU). It describes the ability to impose one's norms and values over other states, shaping the conventional understanding of what is "normal" in international relations. However, this notion is not exclusive to the EU: this article argues that the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is another regional grouping that tries to disseminate its norms and values worldwide, thus transforming itself into a nascent "normative power". ASEAN promotes the so-called "Asian values" (collectivism, state paternalism, cultural relativism, non-intervention into each other's domestic affairs, etc.) through interregional arrangements with other states and international groupings, as well as through multilateral forums where it plays the central role. However, the concept of "Asian values" evokes much criticism that makes the transformation of ASEAN into a "normative power" highly questionable.</p>
--	--

Для цитирования: Ефремова К.А. АСЕАН как «нормативная сила»: предметное поле дискуссии // *Сравнительная политика*. – 2019, № 4 – С. 97-107.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

For citation: Efremova, Ksenia A. ASEAN как «normativnaya sila»: predmetnoye pole diskussii ("Normative Power" of ASEAN: a Subject for Discussion) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 97-107.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

«ЗОМИЯ» КАК МОДЕЛЬ НЕЗАПАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Максим Владимирович Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 23 марта 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 23 октября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 1 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Различные формы государственной власти связаны с различными формами сопротивления. В данной статье утверждается, что существует не только западная или незападная формы государственной власти, но и соответствующие им западная и незападная формы политического сопротивления. Методологически статья основывается на семантико-прагматическом подходе к формированию концепций. В данной статье уточняется концепция «незападного политического сопротивления». Сначала семантика этого понятия определяется через обзор релевантной научной литературы, а именно работ М. Фуко, М. Манна, И. Нойманна и Ю. Хабермаса, а затем с помощью кейс-стади Зомии как незападной формы сопротивления. В результате проведенного концептуального исследования можно выделить следующие выводы. Западные формы государственной власти основаны на правительственности или инфраструктурной власти. Такие методы управления порождают соответствующие им западные стратегии политического сопротивления, основанные на делиберативной форме демократии как наиболее близкой к демократии, основанной на коммуникативной рациональности. Под незападными формами государственной власти понимаются практики управления, основанные на дисциплинарной или деспотической власти. Они порождают соответствующие им формы незападного сопротивления, включающие в себя либо стремление физически удалиться от государственного контроля в географически труднодоступные районы (Зомия), либо протестное сопротивление вплоть до повстанческих войн и терроризма.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: правительственность; инфраструктурная власть; дисциплинарная власть; Юго-Восточная Азия; Россия; Запад; незапад</p>	

Государственная власть неизбежно порождает политическое сопротивление со стороны населения. Доминирование всегда встречает сопротивление в рамках политического взаимодействия¹. Сопротивление отсутствует только в том случае, когда одна из сторон взаимодействия сведена к биологической жизни («голой жизни»), что происходит к концентрационных лагерях, во временных тюрьмах для мигрантов и т.п.² Но такое взаимодействие нельзя называть политическим. Различные формы государствен-

ной власти связаны с различными формами сопротивления. В данной статье утверждается, что существует не только западная или незападная формы государственной власти, но и соответствующие им западная и незападная формы политического сопротивления. Если вопрос о западной/незападной государственной власти обсуждается в политической литературе относительно широко, то проблематика западного/незападного политического сопротивления остается без особого внимания.

Политическое сопротивление со стороны гражданского общества сегодня как никогда масштабное и принимает разнообразные формы по всему миру, от США,

¹ Scott, J.C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale University Press, 1990.

² Agamben, G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford University Press, 1998.

Ближнего Востока до Гонконга³. Есть как минимум два широко обсуждаемых объяснения возросшей протестной активности. Ф. Фукуяма⁴ доказывает, что современный политический процесс определяется в большей степени соображениями борьбы социальных групп за признание их достоинства, их идентичности, чем соображениями материальной выгоды, как это было начиная с эпохи буржуазных революций по наши дни. На смену политики интересов пришла политика resentment, а последняя гораздо более конфликтная, чем первая. Дж. Стиглиц, с другой стороны, показывает, что при переходе от индустриальной к информационной экономике в условиях глобализации в выигрыше оказываются только 1% населения даже в самых развитых странах, у всех остальных реальный доход не растет уже третье десятилетие подряд, что приводит к увеличению неравенства и росту недовольства большинства⁵.

Проблема политического сопротивления сегодня крайне актуальна и заслуживает особого внимания. В данной статье рассматривается, по каким критериям можно разделить западную и незападную форму политического сопротивления и в качестве примера последней рассматривается кейс «Зомии» – условное название высокогорья в Юго-Восточной Азии, население которой якобы добровольно отказалось от государственности и целенаправленно избегает её, удалившись в труднодоступные районы, что интерпретируется Дж. Скоттом, известным современным антропологом и исследователем анархизма, как форма политического сопротивления⁶.

Методологически статья основывается на семантико-прагматическом подходе

к формированию концепций. Этот подход часто связывают с традицией к построению новых концепций, заложенной Сартром и Кольером, в основе которой находится скорее качественная методология, нежели количественная. Концепция формируется не с помощью точных измерений, а посредством уточнения её смысла через перебор и сравнение различных вариантов её использования в научной литературе⁷, а также с помощью метода кейс-стади⁸. Причём руководящим принципом такого семантического уточнения анализируемой концепции должен служить прагматизм. Концепция должна служить задачам и целям исследования, в котором она будет использоваться. В данной статье уточняется концепция «незападного политического сопротивления». Сначала семантика этого понятия определяется через обзор релевантной научной литературы, а именно работ М. Фуко, М. Манна, И. Нойманна и Ю. Хабермаса, а затем с помощью кейс-стади Зомии как западной формы сопротивления. М. Фуко, М. Манн и И. Нойманн описывают западную форму государственного управления с помощью понятий «правительственность» (*governmentality*) и «инфраструктурная власть», а незападную, оставшуюся в доиндустриальном прошлом Запада, через понятия «деспотическая» и «дисциплинарная власть». Западной формой сопротивления против правительственности и инфраструктурной власти можно рассматривать «демократию» в ее концептуализации Ю. Хабермасом как коммуникативную практику, основанную на коммуникативной рациональности, противоположной по отношению к инструментальной рациональности, определяющей логику развития капитализма, правительственности и инфраструктурной власти. Незападная форма политического сопротивления тогда должна иметь своим объектом власть деспотиче-

³ Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. John Wiley & Sons, 2015.

⁴ Fukuyama, F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

⁵ Stiglitz, J.E. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. WW Norton & Company, 2012.

⁶ Scott, J.C. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Nus Press, 2010.

⁷ Bevir, M.; Kedar, A. *Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // Perspectives on Politics*, 2008, No. 6, pp. 503-517; Goertz, G. *Social Science Concepts: A User's Guide*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

⁸ Gerring, J. *Social Science Methodology: A Criterial Framework*. New York: Cambridge University Press, 2001.

скую и дисциплинарную и выражаться не в переговорах с государством (как в случае с демократией), а в различных способах ухода от государства, как в случае с Зомией, либо в насильственных формах сопротивления, таких как бунты, революции, терроризм, гражданские войны и т.п.

Западная и незападная рациональность государственного управления

Вопрос о демаркации «западного» и «незападного» в политической сфере часто сводится к противопоставлению «современного» и «традиционного», хотя Ш. Айзенштадт показал, что модерн не следует отождествлять с Западом, несмотря на то что это его родина⁹. В каждой культуре и цивилизации есть свой модерн, который формируется как результат общественных дискуссий на местах о значении понятия «современность». Как правило такие обсуждения сопровождалась революциями, от Великой Французской до Великой Русской. А. Арндт доказывала, что революции Нового времени – это неудачные попытки восстановить римскую политическую форму как эталон западной политической традиции и источник западного политического авторитета. «Если я права в своем подозрении, – пишет Х. Арндт, – что кризис нынешнего мира – это в первую очередь политический кризис, а знаменитый «закат Запада» прежде всего заключается в том, что рушится римское триединство религии, традиции и авторитета и попутно подтачиваются специфически римские основы политического пространства, тогда революции Нового времени представляются титаническими попытками реставрировать эти основы, восстановить порванную нить традиции и, основывая новые политические организмы, воскресить то, что столь долгие века в известной мере придавало человеческим делам достоинство и величие»¹⁰.

⁹ Eisenstadt, Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No. 1, pp. 1-29.

¹⁰ Арндт Х. Что такое авторитет? / Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 213. [Arendt, H. Chto takoye avtoritet?

Несмотря на то, что попытки реставрации римского триединства в итоге оказались неудачными, «новые политические организмы» все же появились в форме современных национальных территориальных государств¹¹. От своих средневековых предшественников они отличались не только по форме, но и по способу управления. И если политическая форма западных государств Нового времени была глобализована в процессе деколонизации во второй половине XX века и её уже невозможно сейчас рассматривать как признак Запада, то новый способ управления продолжает оставаться исключительным для Запада и небольшого количества незападных стран, в которых сложилось «полицейское государство». Фуко называет его либеральным способом, который предполагает управление через гражданское общество, а М. Манн называет «инфраструктурной властью». В данном случае не следует ставить знак равенства между либерализмом как идеологией и либеральным подходом к управлению. Чтобы не впасть в возможное заблуждение, для описания этого нового, специфически западного способа управления будем использовать понятия «правительственности» и «инфраструктурной власти».

М. Фуко показал в своих исторических исследованиях, как в период с XVI по XVII век в европейских государствах происходит трансформация подходов к государственному управлению, предметом управления становится не территория, как до этого, а население; инструментом управления – не «дисциплинарная власть», а «правительственность» (*governmentality*)¹². Майкл

(What is Authority?) / *Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014.]

¹¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. [Kaspe, S.I. Tsentry i iyerarkhii. Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma (Centers and Hierarchies. Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form). Moscow: Moscow School of Political Studies, 2008.]

¹² Фуко М. Рождение биополитики. М.: Наука, 2010. [Foucault, M. Rozhdeniye biopolitiki (Birth of Biopolitics). Moscow: Science Publ., 2010.]

Манн так же показывает в своих историко-социологических исследованиях, что с приходом индустриальной эпохи в Европе правительства начинают все больше задействовать не «деспотическую», а так называемую «инфраструктурную» власть¹³. Инфраструктурная власть состоит в контроле не над, а с помощью и через гражданское общество, таким образом проникая в него, извлекая и координируя его ресурсы. Инфраструктурная власть государства предполагает необходимость постоянно договариваться с гражданским обществом, так как реализуется она с согласия и при активном участии последнего. Деспотическая власть основана на распределительной логике, а инфраструктурная – на логике сотрудничества. «Инфраструктурная власть, – пишет М. Манн, – это институциональная способность централизованного государства (неважно деспотического или нет) пронизывать свою территорию и логистически реализовывать свои решения. Это коллективная власть, «власть через» общество, координация общественной жизни через государственную инфраструктуру. <...> Инфраструктурная власть – это улица с двусторонним движением: она также позволяет организациям гражданского общества контролировать государство. Увеличение инфраструктурной власти не обязательно увеличивает или уменьшает распределительную, деспотическую силу государства. Однако эффективная инфраструктурная сила повышает коллективную государственную власть»¹⁴.

С XVI-XVII вв. «инфраструктурная» власть или «правительственность» становятся отличительной характеристикой именно европейской или западной модели управления и социально-политической трансформации. Согласно М. Фуко, ключевой техникой осуществления правительственности в то время становится полиция. Сегодня под полицией понимается совсем иное, чем в ранее Новое время. С XVII в. «полицией» начинают называть «совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил

государства, поддерживая строй этого государства. Полиция – это расчёт и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил... Проблема полиции – как, полностью сохраняя порядок в государстве, сделать так, чтобы его силы максимально росли»¹⁵.

М. Фуко увязывает полицию с европейской системой баланса сил. Если задача полиции – рост сил государств и поддержания порядка в нем, то задача европейской системы баланса сил – обеспечивать равновесие между государствами при росте их сил. «В результате, – пишет М. Фуко, – мы подходим к следствию, в каком-то отношении парадоксальному и противоречивому, которое заключается в следующем: но в конечном счёте, если в европейском равновесии имеется одно государство, даже не моё собственное, которое, как оказывается, имеет дурную полицию, то перед нами феномен нарушения равновесия. И следовательно, необходимо заботиться о том, чтобы даже у других полиция была хорошей. Европейское равновесие начинает, следовательно, функционировать как в какой-то мере межгосударственная полиция или как право. Европейское равновесие даст право совокупности государств заботиться о том, чтобы полиция была хорошей в каждом из государств. Именно такой вывод и будет сделан явным систематическим образом, будет сформулирован в 1815 году в Венском договоре и в политике Священного Союза»¹⁶.

На основе данного наблюдения М. Фуко Ивер Нойманн делает вывод, что для того, чтобы обладать признанным статусом великой державы в составе европейской системы международных отношений необходимо было стать «полицейским государством» и осуществлять свою власть опосредованно,

¹³ Mann, M. *The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.

¹⁴ Ibid. P. 59.

¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. Лекция 29 марта 1978 года. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6705> [Foucault, M. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye*. Lektsiya 29 marta 1978 goda (Security, Territory, Population. Lecture on March 29, 1978). Mode of access: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6705>]

¹⁶ Ibid.

через и посредством гражданского общества. Поэтому, в частности, Россия, в которой полицейское государство не сложилось, испытывала и продолжает испытывать проблемы с признанием своего статуса великой державы. «Новая рациональность управления, которую Фуко называет государственностью, с самого начала представляла проблему для России, – пишет И. Нойманн. – Во-первых, это была рациональность, отличная от той, которая основана на суверенитете, и, следовательно, представляла ему потенциальную угрозу. Во-вторых, условием для того, чтобы государство могло использовать эту рациональность, была способность государства распоряжаться различными ресурсами. Российское государство, чья система управления была менее эффективной, чем система (других) европейских государств XVII и XVIII века, находилось в относительно невыгодном положении»¹⁷. И. Нойманн делает вывод, что пока рациональность государственного управления в России не придет в соответствие с современными гегемонистскими неолиберальными моделями и продолжит основываться на прямом, а не косвенном управлении, Запад не признает Россию в качестве полноценной великой державы.

Западная и незападная формы политического сопротивления

Все перечисленные выше государственные формы власти порождают соответствующие им формы сопротивления со стороны гражданского общества. Правительственность и инфраструктурная сила государства неизбежно вынуждают правительства вступать в переговоры со своим гражданским обществом, которое, в связи с этим, приобретает возможность ограничивать власть государства и преследовать свои интересы. Однако усиление инфраструктурной власти государства и развитие капитализма постепенно сокращают так называемое пространство «жизненного мира», где обитает гражданское общество. «Тезис внутренней колонизации гласит, – пи-

шет Ю. Хабермас, – что подсистемы экономики и государства становятся все более и более сложными в результате капиталистического роста и все глубже проникают в символическое воспроизведение жизненного мира»¹⁸. Внутренней колонизации Ю. Хабермас противопоставляет коммуникативную рациональность и основанную на ней теорию демократии¹⁹. «Хоркхаймер и Адорно, – отмечает Ю. Хабермас, – не смогли осознать коммуникативную рациональность жизненного мира, которая должна была развиваться из рационализации мировоззрений, прежде чем вообще могло быть какое-либо развитие формально организованных областей действия. Только эта коммуникативная рациональность, отраженная в понимании современности, придает внутреннюю логику – а не просто бессильную природную ярость восстания – сопротивлению против колонизации жизненного мира внутренними динамическими автономными системами»²⁰. Таким образом, демократия может рассматриваться как западный способ политического сопротивления инфраструктурной власти и правительственности.

«Бессильная ярость восстания» возникает, когда государство остается безучастным к требованиям общества или не заинтересованно вступать с ним в переговоры. Тогда общественные движения начинают заявлять свой протест в различных формах, в том числе иногда и с использованием насилия, или выбирают стратегию ухода. М. Кастельс дает хорошее описание современным протестным движениям, распространившимся по всей планете²¹. М. Хардт и А. Негри в своем труде «Империя» трактуют колониальную практику и национально-

¹⁷ Neumann, I.B. Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 11(2), pp. 128-151.

¹⁸ Habermas, J. *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015. P. 367.

¹⁹ Habermas, J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. John Wiley & Sons, 2015.

²⁰ Habermas, J. *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015. P. 333.

²¹ Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. John Wiley & Sons, 2015.

освободительные движения в странах третьего мира как пример дисциплинарной власти и сопротивления ей. Особое значение в этом контексте имела война во Вьетнаме. «Война была выражением желания свободы со стороны вьетнамцев, – пишут авторы, – выражением крестьянской и пролетарской субъектности – важнейшим примером сопротивления одновременно последним проявлениям империализма и международному дисциплинарному режиму. Война во Вьетнаме является подлинным поворотным моментом в истории капитализма наших дней, в том смысле, что вьетнамское сопротивление представляется символом целого ряда решительных выступлений по всему миру, которые до этого времени оставались изолированными и далекими друг от друга. Крестьянство, находящееся в зависимом от многонационального капитала положении, (пост)колониальный пролетариат, промышленный рабочий класс в ведущих капиталистических странах и новый слой пролетариата, занятый интеллектуальным трудом, во всем мире оказывались в рамках общей системы эксплуатации фабрикой-обществом приобретающего глобальный характер дисциплинарного режима. Различные выступления были направлены против одного общего врага: международного дисциплинарного порядка»²². Неомарксисты показывают, таким образом, что обсуждаемые нами виды власти (дисциплинарная, деспотическая, инфраструктурная, правительственность) могут иметь не только национальный, но и международный масштаб. И. Нойманн, например, публикует целую монографию о глобальном измерении правительственности²³.

Сопротивление дисциплинарной власти в активной форме протеста или пассивной форме ухода рассматривается в данной статье как западная форма сопротивления. Конечно, к такой форме могут обращаться и западные общества в борьбе за свои права,

если они считают, что правительства остаются безучастными к их проблемам. Примеров этому множество: от различных движений антиглобалистов до «желтых жилетов» во Франции. Это может свидетельствовать о кризисе репрезентативной демократии как институциональной основе переговоров между правительством и обществом (кейс «желтых жилетов»²⁴), либо об использовании правительствами или международными организациями дисциплинарной, деспотической власти (кейс противодействия кризису еврозоны²⁵). С. Джилл даже ввел в научный оборот понятие «дисциплинарного неолиберализма», который через глобализацию воздействует на все общества: и западные, и незападные²⁶.

Зомия как сопротивление

Понятие «Зомия» было предложено голландским географом Ван Шенделем в 2002 г. для описания высокогорья в Юго-Восточной Азии, где проживают более 100 млн человек не имеющих своего государства. Это пространство без государств, в связи с чем Ван Шендель утверждает, что оно часто становилось жертвой картографов и оставалось невидимым для регионоведов. Ван Шендель пишет, что «любой, кто интересуется под-

²⁴ Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 101-135. [Obichkina, E.O. *Sotsial'no-politicheskiy krizis vo Frantsii: «zholytye zhilyety» i zaversheniye «pervoy fazy» pravleniya E. Makrona* [Socio-Political Crisis in FRANCE: «Yellow Vests» and the Completion of the «First Phase» of the Reign of E. Macron] // *MGIMO Review of International Relations*, 2019, No. 2 (65), pp. 101-135.]

²⁵ Gill, S. Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*, 2017, No. 43(4-5), pp. 635-651.

²⁶ Gill, S. Globalisation, Market Civilisation, and Disciplinary Neoliberalism // *Millennium – Journal of International Studies*, 1995, No. 3, pp. 399-423; Gill, S. European Governance and New Constitutionalism: Economic and Monetary Union and Alternatives to Disciplinary Neoliberalism in Europe // *New Political Economy*, 1998, No. 1, pp. 5-26.

²² Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 245 [Hardt, M.; Negri, A. *Imperiya* (Empire). Moscow.: Praxis, 2004. P. 245.]

²³ Neumann, I.B.; Sending, O.J. *Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality*. University of Michigan Press, 2010.

робными современными картами региона, охватывающего Бирму, Северо-Восточную Индию, Бангладеш и прилегающие районы Китая, знает, что таких карт не существует... Карты Юго-Восточной Азии могут даже не включать северную и западную части Бирмы, не говоря уже о соседних областях Индии и Бангладеша. Карты Южной Азии нередко представляют Северо-Восточную Индию (и иногда Бангладеш) как неудобное отклонение. Отдельные кусочки Тибета и Юньнана могут появляться в дальних углах карт просто из-за необходимости заполнить прямоугольную форму карты»²⁷. (На карте, представленной в статье Ван Шенделя, этот регион изображается следующим образом – см. *Рис. 1*).

Рисунок 1

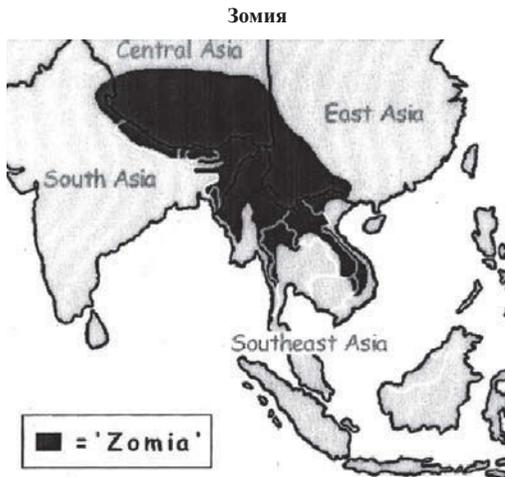

Рис. 1. Zomia

Термин «Зомия» происходит от слова «зоми», которое на местных языках мизокуки-чин (ветвь тибето-бирманских языков) означает «гора». В прошлом Зомия была центром государственного строительства²⁸, но сегодня её главная политическая характеристика заключается в том, что она располагается на периферии

²⁷ Van Schendel, W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, p. 652.

²⁸ В этом регионе существовали, например, царство Наньчао на территории современной китайской провинции Юньнань, тибетские штаты, царство Ахом на территории современного индийского штата Ассам.

десяти государств и находится в их отношении в антагонистических отношениях. Это невидимое ни для политиков, ни для ученых-регионоведов транснациональное пространство, которая охватывает все четыре местных субрегиона (Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Центральная Азия и Южная Азия), не принадлежа ни к одному из них. Это территория, отличающаяся относительной малочисленностью населения, исторической изоляцией, политическим доминированием влиятельных соседних государств, и огромным лингвистическим и религиозным разнообразием. Этот регион никак не фигурировал в политическом противостоянии времен холодной войны, население этого региона целенаправленно избегало проектов национального строительства со стороны государств, расположенных в прилегающих долинах. С другой стороны, сами эти государства не рассматривали население Зомии как объект национального строительства. На всей территории Зомии прилегающие государства осуществляли политику насильственного переселения, запрещали местному населению вести сельское хозяйство, регистрировать земельную собственность, заниматься лесозаготовкой, охраной дикой природы, строительством плотин и обучением детей на национальных языках, что естественно привело к напряженности и усилению антагонизма.

В 2007 г., как отмечает Жан Мишо в своей редакционной статье, посвященной Зомии²⁹, после дискуссий с учеными западных Гималаев, которые отреагировали на статью от 2002 года, Ван Шендель расширил Зомию на запад и север, включив в неё южную часть китайских Цинхая и Синьцзяна, а также значительную часть Центральной Азии, охватывающую высокогорье Пакистана, Афганистана, Таджикистана и Кыргызстана (см. *Рис. 2*).

²⁹ Michaud, J. Editorial—Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 2, pp. 187-214

Рисунок 2

«Экспансия» Зомии

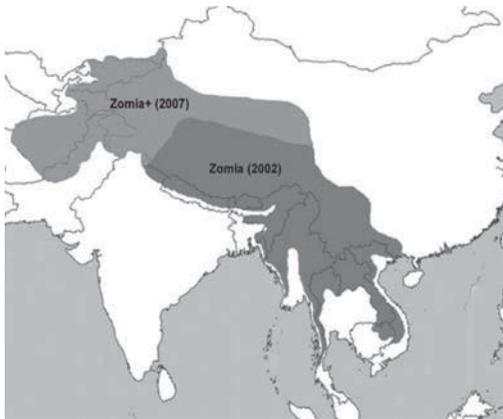

Рис. 2. “Expansion” of Zomia

Ван Шендель описал Зомию с целью в первую очередь раскритиковать современную дисциплину регионоведения, которая, по его мнению, слишком государственноцентрична. Политическое содержание и широкую популярность этому понятию придал Дж. Скотт в своей монографии «Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии»³⁰.

Дж. Скотт доказывает, что Зомия является ярким примером ухода как формы сопротивления. Он подробно описывает стратегии, которые постепенно выработали горцы Азии, чтобы избежать и уходить от государственного контроля. В предисловии к своей монографии Дж. Скотт пишет, что «практически все в жизни населяющих эти зоны народов, включая социальную организацию, идеологию и в основном устную культуру, следует воспринимать как стратегические решения, принятые чтобы удержать государство на расстоянии. Территориальное рассеяние на пересеченной местности, мобильность, земледельческие практики, структуры родственных связей, подвижные этнические идентичности, приверженность харизматичным лидерам-пророкам были эффективными средствами избегания инкорпорирования в окружающие государственные образования и предотвращения появления аналогичных им институциональных струк-

тур. Конкретное государство, от которого бежало большинство этих народов, – ранняя китайская империя династии Хань. Истории о подобных бегствах зафиксированы во множестве легенд. Документальные источники, не вполне достоверные до 1500 года, позже хорошо описывают постоянные военные кампании против горных народов при китайских императорах династии Минь и Цинь, которые привели к беспрецедентным восстаниям на юго-западе Китая в середине XIX века, после чего миллионы жителей страны стали беглецами. Отток населения из бирманского и тайского государств, промышленявших работоторговлей, также подробно задокументирован»³¹. Самым спорным среди критиков Дж. Скотта является его утверждение, что горные народы Азии целенаправленно избегали письменной культуры, оставаясь в устной традиции, потому что это снижало вероятность их попадания под государственный контроль. Дж. Скотт подчеркивает особенности сельскохозяйственных практик горцев. Они, согласно его данным, старались возделывать только те культуры, плоды которых вызревают не над, а под землей. Это, как правило, корни и клубни различных растений. Причина заключается в том, что плоды, созревающие над землей, становятся легкой добычей государственных сборщиков налогов. В своем недавнем исследовании³² ранней государственности Дж. Скотт показывает, что все первые государства были зерновыми в том смысле, что они заставляли подконтрольное население специализироваться на выращивании зерновых культур, потому что зерно – идеальный налоговый продукт. Объем урожая легко оценить, объемы зерна легко масштабируются, и оно может долго храниться. Кроме того, поля со злаками можно

³⁰ Scott, J.C. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Nus Press, 2010.

³¹ Скотт Дж. *Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/211064105> [Scott, Dzh. *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* (The Art of Subjugation: The Anarchist History of the Highlands of Southeast Asia). Mode of access: <https://publications.hse.ru/books/211064105>]

³² Scott, J.C. *Against the Grain: a Deep History of the Earliest States*. Yale University Press, 2017.

легко уничтожить, что ставит крестьян в особо уязвимое положение перед государством и не позволяет сопротивляться. Поэтому среди первых государств нельзя найти, скажем, «картофельное государство». Однако, если какое-то сообщество стремится целенаправленно уйти от государственного контроля, то выращивание картофеля или других подобных культур становится единственно правильной сельскохозяйственной стратегией.

Дж. Скотт отмечает, что уход от дисциплинарной власти на заре государственности был широко практикуемой стратегией. Жизнь в ранних государствах не была благоприятнее жизни вне государственных стен, скорее наоборот. Долгое время две формы общественных отношений – государственная и кочевая – сосуществовали и развивались взаимно конституируя друг друга. И. Нойманн показывает в своих исследованиях какое важное влияние оказывала «степь» на формирование государствоцентричной системы международных отношений³³. Кочевые племена и негосударственные сообщества были спутниками практически всех империй. В случае с российской империей таким спутником было казачество.

Со временем пространство негосударственности сужалось, превратившись в разрозненный архипелаг из редких островков, самым большим из которых стала Зомия. Следует отметить, что наплыв и глобальное распространение государственности в мире происходило отнюдь неравномерно. Сформировались довольно обширные пространства со слабой и исчезающей государственностью³⁴. Авторы исследовательского проекта по изучению практик и институтов управления в зонах с ограниченной государственностью отмечают, что к их удивлению, эти зоны встречаются и на территории раз-

витых государств. Государственность – это не 0 или 1, а скорее континуум от полного отсутствия государственности (Зомия), до максимального его присутствия (глобальные города).

* * *

В результате проведенного концептуального исследования можно сделать следующие выводы. Западные формы государственной власти основаны на правительственности или инфраструктурной власти. Такие методы управления порождают соответствующие им западные стратегии политического сопротивления, основанные на делиберативной форме демократии как наиболее близкой к демократии, основанной на коммуникативной рациональности. Под незападными формами государственной власти понимаются практики управления, основанные на дисциплинарной или деспотической власти. Они порождают соответствующие им формы незападного сопротивления, включающие в себя либо стремление физически удалиться от государственного контроля в географически труднодоступные районы (Зомия), либо протестное сопротивление вплоть до повстанческих войн и терроризма.

Возможны и смешанные варианты, когда на западную форму правления дается незападный ответ. Например, уход от налогов в офшоры, уход в «темный интернет», использование криптоканалов и криптовалюты для общения и расчетов. Такое поведение очень напоминает стратегии горцев Азии. Обратный вариант, когда на незападные формы властвования гражданское общество отвечает, стараясь развивать демократические институты и практики, тоже встречается. Это те случаи, когда демократизация развивается снизу, со стороны гражданского общества. Особенно такие случаи распространены сегодня в эпоху глобализации, когда нормы демократии, особенно электронной демократии, и примеры демократического сопротивления легко распространяются по планете через социальные сети и находят своих сторонников даже в незападных государствах. Люди стараются повлиять на власть и сменить её посредством избира-

³³ Neumann, I.B.; Wigen, E. *The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE-2017 CE*. Cambridge University Press, 2018.

³⁴ Risse, Th. *Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood*. Columbia University Press, 2011; Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A. *The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood*. Oxford University Press, 2018.

Таблица 1

Соотношение форм государственной власти и форм политического сопротивления

	Западная форма государственной власти	Незападная форма государственной власти
	правительственность/ инфраструктурная власть	дисциплинарная/ деспотическая власть
Западная форма политического сопротивления	Делиберативная демократия	Электоральная демократия
Незападная форма политического сопротивления	оффшоры, крипто валюты и крипто мессенджеры, «глубокий интернет»	уход в труднодоступные районы (Зомия) или протестное сопротивление вплоть до вооруженного восстания

Table. 1 Correlation of forms of state power and forms of political resistance

тельных урн, через суды и прессу. Если такие меры не работают, тогда прибегают уже к западным формам сопротивления. Соотношение между рассмотренными формами государственного управления и политического сопротивления можно представить в виде обобщающей таблицы (см. Табл. 1).

Литература:

Arendt H. Что такое авторитет? // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Каспэ С.И. Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «жёлтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 101-135.

Фуко М. Рождение биополитики. Наука, 2010.

Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Agamben, G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford University Press, 1998.

Bevir, M.; Kedar, A. Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // *Perspectives on Politics*, 2008, No.6, pp. 503-517.

Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A. The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford University Press, 2018.

Castells, M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet age. John Wiley & Sons, 2015.

Eisenstadt, Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No.129.1, pp. 1-29.

Fukuyama F. Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Gerring, J. Social Science Methodology: A Criterial Framework. New York: Cambridge University Press, 2001.

Gill, S. European governance and new constitutionalism: Economic and monetary union and alternatives to disciplinary neoliberalism in Europe // *New Political Economy*. 1998. No. 3(1). P. 5-26. doi:10.1080/13563469808406330

Gill, S. Globalisation, market civilisation, and disciplinary neoliberalism // *Millennium – Journal of International Studies*. 1995. No. 24(3). P. 399-423. doi:10.1177/03058298950240030801

Gill, S. Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*. 2017. No. 43(4-5). P. 635-651. doi:10.1177/0896920516656920

Goertz, G. Social Science Concepts: A User’s Guide. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. John Wiley & Sons, 2015.

Habermas, J. The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015.

Mann, M. The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.

Michaud, J. Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 5.2, pp. 187-214.

Neumann, I.B. Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 2, pp. 128-151.

Neumann, I.B.; Sending, O.J. Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality. University of Michigan Press, 2010.

Neumann, I.B.; Wigen, E. The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE–2017 CE. Cambridge University Press, 2018.

Risse, Th. Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood. Columbia University Press, 2011.

Scott, J.C. Against the Grain: a Deep History of the Earliest States. Yale University Press, 2017.

Scott, J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale university press, 1990.

Scott, J.C. The Art of not being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Nus Press, 2010.

Stiglitz, J.E. The Price of Inequality: How Today’s Divided Society Endangers Our Future. WW Norton & Company, 2012.

Van Schendel, W. Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, pp. 647-668.

References:

- Agamben, G.* Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford University Press, 1998.
- Arendt, H.* Chto takoye avtoritet? (What Is Authority?) / Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014.
- Bevir, M.; Kedar, A.* Concept Formation in Political Science: an Anti-Naturalist Critique of Qualitative Methodology // *Perspectives on Politics*, 2008, No.6, pp. 503-517.
- Börzel, T.A.; Risse, Th.; Draude, A.* The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood. Oxford University Press, 2018.
- Castells, M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet age. John Wiley & Sons, 2015.
- Eisenstadt, Sh.* Multiple Modernities // *Daedalus*, 2000, No.129.1, pp. 1-29.
- Foucault, M.* Rozhdeniye biopolitiki (Birth of Biopolitics). Moscow: Science Publ., 2010.
- Fukuyama F.* Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. Farrar, Straus and Giroux, 2018.
- Gerring, J.* Social Science Methodology: A Criterial Framework. New York: Cambridge University Press, 2001.
- Gill, S.* European governance and new constitutionalism: Economic and monetary union and alternatives to disciplinary neoliberalism in Europe // *New Political Economy*. 1998. No. 3(1). P. 5-26. doi:10.1080/13563469808406330
- Gill, S.* Globalisation, market civilisation, and disciplinary neoliberalism / Millennium – Journal of International Studies. 1995. No. 24(3). P. 399-423. doi:10.1177/03058298950240030801
- Gill, S.* Transnational class formations, European crisis and the silent revolution // *Critical Sociology*. 2017. No. 43(4-5). P. 635-651. doi:10.1177/0896920516656920
- Goertz, G.* Social Science Concepts: A User's Guide. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.
- Habermas, J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. John Wiley & Sons, 2015.
- Habermas, J.* The Theory of Communicative Action: Lifeworld and Systems, a Critique of Functionalist Reason. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2015.
- Hardt, M.; Negri, A.* Imperiya (Empire). Moscow: Praxis, 2004. 440 p.
- Kaspe, S.I.* Tsentry i iyerarkhii. Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma (Centers and Hierarchies. Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form). Moscow: Moscow School of Political Studies, 2008.
- Mann, M.* The Sources of Social Power: the Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. Vol. 2. Cambridge University Press, 2012.
- Michaud, J.* Zomia and beyond // *Journal of Global History*, 2010, No. 5.2, pp. 187-214.
- Neumann, I.B.* Russia as a Great Power, 1815-2007 // *Journal of International Relations and Development*, 2008, No. 2, pp. 128-151.
- Neumann, I.B.; Sending, O.J.* Governing the Global Polity: Practice, Mentality, Rationality. University of Michigan Press, 2010.
- Neumann, I.B.; Wigen, E.* The Steppe Tradition in International Relations: Russians, Turks and European State Building 4000 BCE–2017 CE. Cambridge University Press, 2018.
- Obichkina, E.O.* Cotsial'no-politicheskiy krizis vo Frantsii: «zholtyye zhilyety» i zaversheniye «pervoy fazy» pravleniya E. Makrona (Socio-Political Crisis in France: “Yellow Vests” and the Completion of the “First Phase” of the Reign of E. Macron) // *MGIMO Review of International Relations*, 2019, No. 2 (65), pp. 101-135.
- Risse, Th.* Governance without a State?: Policies and Politics in Areas of Limited Statehood. Columbia University Press, 2011.
- Scott, J.C.* Against the Grain: a Deep History of the Earliest States. Yale University Press, 2017.
- Scott, J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale university press, 1990.
- Scott, J.C.* The Art of not being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Nus Press, 2010.
- Stiglitz, J.E.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. WW Norton & Company, 2012.
- Van Schendel, W.* Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia // *Environment and Planning D: Society and Space*, 2002, No. 20.6, pp. 647-668.

“ZOMIA” AS A MODEL OF NON-WESTERN POLITICAL RESISTANCE

Maxim V. Kharkevich

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 23.03.2019</p> <p><i>Received:</i> 23.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 01.12.2019</p>	<p>Abstract: Various forms of state power are associated with various forms of resistance. This article argues that there is not only a Western or non-Western form of state power, but also the corresponding Western and non-Western forms of political resistance. Methodologically, the article is based on a semantic-pragmatic approach to the formation of concepts. This article clarifies the concept of “non-Western political resistance.” First, the semantics of this concept is determined through a review of relevant scientific literature, namely the works of M. Foucault, M. Mann, I. Neumann and J. Habermas, and then using it studies Zomia as a case of a non-Western form of resistance. As a result of the conceptual study, the following conclusions can be made. Western forms of state power are based on governmentality or infrastructural power. Such governance methods give rise to their corresponding Western strategies of political resistance, based on the deliberative form of democracy as the closest to democracy based on communicative rationality. Non-Western forms of state power are understood as governance practices based on disciplinary or despotic power. They give rise to forms of non-Western resistance corresponding to them, which include either the desire to physically move away from state control in geographically inaccessible areas (the case of Zomia), or protest resistance up to civil wars and terrorism.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: governmentality; infrastructural authority; disciplinary authority; Southeast Asia; Russia; the West; non-West</p>	

Для цитирования: Харкевич М.В. «Зомия» как модель незападного политического сопротивления // *Сравнительная политика*. – 2019. № 4 – С. 108-119.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10045

For citation: Kharkevich, Maxim V. «Zomiya» kak model' nezapadnogo politicheskogo soprotivleniya (“Zomia” as a Model of Non-Western Political Resistance) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 108-119.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10045

ДИВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ ЕВРОПЫ И РОССИИ ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">8 июля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">25 октября 2019</p>	<p>Аннотация: Средневековая Европа до Реформации и Московская Русь до Смуты рассматриваются в идеальнотипическом ключе как носители социальных и ментальных единств: веры и церковной организации, империи, базовых социальных отношений. В итоге Реформации и религиозных войн каждое из европейских единств было разрушено, но части бывшего Pax Christiana, продолжали плотно взаимодействовать и конкурировать между собой, бороться за лидерство, что обусловило интенсивную модернизацию ведущих держав Западной Европы с известными глобальными последствиями. Московское государство после Смуты восстановило единство во всех трех аспектах. Черты государства и общества здесь существенно трансформировались в результате раскола, становления Российской империи, административных реформ XVIII–XIX вв., но при этом сохранились базовые свойства этатизма, централизма, приоритета службы, властной инструментализации морально-религиозной сферы. На основе проведенного сравнения выделены специфические для России факторы, которые обуславливают известные циклы в истории России XVI–XX вв. и сохраняют значимость в современных социально-политических процессах.</p>
<p>Об авторе: д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; заведующий кафедрой социальной философии и политологии, Новосибирский государственный университет; профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет</p> <p>e-mail: nrozov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: сравнительная политика; социальные порядки; империя; Реформация; Раскол; российские циклы; история Европы; история России; сословия; сеньораж; государственная служба</p>	

В рамках классической темы «Россия и Европа» была и остается центральной проблема причин кардинального расхождения траекторий социального и политического развития между этими целостностями, а также не теряет актуальности связанный с ней вопрос о факторах специфики циклической динамики в истории России.

В данной работе предпринят сравнительный подход к проблеме, который заключается в сопоставлении изменений обобщенных социальных порядков («идеальных

типов»). Порядки характеризуются сохраняющимися, распадающимися или трансформирующимися единствами в мировоззренческом (религии, идеологии, ценности), геополитическом (структура контроля над территориями) и институциональном (социальные отношения) аспектах.

Западноевропейское Средневековье как идеальный тип. В качестве идеального типа для средневековых порядков Западной Европы до XIV–XV вв. используем модель трех единств: единство веры и церковной орга-

низации, единство Империи, один принцип патронажа (покровительства, власти).

Здесь намеренно упускается из виду сложность, связанная со страновым разнообразием, с беспрестанными изменениями, конфликтами, пертурбациями внутри средневековой Европы, с наличием реликтов прежних эпох и ростков нового, с неоднозначностью точек зрения и т. п.

Более того, указанные три единства представляются не столько «объективными характеристиками» обществ, сколько нормативными ментальными стереотипами того времени, идеями о том, «как должно быть», «как правильно».

Единство веры, церкви и империи. В рамках данного идеального типа единственно правильная вера – только *христианство в католическом изводе*. Остальные религии понимались либо как реликты, подлежащие непременно преодолению, христианизации (язычество), либо как странные, ошибочные и даже враждебные религиозные заблуждения, которые следует подавлять, распространяя «свет христианской веры» при наличии достаточных сил, или временно смиряться, когда победить другие верования (православие, мусульманство) нет возможности¹.

Только открытый военный конфликт (Шмалькальденская война 1546-1547 г.) и вынужденный из-за патовой ситуации Аугсбургский мир 1555 г. обусловили фактическое признание разделения христианства, которое в конце XVI в. приняло четкую формулу *«Cujus regio, ejus religio»* («чья власть, того и вера»), ставшую позже базовым принципом Вестфальского мира 1648 г.²

Единую международную церковную

организацию представляло *папство* с подчиненными кардиналами и епископами, клиром нижних уровней. Подрыв этой традиции начался с упорной борьбы Лютера, получавшей все большую поддержку в 1520-1540 гг., что и стало церковно-организационным аспектом Реформации³.

На большей части Европы не ставилась под сомнение единственность Империи, где бы ни находилась ее столица (Рим, Константинополь, Вена). Отсюда и средневековое название «Священная Римская империя», хотя столица ее уже была не в Риме⁴.

Сеньораж и серваж в основе социального порядка. Нормативному единству Империи соответствовало и определенное единство во властных и социально-экономических отношениях. Основу («клеточку») средневекового социального порядка составляет сеньораж как патрон-клиентское отношение, вхождение в которое происходит через ритуал оммажа⁵. Каждый человек должен был быть «чьим-то». Это относилось не только к крестьянам, рыцарям, их сюзеренам вплоть до князей, королей и императора. Высшие церковные чины также считались князьями, нередко имели свои вооруженные силы⁶.

Сеньораж обычно включал установление отношений по всем четырем социальным универсалиям – «источникам власти» – сила, политическая власть, престиж и богатство⁷.

³ Ibid. С. 355-400; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. 544 p.]

⁴ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 105-106. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. Pp. 105-106.]

⁵ Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с. [Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. 504 p.]

⁶ Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 228-230. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. Pp. 228-230.]

⁷ Вебер М. «Объективность» социального и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведе-

¹ Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 943 с. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. 943 p.]; Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с. (Gurevich, A. Ya. Individ i sotsium na srednevekovom Zapade (Individual and Society in the Medieval West). Moscow: ROSSPEN, 2005. 424 p.)

² Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 355-400. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. Pp. 355-400.]

Серваж как аналог крепостной зависимости крестьян от землевладельцев первоначально относился к рабам (преимущественно пленным и их потомкам)⁸. Затем серваж распространился и на «свободных» крестьян, что в договорах обозначалось в терминах «под покровительством»⁹.

Три единства Московской Руси. Среди множества различий средневековых Московии и Европы выделим (гео)политический аспект. Католичество на протяжении всей истории развивалось в условиях принявших эту веру множества разнообразных политий – королевств, герцогств, союзов городов, олигархических республик, в той или иной мере подчинявшихся имперской власти, сила и авторитет которой менялись в широких пределах. Русское православие с XV в. было тесно связано с единым монархическим государством имперского типа (то есть удерживающим присоединенные инокультурные провинции преимущественно принуждением и силой).

Если глава Священной Римской империи избирался курфюрстами, не мог передавать власть наследнику, вынужден был считаться с королями, князьями, то великие князья, затем цари на Руси были полномочными правителями, получавшими и передававшими власть династически.

Что касается принципов социальных отношений, то обе традиции имеют в своей основе патримониальный принцип, когда подчиненные и покровительствуемые в какой-то мере уподобляются младшим родственникам или слугам, для которых сеньор (господарь) предстает как глава «дома», «отец» или «хозяин».

дения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-633. [Weber, M. «Об»yektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya ("Objectivity" of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge). In: Weber, M. Selected Works. Moscow: Progress, 1990. Pp. 602-633.]; Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

⁸ Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 255. [Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. P. 255.]

⁹ Ibid. С. 256-257.

Важнейший вопрос состоит в том, возможно ли вообще и при каких условиях перейти в другой «дом» к другому «хозяину». Хрестоматийный конфликт, известный по переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского, свидетельствует о существенном сдвиге именно в этом аспекте патронажа. Переход к другому господарю стал восприниматься как предательство, «измена», что означает фактически пожизненное прикрепление всех подданных, причем «служба» и «верность» обретают сакральное значение.

В целом, русская *служба* в XVI–сер. XVIII в. сдвигалась (в рамках европейских понятий) от сеньоража к государственному серважу. Разумеется, статусное и материальное положение разных слоев и сословий различалось очень сильно. Однако сохранялось и некое единство неотменяемого прикрепления, морально-религиозно обоснованного служения православному царю и отечеству¹⁰.

Реформация: конфликты, разрушающие святыни и порядки. В Европе всегда воевали, князья и другие вельможи конфликтовали с королями, короли – с императором. Папство (со своими землями и войском) находилось в средоточии конфликтов и войн. Однако настоящая турбулентность, приведшая к разрушению средневекового порядка происходит только с первых десятилетий XVI в.

В конфликтах нового типа хотя бы одна сторона отвергает саму структуру отношений, институциональную основу взаимодействий, а также сакральные символы: святыни, ранее непререкаемые ценности и принципы, по крайней мере, те, что фундаментировали отвергаемые отношения и институты¹¹. Собственно, здесь речь и идет о рас-

¹⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 361-367. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. Pp. 361-367.]; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 326-327. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISEN, 2006. Pp. 326-227.]

¹¹ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 87-100. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise

паде единств, скреплявших *Pax Christiana*: общей религии, церковной организации, империи, договорных отношений сеньоража¹².

Кризисные и переломные процессы в России XVII – нач. XVIII вв. Московская Русь переживала не меньшие потрясения, чем Европа периода Реформации, хоть и со сдвигом примерно на столетие. Смута 1603-1613 гг. поставила под вопрос базовые черты Московии: конфессиональную монополию православия и церкви, не только сохранение ранее присоединенных земель, но и само существование имперского государства, принцип службы из-за перипетий с престолом, самозванцами, «изменами».

С преодолением Смуты и воцарением династии Романовых единство царства было в основных чертах восстановлено, причем выстроенный социальный порядок оказался настолько прочным, что последующий «бунташный век» его не поколебал. Соборное Уложение 1649 г. строго прикрепило крестьян к земле и помещику.

При всех очевидных различиях Реформации в Европе и Раскола в Московском государстве обращают на себя внимание следующие неявные, но более глубокие сходства.

– В обоих случаях важнейшим мотивом политической и идейной поддержки новаций (реформ в Западной Европе и исправлений книг, новых обрядовых элементов в Московии) были геополитические и церковные амбиции: правители и священники Нидерландов, первых швейцарских кантонов, северогерманских земель и городов стремились отложиться от власти папства и вступившего в его защиту императора; московский царь и патриарх затеяли радикальную

реформу в связи с мечтами освобождения Константинополя («Второго Рима») от турок, восстановления великой православной империи и главенства во вселенской («кафолической») церкви¹³.

– В обоих случаях имели место общий паттерн крайне жестокого государственного насилия относительно «неправильно верующих» (гугенотов, еретиков, раскольников) и их отчаянное сопротивление с готовностью самопожертвования¹⁴.

– В обоих случаях значимой частью конфликта были вопросы о правильности и подлинности церковных книг, священных текстов, причем сторона, инициировавшая раскол, апеллировала к более древней, «изначальной» традиции, будь то греческий вариант Евангелия для Лютера и протестантов или греческие богослужебные книги для Никона и его приверженцев.

Общая платформа для сравнения позволяет четче обозначить кардинальное отличие итогов Раскола от результатов Реформации.

¹³ Корневский Н.И. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статья / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912, Т. III. С. 715-716. [Korenevsky, N.I. Tserkovnyye voprosy v Moskovskom gosudarstve v polovine XVII v. i deyatel'nost' patriarkha Nikona (Church Issues in Muscovy in the Mid-Seventeenth Century and the Activities of Patriarch Nikon). In: Dovnar-Zapolsky M.V. (ed.) (Russian History in Essays and Articles). Kiev, 1912, Vol. 3. Pp. 715-716.]; Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraaya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichey do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.]

¹⁴ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. С. 162-166. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraaya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichey do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. Pp. 162-166.]

and Decline of the State). Moscow: IRISEN, 2006. Pp. 87-100.]

¹² *Ibid.* С. 149-234; Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53-65; 2014. № 1. С. 31-40; 2014. № 2. С. 42-58; 2014. № 4. С. 43-50; 2014. № 5. С. 52-63. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regul'yarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // Voprosy Istorii, 2013, No. 2, pp. 53-65; 2014, No. 1, pp. 31-40; 2014, No. 2, pp. 42-58; 2014, No. 4, pp. 43-50; 2014, No. 5, pp. 52-63.]

В Московской Руси сохранились единство веры, единство церковной организации и обрядовое господство церковнославянского языка, территориальное единство имперского государства, базовое социальное отношение службы, опирающееся на вполне рабское крепостничество.

Последующий крутой перелом, совершенный Петром I, был во многом результатом целенаправленных заимствований военных и административных порядков из тогдашних флагманов европейского прогресса – Нидерландов, Англии, Швеции¹⁵. При этом, специфические российские единства были нарушены, а напротив, обрели еще более выпуклые особенности¹⁶.

Русское имперское государство получило уже официальное наименование «Российская империя», армия и административный аппарат были модернизированы, что дало долговременный эффект для вполне реальной «славы русского оружия» – геополитических триумфов XVIII в. и победы над Наполеоном в 1812 г.

Монополия православия была закреплена, хотя для благородного сословия была позволена изрядная доля приватного вольнодумия и даже масонства. Церковь превратилась в подчиненное административное ведомство. Отношение службы было упорядочено в «Табели о рангах» еще при Петре I. Крепостное рабство было утверждено и усилено, использовано для становления промышленности, позже даже усугублено в связи с введением дворянских вольностей

¹⁵ Нефедов С. А. Происхождение регулярно государства Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 43-50. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regulyarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2014, No. 4, Pp. 43-50.]

¹⁶ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. С. 176-180. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. *Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Rurikovichyey do oligarkhov* (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. Pp. 176-180.]

Петром III, что было затем подтверждено Екатериной II.

В целом, парадоксальным образом жестокие кризисы и крутые повороты, следующие европейским образцам, не поколебали старомосковское единство, а в основных аспектах даже его укрепили и упорядочили. При всем этом, Россия, как известно, была и остается по сию пору в положении «догоняющей» страны или даже «не способной догнать» в сравнении с ведущими державами Европы и дочерней североамериканской цивилизации¹⁷.

Распад и сохранение единства – расхождение следствий. Глобальное эволюционное значение европейской Реформации заключается в следующем:

– появились *суверенные национальные государства* с однозначным подданством, национальными системами законов, налогообложения, денег, армий, контроля над насилием, открывающие дальнейшие возможности расширения государственных забот, функций, служб (образование, медицина, полиция и проч.); такие государства стали затем *образцами политического развития* во всем мире;

– ожесточенные (преимущественно религиозные) войны этого периода сопровождались *ускоренным развитием военного дела*, ростам масштаба, организованности, вооруженности и мобильности европейских армий, что позволило вскоре после эпохи великих географических открытий (ок. 1500 г.) проводить европейцам глобальную геополитическую, геоэкономическую и геокультурную экспансию¹⁸;

¹⁷ Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра Культура, 2004. 320 с. [Kagarlitsky B. *Periferiynaya imperiya: Rossiya i mirosistema* (Peripheral Empire: Russia and the World System). Moscow: Ultra Culture, 2004. 320 p.]

¹⁸ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с. [McNeil, W. *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh* (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11-20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Buduschego, 2008. 454 p.]; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-

– именно в эту эпоху начались бурные процессы *секуляризации, светской бюрократизации, роста торгового и финансового капитализма, появились республиканские и парламентские модели правления* – исходные компоненты модернизации, которая со временем из европейской стала глобальной¹⁹;

– религиозные распри преодолевались через развитие и распространение идей свободы совести, «чья власть того и вера», веротерпимости, естественного права, признанных неотчуждаемых прав личности; эти идеи стали основным источником для развития *либеральных, гуманистических, демократических ценностей и принципов*, которые хотя и не стали доминирующими в современном мире, но составляют идейную основу наиболее авторитетных международных организаций, таких как ООН, в той или иной мере (хотя бы декларативно) утверждаются в конституциях большинства стран.

К чему же привели с таким трудом сохраненные аспекты единства в России?

Уверенная монополия православия делала ненужными споры и межконфессиональную борьбу, которые в Западной Европе завершились веротерпимостью и секуляризацией.

Подчиненность государству православной церкви долгое время обеспечивала ей преимущества религиозной монополии, но эта же огосударвленность после распада Российской империи в 1917 г. и при последующем установлении постреволюционного советского государства с официальным принудительным атеизмом сослужила церкви уже дурную службу.

Само по себе сохранившееся единство большого полиэтнического государства

1992 г. М.: Территория будущего, 2009. 328 с. [Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990-1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990-1992). Moscow: Territoriaa buduschego, 2009. 328 p.]

¹⁹ Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с. [Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.]

нельзя считать противоречащим модернизации. Британская империя в XVII–XX вв., США на протяжении всей своей истории, а с недавнего времени Китай показывают впечатляющие успехи, по крайней мере, в аспектах капиталистической индустриализации и построении эффективных, способствующих социальному и экономическому прогрессу бюрократий.

Здесь в роли дифференцирующего фактора выступает способ управления провинциями, характер взаимодействия с ними центральной власти.

В истории Московского государства, Российской империи и СССР использовались разные модели: от жесткого подавления и принуждения до попустительства «местным традициям». Чего не было, так это политических условий для роста самоуправляемых центров культурного, технологического, экономического развития, причем конкурентоспособных на мировых рынках²⁰.

В Западной Европе такие центры стали бурно расти уже в XVI в., чему не могли помешать ни довольно рыхлая Священная Империя, ни религиозные войны. После становления Вестфальской системы национальных государств такие центры получили значительную свободу развития, причем европейские войны подогревали конкуренцию и удивительным образом не препятствовали живейшему культурному и технологическому обмену²¹. Культурное разнообразие, высокая конкурентность, тесные культурные связи и готовность к заимствованиям – наиболее очевидные

²⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с. [Etkind, A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii (Internal Colonization. Imperial Experience of Russia). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2013. 448 p.]

²¹ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с. [McNeil, W. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI–XX vekakh (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11–20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Buduschego, 2008. 454 p.]

ключи к успехам в модернизации и ускорению развития²².

Сословность, государство и экономика – эффекты разделенности и единства. При распаде средневекового порядка договорного патронажа и феодальных отношений сословия в обществах Западной Европы отнюдь не исчезли. Победа короля над аристократической Фрондой во Франции (1648-1653 гг.), уверенное финансовое и военно-политическое доминирование купечества в Голландии, союз монархии с городской буржуазией в Дании с первой «Табелью о рангах» (1665 г.), становление абсолютистского «военного государства» в Швеции (1680 г.) – вот наиболее яркие примеры снижения политической роли знати в Европе²³. Главный же удар по самому принципу сословности был нанесен позже – Французской революцией 1789-1794 гг., после чего гражданское равенство в Европе довольно долго, с рыв-

ками и откатами устанавливалось вплоть до 1920-х гг.

В целом, европейская аристократия более конфликтно или более мягко, полностью или отчасти, но отказалась от наследственных прав на руководящие позиции в государстве, признала гражданское равенство. Даже при удержании высокого социального статуса и значительного богатства (включая родовые имения) общим является согласие аристократии на свою отделенность от государства.

Процессы секуляризации в Европе, также более конфликтные или более гладкие в разных странах, привели к почти полному отделению церкви от государства. Даже политические партии, в названии которых фигурирует христианство, отнюдь не подчинены церкви.

Совсем иным образом изменялось положение высших сословий в России. Бояре и служилое сословие в Московской Руси XVII в. превращались в дворян в несколько этапов: через отмену местничества (1682 г.), установление «Табели о рангах» Петром I (1722 г.), «Жалованную грамоту» Екатерины II (1785 г.) и 9й том «Свода законов Российской империи» (1832 г.). Общая тенденция этих изменений состояла в низложении политической роли высшей знати (бояр) через формальное приравнивание их дворянам²⁴, тогда как статус дворян определялся не родовитостью, а *службой государству* (царю и отечеству). При этом, имущественный аспект (вотчины и поместья) был вторичным, поскольку благосостояние дворян во многом или даже полностью стало определяться «беспорочностью» службы и монаршим благоволением. Фактически здесь идет речь о *теснейшем единстве дворян как служилого сословия с самодержавным государством*. Порядок предоставления наследственного и личного дворянства отличившимся в службе только укреплял это единство²⁵.

²² Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с. [Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.]; Розов Н.С. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 151-162. [Rozov, N.S. Uskoreniye istorii: prichinnyye mekhanizmy i predely (Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits) // *Obschestvennyye Nauki i Sovremennost'*, 2015, No. 6, pp. 151-162.]

²³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с. [Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990-1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990-1992). Moscow: Territoriaa buduschego, 2009. 328 p.]; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. 544 p.]; Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2013. № 12. С. 53-65; 2014. № 1. С. 31-40; 2014. № 2. С.42-58; 2014. № 4. С. 43-50; 2014. № 5. С. 52-63. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regulyarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2013, No. 2, pp. 53-65; 2014, No. 1, pp. 31-40; 2014, No. 2, pp. 42-58; 2014, No. 4, pp. 43-50; 2014, No. 5, pp. 52-63.]

²⁴ Ibid. С.А. Нефедов не без оснований называет фактический роспуск Петром I Боярской думы в 1699 г. «государственным переворотом».

²⁵ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с. [Karatsuba, I.V.;

Священники как особое духовное сословие фактически выполняли религиозно-дисциплинарную функцию того же государства, что было закреплено учреждением Петром I Священного Синода как одного из бюрократических ведомств.

Декабристское восстание 1825 г., направленное на введение конституции, преобразование самодержавия по европейским образцам, отражало также патриотические и государственнические настроения повстанцев. После жестокой расправы над декабристами династия Романовых в лице Николая I и Александра II потеряла доверие к благородному сословию, сделав ставку на чиновничество, набираемых преимущественно из окончивших университет разночинцев [Карацуба, Курукин, Соколов, 2006: 322-326]. Приверженность основной массы дворянства престолу была надломлена. Эту приверженность и единство с государством сохраняла (с оговорками) только высшая страза, поскольку сохраняла полное доминирование на верхних этажах власти.

Два типа обществ. Означает ли сказанное вред всякого единства, призыв к фрагментации, отчуждению, разрывам по-

литических, социальных и эмоциональных связей? Разумеется, это не так. Единства, скрепляющие общества, бывают очень разными. Есть большая накопленная традиция различений базовых принципов («матриц»), удерживающих территории и группы вместе, или типов «социального клея», если использовать излюбленную социологическую метафору:

- военный (милитаристский) и индустриальный (либеральный, демократический) типы общества²⁶;
- централизованная плановая экономика и меновая экономика²⁷;
- редистрибутивная и рыночная формы интеграции экономик²⁸;
- закрытое общество и открытое общество²⁹;
- автократия (неразделенная власть) и демократия (полиархия, коллегиально-разделенная власть)³⁰;

²⁶ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с. [Spencer, G. Opyty nauchnyye, politicheskiye i filosofskiyе (Essays: *Scientific, Political, and Speculative*). Minsk: Sovremennyi Literator, 1998. 1408 p.]; Клямкин И.М. Постмилитаристское государство // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 16-22. [Klyamkin, I.M. Postmilitaristskoye gosudarstvo (Post-Militaristic State). In: Klyamkin, I.M. (ed.) Rossiyskoye gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow). Moscow: New Publishing, 2007. Pp.16-22.]

²⁷ Ойкен В. Экономические системы // *THESIS*. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 18-27. [Oiken, V. Ekonomicheskiye sistemy (Economic Systems) // *THESIS*, 1993, Vol. 1, No. 2, pp. 18-27.]

²⁸ Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977 – 280 p.

²⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992 – 538 с. [Popper K. The open society and its enemies. Moscow: Phoenix, International Foundation for Cultural Initiative. 1992 –528 p.]

³⁰ Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37–48. [Dahl R. Polyarchy, Pluralism and Space. Voprosy filosofii. Russian Studies in Philosophy. 1994. No 3. P. 37–48]. Коллинз Р. Макроистория...С. 201–220.

Kuruikin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.]; Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с. [North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.]; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2010. 752 с. [Ivanova, N.A.; Zheltova, V.P. Sosloynoye obshchestvo Rossiyskoy Imperii (XVIII – nachalo XX veka) (The Estate Society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)). Moscow: New Chronograph, 2010. 752 p.]; Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // History and Theory. Studies in the Philosophy of History, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

– принудительно-интенсивный и капитал-интенсивный пути государственного развития³¹;

– раздаточная и рыночная экономики³²;

– институциональные матрицы X (уни-тарно-централизованное политическое устройство, раздаточная экономика, комму-нитарная идеология) и Y (федералистская политика, рыночная экономика, индивиду-алистская идеология)³³;

– ресурсное государство с сословиями, промыслами и государство с классами, авто-номными капиталами, бизнесами³⁴;

– естественное государство и порядок открытого доступа³⁵.

Самое простое – отнести характерный для России тип единства к первому элемен-ту каждой из указанных пар. Основания для этого есть, но такой подход не способ-ствует объяснению специфики социально-

политической истории России с циклами подъемов и упадков, перемежением стагна-ции и отставаний с рывками, колебаниями между попытками либерализации и автори-тарными откатами³⁶.

Характеристики военного, централизо-ванного, раздаточного, закрытого обществ в разные периоды истории и в разной доле есть практически во всех европейских дер-жавках (наиболее ярко в Швеции, Дании и Пруссии), о чем кроме вышеупомянутых Спенсера, Ойкена, Полани, Тилли, Кирди-ной, Норта писали также Мартин ван Кре-вельд, Уильям Макнил, С.А. Нефедов и др.

Какие же особенные факторы обуслов-ливают специфику социально-политической истории России?

Взаимосвязь факторов, порождающая российские циклы. Внимание к наиболее контрастирующим чертам кризисной эво-люции российской государственности по отношению к не менее кризисной эволюции европейских государств с учетом классиче-ских и современных концепций историче-ского пути России позволяет сформулиро-вать и концептуально связать между собой следующие тезисы.

В сфере политической географии, гео-политики и геокультуры:

– российское государство расширилось в огромных сухопутных пространствах, глав-ным образом, в XVII-XVIII вв., что закреп-ило главенство военно-принудительного

³¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европей-ские государства...

³² Бессонова О.Э. Раздаточная экономика Рос-сии. Эволюция через трансформацию. – М.: РОССПЭН, 2006 – 145 с. [Bessonova O. E. Handout economy of Russia. Evolution through transformation. Moscow: ROSSPEN, 2006 – 145 p.]

³³ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Из-дание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с. [Kirdina, S.G. Institutsional'nyye matritysy i razvitiye Rossii: vvedeniye v X-Y-teoriyu (Institutional Matrices and the Development of Russia: An Introduction to the X-Y-Theory). 3rd edition, revised, expanded and illustrated. Sankt-Petersburg: Nestor-History, 2014. 468 p.]

³⁴ Кордонский С. Сословная структура постсовет-ской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с. [Kordonsky, S. Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii (The Class Structure of Post-Soviet Russia). Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2008. 216 p.]

³⁵ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рам-ки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с. [North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye porjadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.]

³⁶ Подробнее о российских циклах см: Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.; Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: Циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 127 с. [Pantin, V. I.; Lapkin, V.V. Politicheskaya modernizatsiya Rossii: Tsikly, osobennosti, zakonomernosti (Political Modernization of Russia: Cycles, Features, Patterns). Moscow: Russkoe Slovo, 2007. 127 p.]; Розов Н.С. Ко-лея и перевал: макросоциологические осно-вания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с. [Rozov, N.S. Koleya i preval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke (Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21 Century). Moscow: ROSSPEN, 2011. 735 p.]

(«колониального») администрирования как средства удержания территорий и управления ими³⁷;

– вхождение России в круг европейских держав (особенно активное с воцарения Петра I), соответствующая конкуренция за престиж и влияние обусловили долговременные цели и направления государственной политики, среди которых, с учетом имеющихся возможностей, приоритетными стали военная мощь, величина территории и объем экспортной продукции, получаемой под государственным контролем и/или благодаря принудительному труду³⁸; после кризисов и даже распадов государственность восстанавливалась с тем же паттерном территориального управления (п.1) и теми же приоритетными целями.

В сфере базовых социальных отношений и стратификации:

– вследствие факторов (пп.1-2) был закреплен в качестве базового порядок военной службы, по образцу которого строилась и гражданская служба (бюрократия); остальные типы позиций и отношений – экономические, правовые, церковные, муниципальные, образовательные и проч. – либо принимали стандарты *порядка службы* (централизм, цепь командования, принудительность, сдача/раздача ресурсов), либо играли сугубо подчиненную, вспомогательную роль³⁹;

– вследствие распространенности военно-принудительного («колониального») администрирования (п. 1) не только в присоединенных провинциях, но и в хартленде государства вырос и воспроизводится в поколениях ментальный, культурный и имущественный разрыв (отсутствие вертикальной солидарности) между властью с примкнувшими элитами и основной массой населения. Этому способствует также стремление элит следовать пре-

стижным европейским образцам (в уровне потребления, повседневных практиках, даже в языке, п. 2) за счет эксплуатации соотечественников, воспринимаемых как «чужие» и «некультурные»;

В сфере религии, мировоззрения и морали:

– для достижения приоритетных целей (п. 2), для поддержания лояльности, контроля над умами служащих (п. 3) и остального населения (п. 4) власть всеми доступными средствами пытается утвердить монополию государственной религии (или принудительного атеизма), идеологию державности, патриотизма и т. п.; вместе с тем, высокий геокультурный престиж Европы, воспринятые в России сугубо европейские образование, наука и технологии, идеи и ценности социализма, демократии, прав человека, либерализма достаточно действенны для подрыва этой монополии в среде образованного класса и части бюрократии, для настроений и даже попыток либерализации в кризисные периоды (см. п. 8).

В сфере экономики и политэкономии:

– вследствие величины территории и богатства природных ресурсов (п. 1) власть и население преимущественно практикуют экстенсивный, а не интенсивный способ ведения хозяйства⁴⁰, что не способствует стремлениям к новациям, снижению издержек, накоплению капитала и инвестициям в новые конкурентоспособные предприятия;

– вследствие доминирующего типа территориального управления (п. 1), властных приоритетов (п. 2), базового порядка службы в социальных отношениях и институтах (п.3) и принимаемой/навязываемой идеологии (п. 5) власть не допускает правовую защищенность собственности и собственников или не способна долго с ней мириться; вместе с экстенсивностью хозяйствования (п. 5) это с неизбежностью это ведет к угасанию частных инвестиций,

³⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. 548 p.]

³⁸ Ibid. С. 26; 360-361.

³⁹ Ibid. С. 361-368; Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

⁴⁰ Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.; Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. 548 p.]

подавлению конкуренции, экономической стагнации, отставанию в технологиях, в том числе военных.

В сфере социально-политической динамики:

– успешная реализация нового порядка государственной службы (п. 3) вкупе популярностью обновленной державной идеологией (п.5) и благоприятными внешнеполитическими альянсами приводят к геополитическим триумфам (фаза «Успешная мобилизация»), за которыми из-за экономического и технологического отставания (п. 6) следует фаза «Стагнация», а после закономерных провалов на внешней арене и неизбежного обострения внутренних социальных конфликтов происходят революции, смены режима с возможностями государственного распада и гражданской войны (фаза «Кризис»). При политической победе сил с проевропейской идеологией (п. 4) делаются попытки перехода от порядка службы к правовому порядку (фаза «Либерализация»), которые проваливаются при отсутствии автономных от государства, влиятельных и ресурсно богатых социальных групп (п.3), которые могли бы оказывать поддержку этим начинаниям. После периода неопределенности восстанавливается, как наиболее привычный для всех групп и слов, порядок службы с централизацией, принуждением, сдачей/раздачей ресурсов (фаза «Авторитарный откат»), что при благоприятном стечении обстоятельств (см. выше) приводит к «Успешной мобилизации», а при отсутствии таковых – сразу к «Стагнации» или новому витку «Кризиса».

Порочность циклов такого рода состоит в уязвимости к кризисам, неспособности к самоподдерживающемуся росту, что блокирует непрерывность технологического, экономического, социального и культурного развития. Когда многие, даже ранее отсталые, страны включаются в этот рост, а прежние способы достижения государственного успеха через геополитическую экспансию блокированы, все «плюсы» от циклов этого типа и порождающего их жесткого единства политико-идеологической монополии (с характеристиками пп. 1-8) остаются в прошлом.

Устойчивые экономический рост, высокий уровень социального и культурного развития обществ, переживших в свое время этапы «военного государства» и даже тоталитаризма (Швеция, Дания, Германия) позволяет судить о том, что действительной социальной и исторической альтернативой жесткому единству является вовсе не распад (фрагментация), а единство, основанное на общей платформе моральных и правовых принципов, на признании и поддержке соответствующих институтов и практик.

Литература:

- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006. 145 с.
- Блок М.* Феодалное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-633.
- Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с.
- Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37-48.
- Дэвис Н.* История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 943 с.
- Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2010. 752 с.
- Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра Культура, 2004. 320 с.
- Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Юриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
- Клямкин И.М.* Постмилитаристское государство // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 16-22.
- Коллинз Р.* Макростория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
- Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
- Кореневский Н.И.* Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статья / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912, Т. III. С. 715-716.
- Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т.1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с.
- Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12.

C. 53-65; 2014. № 1. С. 31-40; 2014. № 2. С. 42-58; 2014. № 4. С. 43-50; 2014. № 5. С. 52-63.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.

Ойкен В. Экономические системы // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 18-27.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: Циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 127 с.

Поттер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 538 с.

Розов Н.С. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151-162.

Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОС-СПЭН, 2011. 735 с.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.

Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977. 280 p.

References:

Bessonova, O.E. Razdatochnaya ekonomika Rossii. Evolyutsiya cherez transformatsiyu (Handout Economy of Russia. Evolution through Transformation). Moscow: ROSSPEN, 2006. 145 p.

Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. 504 p.

Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dritel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.

Crevel, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISEN, 2006. 544 p.

Dahl, R. Poliarkhiya, plyuralizm i prostranstvo (Polyarchy, Pluralism and Space) // *Voprosy filosofii. Russian Studies in Philosophy*, 1994, No 3, pp. 37-48.

Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. 943 p.

Etkind, A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii (Internal Colonization. Imperial Experience of Russia). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2013. 448 p.

Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.

Gurevich, A.Ya. Individ i sotsium na srednevekovom Zapade (Individual and Society in the Medieval West). Moscow: ROSSPEN. 2005. 424 p.

Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

Ivanova, N.A.; Zheltova, V.P. Sosloynoye obshchestvo Rossiyskoy Imperii (XVIII – nachalo XX veka) (The Estate Society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)). Moscow: New Chronograph, 2010. 752 p.

Kagarlitsky B. Periferiyayaya imperiya: Rossiya i mirosistema (Peripheral Empire: Russia and the World System). Moscow: Ultra Culture, 2004. 320 p.

Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoju istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichyey do oligarkhov (Choosing History. “Forks” on the Course of Russia: from Rurikovich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.

Kirdina, S.G. Institutsional'nyye matrity i razvitiye Rossii: vvedeniye v X-Y-teoriyu (Institutional Matrices and the Development of Russia: An Introduction to the X-Y-Theory). 3rd edition, revised, expanded and illustrated. Sankt-Petersburg: Nestor-History, 2014. 468 p.

Klyamkin, I.M. Postmilitaristskoye gosudarstvo (Post-Militaristic State). In: Klyamkin, I.M. (ed.) Rossiyskoye gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow). Moscow: New Publishing, 2007. Pp.16-22.

Kordonsky, S. Sosloynaya struktura postsovetsskoy Rossii (The Class Structure of Post-Soviet Russia). Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2008. 216 p.

Korenevsky, N.I. Tserkovnyye voprosy v Moskovskom gosudarstve v polovine XVII v. i deyatel'nost' patriarkha Nikona (Church Issues in Muscovy in the Mid-Seventeenth Century and the Activities of Patriarch Nikon). In: Dovnar-Zapolsky M.V. (ed.) (Russian History in Essays and Articles). Kiev, 1912, Vol. 3. Pp. 715-716.

Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

McNeil, W. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11-20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Budushego, 2008. 454 p.

Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: “Dmitry Bulanin”, 1999. 548 p.

Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regul'yarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2013, No. 2, pp. 53-65; 2014, No. 1, pp. 31-40; 2014, No. 2, pp. 42-58; 2014, No. 4, pp. 43-50; 2014, No. 5, pp. 52-63.

North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.

Oiken, V. Ekonomicheskiye sistemy (Economic Systems) // THESIS, 1993, Vol. 1, No. 2, pp. 18-27.

Pantin, V.I.; Lapkin, V.V. Politicheskaya modernizatsiya Rossii: Tsikly, osobennosti, zakonornosti (Political Modernization of Russia: Cycles, Features, Patterns). Moscow: Russkoe Slovo, 2007. 127 p.

Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977. 280 p.

Popper, K. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi (The Open Society and Its Enemies). Moscow: Phoenix, International Foundation for Cultural Initiative, 1992. 528 p.

Rozov, N.S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke (Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21 Century). Moscow: ROSSPEN, 2011. 735 p.

Rozov, N.S. Uskoreniye istorii: prichinnyye mekhanizmy i predely (Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits) // *Obschestvennyye Nauki i Sovremennost'*, 2015, No. 6, pp. 151-162.

Spencer, G. Opyty nauchnyye, politicheskiye i filosofskiy (Essays: Scientific, Political, and Speculative). Minsk: Sovremennyyi Literator, 1998. 1408 p.

Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990-1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990-1992). Moscow: Territoriaa buduschego, 2009. 328 p.

Weber, M. «Ob'yektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya ("Objectivity" of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge). In: Weber, M. Selected Works. Moscow: Progress. 1990. Pp. 602-633.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046

DIVERGING SOCIAL ORDERS OF EUROPE AND RUSSIA AFTER THE MIDDLE AGES, AND LONG-TERM POLITICAL CONSEQUENCES

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 08.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 25.10.2019</p>	<p>Abstract: Medieval Europe before the Reformation and Moscow Russia before the Troubles are viewed in an ideally-typical manner as carriers of basic social and mental unities: faith and church organization, sacred empire as the Rome's successor, basic social relations. As a result of the Reformation and the religious wars each of the European unities was destroyed, but parts of the former Pax Christiana continued to closely interact and compete with each other, to fight for leadership, that led to intensive modernization of the leading Western European powers with known global consequences. Moscow State after the Time of Trouble restored its unity in all three aspects. The features of the state and society here were significantly transformed as a result of the Schism, the formation of the Russian empire, administrative reforms of the 18–19 centuries, but the basic properties of etatism, centralism, priority of service, and power instrumentalization of the moral and religious sphere remained. The Russian social-political cycles have the phases: successful mobilization, stagnation, crisis, attempts of liberalization, authoritarian scroll-back. The cyclical dynamics is explained by the interrelation of the following factors: 1) the primacy of military-compulsory ("colonial") administration as a means of retaining and managing vast territories; 2) the state priorities of military power, size of the territory, and the volume of export products; 3) the order of military service as a basic model for political and social institutions; the corresponding weakness of autonomous capital and business activity; 4) the mental, cultural and property gap (lack of vertical solidarity) between the elites and the bulk of the population. 5) the monopoly of state religion (or forced atheism). Thus, unity of political power, religious and ideological monopoly can lead a country to military triumphs and even geopolitical success for decades but in <i>the longue duree</i> this unity generates vulnerability.</p>
<p>About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor, Department of International Relations and Area Studies, Novosibirsk State Technical University</p> <p>e-mail: nrozov@gmail.com</p>	
<p>Key words: political comparison; social order; empire; Reformation; Schism; Russian cycles; history of Europe; history of Russia; estates; patronage; state service</p>	

Для цитирования: Розов Н.С. Дивергенция социальных порядков Европы и России при выходе из средневековья и долговременные политические следствия // *Сравнительная политика*. – 2019. № 4 – С. 120-132.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046

For citation: Rozov, Nikolai S. Divergentsiya sotsial'nykh poryadkov Yevropy i Rossii pri vykhode iz srednevekov'ya i dolgovremennyye politicheskiye sledstviya (Divergention of Social Orders of Europe and Russia after the Middle Ages, and Long-Term Political Consequences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 120-132.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046

НАПРАСНЫЕ ВОЙНЫ: РАБОТАЕТ ЛИ МОДЕЛЬ ТИЛЛИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Николай Юрьевич Силаев

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

Ирина Вячеславовна Болгова

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 августа 2019 <i>Принята к печати:</i> 25 октября 2019</p>	<p>Аннотация: Влиятельная теория Чарльза Тилли о связи военной активности и государственного строительства в Европе Нового и Новейшего времени много применялась для анализа развития государственности за пределами Европы и Северной Америки. Однако она лишь ограничено – в части борьбы и переговоров между государством и гражданами об изъятиях ресурсов в пользу государства – использовалась для анализа посткоммунистических трансформаций. Между тем, постсоветское пространство с его многочисленными неурегулированными конфликтами дает немало материала и для проверки собственно «военной» составляющей этой теории. Большинство авторов согласны с тем, что международный порядок, установившийся после Второй мировой войны, не допускает буквального воспроизводства схемы возникновения европейских национальных государств, разработанной Тилли. Данная статья показывает, что, хотя постсоветские конфликты имеют большое символическое значение для постсоветских государств, их материальное влияние на динамику государственных доходов и укрепление государственных институтов минимально. Это объясняется геополитическим контекстом, сложившимся вокруг конфликтов, в котором наращивание военной мощи вовлеченного в конфликт государства не может служить достаточным условием для его разрешения в желательном для этого государства направлении.</p> <p><i>Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002)</i></p>
<p>Об авторах: <i>Н.Ю. Силаев</i>, старший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: nikolai.silaev@gmail.com <i>И.В. Болгова</i>, доцент, кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Чарльз Тилли; государственное строительство; государственная состоятельность; постсоветское пространство; Грузия; Армения; Азербайджан; Украина; Молдова</p>	

Формула Чарльза Тилли о роли войн в генезисе национальных государств в Европе («*war made the state, and the state made war*») – «война создала государство, государство вело войну»¹ породила большую

¹ Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

дискуссию о ее применимости к миру за пределами Европы и, с оговорками, Северной Америки. Модель Тилли, как и другие теории, связывающие войну и строительство государств, проверялась на материалах Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока.

Посткоммунистический мир и особенно пространство бывшего СССР дает немало примеров того, как возникшие новые

государства вовлекались в тяжелые и разрушительные войны. Да, все эти войны в подавляющем большинстве академических исследований квалифицируются как внутренние, в то время как для модели Тилли определяющее значение имеют межгосударственные вооруженные конфликты и ориентированные на них военные приготовления. Но, во-первых, вооруженные конфликты, возникшие в результате распада СССР, страны-участники нередко характеризуют как борьбу с внешним агрессором, а не подавление повстанцев или гражданскую войну. Не важно в данном случае, в какой мере эта характеристика разделяется всеми сторонами конфликта, важно, что она ложится в основу политического курса государства². Во-вторых, вопрос об эффекте, который оказывают гражданские войны на строительство государств, дискуссионный. Наряду с примерами того, как гражданская война вела к деградации и ослаблению государственных институтов³, имеются и примеры обратного. Один из очевидных – Гражданская война в России 1918-1922 годов и иностранная интервенция как её важная составляющая, по итогам которой большевики построили исключительно сильную государственную машину.

Семь бывших советских республик из пятнадцати оказались вовлечены в вооруженные конфликты с большим или меньшим

временным лагом после распада СССР. Во многих случаях состояние конфликта, иногда в условиях эффективного режима прекращения огня, иногда со спорадическими вспышками боевых действий, длится на протяжении лет и десятилетий, и заставляет государство вести долгосрочные военные приготовления. Задачам нашего анализа отвечают пять стран. Это Азербайджан и Армения (конфликт вокруг Нагорно-Карабахской республики), Грузия (конфликты в Абхазии и Южной Осетии), Молдавия (конфликт в Приднестровье), Украина (конфликт на Донбассе). России (конфликт в Чечне, война в Грузии в 2008 г., операция в Сирии с 2015 г.) из этого ряда нужно исключить. Во-первых, она относится к числу политий, которые в Новое и Новейшее время сформировали сначала европейский, а затем мировой международный порядок, пройдя описанную Тилли траекторию государственного строительства параллельно с иными европейскими государствами, и, с этой точки зрения, сравнение с иными постсоветскими странами в оговоренной нами перспективе для нее нерелевантно⁴. Во-вторых, хотя можно уверенно предположить, что война и военные приготовления и сейчас играют важную роль в развитии российских государственных институтов, определяющие стимулы здесь создает не региональная (постсоветская), а глобальная международная обстановка, что также выводит Россию из постсоветского сравнительного ряда. Особый случай представляет и Таджикистан. Гражданская война в этой стране (1992 – 1997) не носила характер сецессионистского конфликта и не создала ситуацию, которое государство расценивало бы как долговременную и опасную внешнюю военную угрозу. Вопрос о влиянии гражданской войны в Таджикистане на судьбу его государственности заслуживает отдельного исследования, но его едва ли можно напрямую сопоставить с иными постсоветскими случаями.

² Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Современная Европа. 2016. № 2. С. 33-37. [Danilov, D.A. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnyye posledstviya dlya rossiysko-ukrainskikh otnosheniy (The Ukrainian National Security Strategy: Possible consequences for the Russian-Ukrainian relations) // *Sovremennaya Evropa*, 2016, No. 2, pp. 33-37.]

³ Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332. Одна из самых цитируемых работ о гражданских войнах после 1945 г. расценивает слабость государственных институтов как ключевой фактор возникновения гражданских войн: Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

⁴ Сам Тилли рассматривает Россию как пример основанной на принуждении (coercive-intensive) траектории генезиса государственности (Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990-1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.)

Рассматривая выделенные примеры постсоветских вооруженных конфликтов, авторы задаются следующими вопросами: как модель Тилли работает в отношении развития государственности на постсоветском пространстве в контексте существующих вооруженных конфликтов? До какой степени эти конфликты способствуют укреплению государственности? Какие факторы определяют реакцию постсоветских государств на военную угрозу (или факторы, воспринимаемые ими в качестве таковой)? С какими регионами мира можно сопоставить постсоветское пространство в перспективе взаимного влияния войны и государственности?

Война и государственность вне Европы

Тезис о существенном взаимном влиянии войны и генезиса институтов современных государств был сформулирован давно, и в разных формах с ним соглашались авторы, принадлежащие к различным исследовательским традициям. Самуэль Хантингтон назвал войну крупнейшим стимулом к государственному строительству. Он провел прямую аналогию между эволюцией европейских государств в XVII веке и военно-техническими, а затем и политическими модернизациями в Османской империи XVIII – XIX в., в Египте при Мухаммеде Али и в Японии эпохи Мэйдзи, тем самым перенося европейский опыт в неевропейский контекст⁵. Ранее Норберт Элиас описал конкуренцию территориальных монополий насилия – от отдельных феодалов до национальных государств Нового времени – как основной процесс европейской и мировой истории. В ходе этого процесса идёт постоянное вытеснение, подчинение, уничтожение проигравших политических сообществ. Параллельно с этим растёт внутренняя сложность сообществ-победителей, возникают устойчивые аппараты господства, монополии насилия дополняются монополиями на сбор налогов⁶. Уильям Мак-Нил

показал, как развитие военных технологий и принципов ведения войны влекло за собой изменение административных практик и усложнение государственных институтов⁷. Брюс Портер в своей книге буквально воспроизвел основной тезис Тилли о взаимозависимости войны и создания государства, причем, помимо европейской истории Нового времени, с уверенностью распространил его также и на этнические конфликты в бывших СССР и Югославии⁸.

Схема Тилли, описывающая происхождение европейских государств, связывает между собой три процесса: (1) расширение военной активности, (2) экспансию государства как организации, извлекающей ресурсы подвластного населения для ведения войн, (3) усложнение институциональной структуры государств, т. е. возникновение бюрократии, политического участия и гражданства. Согласно этой схеме, усиливающаяся военная активность европейских государств Нового времени требовала все больших ресурсов: прежде всего, людей, мобилизованных для службы в армиях, а также денег для строительства этих, технически все более оснащенных, армий и ведения все более дорогостоящих войн. Это требование побуждало государства к экспансии в те социальные сферы, где оно ранее не присутствовало, к внедрению все более совершенных систем контроля за населением, преследующих цели изъятия ресурсов в виде рекрутов и налогов. Экспансия порождала сопротивление в виде бунтов

нетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: 2001. 332 с. [Elias, N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proyekt teorii tsivilizatsii (The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations). Moscow, SPb: 2001. 332 p.]

⁷ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М., 2008. 454 с. [McNeill, W. V pogone za mosch'yu (The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000). Moscow, 2008. 458 p.]

⁸ Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

⁵ Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 123.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: 2001. 332 с.

против новых налогов или новых механизмов контроля, навязываемых государством. Соппротивление подавлялось или приводило к сделке между государством и населением (или отдельными группами населения) об условиях изъятий. Из циклов экспансии, борьбы и сделок возникли национальные государства с их бюрократией, гражданством и демократическими институтами⁹. Вариации в исторических траекториях развития европейских государств были порождены соотношением принуждения и капитала: государства могли извлекать ресурсы для ведения войн, преимущественно концентрируя в своих руках ресурс принуждения (Россия, Пруссия) или ресурс капитала (итальянские города-государства, Голландская республика); возможен был и путь развития государственности, приблизительно в равной мере опиравшийся как на принуждение, так и на капитал¹⁰ – путь наиболее могущественных национальных государств Европы.

Опыт применения этой модели к становлению государств Третьего мира противоречив. Некоторые авторы расценивали насилие в странах Третьего мира как аналог ранней фазы строительства государств в Европе. Юсеф Коэн, Брайан Браун и А.Ф.К. Органски полагали, что укрепление новых государств сопровождается ростом насилия; они назвали этот процесс «первоначальным накоплением власти»¹¹. Кэмерон Тайс, сравнивая интенсивность соперничества между государствами Третьего мира и их способность извлекать доходы из подвластного населения (*extractive capacity*), пришел к выводу, что описанный Тилли механизм продолжает работать. Наличие соперников побуждало государства к тому, чтобы усиливать свою институциональную мощь, выраженную в способности извлекать доходы. Тайс напрямую соотнес этот

процесс с опытом Европы раннего нового времени¹². Особенность подхода Тайса заключается в том, что в своем анализе он перенес фокус с войн между государствами (ставших сравнительно редким явлением в мире после Второй мировой войны) на соперничество между ними, выраженное в интенсивности военизированных межгосударственных споров¹³. Опираясь на эти данные, он провел ряд исследований государственного строительства в отдельных регионах мира. В частности, Тайс проверил выводы Мигеля Сентено о государственном строительстве в Латинской Америке. Подтвердив выводы Сентено о слабом влиянии войн на экстрактивную способность государств этого региона, он отметил, что межгосударственное соперничество, напротив, усиливало эту способность¹⁴. Мохаммед Айюб полагал, что исторический срок наблюдений за строительством государств в Третьем мире попросту недостаточен для того, чтобы в этом процессе явно проявили себя процессы, аналогичные тем, что привели к формированию европейских государств¹⁵. Майкл Манн не усматривал значительных отличий между командирами вооруженных групп в самых нестабильных странах Третьего мира и вождями любых досовременных политических режимов в Европе и где бы то

⁹ Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

¹⁰ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

¹¹ Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

¹² Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

¹³ База данных Military Interstate Disputes (MID) проекта Correlates of War. Тайс опирался на версию MID 3.0 (Ghosn, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard_Library_Sources/Correlates_of_War/Historical_Military_Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf).

¹⁴ Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465. Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731

¹⁵ Ayoob, M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System*. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

ни было – за исключением автоматического оружия и банковских ячеек в Швейцарии¹⁶.

Доминируют, однако, подходы, предполагающие значительные различия между европейскими и неевропейскими историческими траекториями государственного строительства. Сам Тилли посвятил главу в книге «Капитал, принуждение и европейские государства, 990-1990 гг.»¹⁷ развитию государственности в Третьем мире после Второй мировой войны. Его позиция состояла в том, что международные условия существенно изменились, и воспроизводство раннего европейского опыта едва ли возможно, хотя ключевые переменные капитала и принуждения, их накопления и концентрации по-прежнему определяют динамику строительства государств. Он также отметил усиливающуюся тенденцию к тому, чтобы организационные формы государств определялись не столько «изнутри», в результате борьбы и переговоров государства и населения, а «извне»: через институциональное наследие колониальных администраций, заимствования формального конституционного устройства, внешнюю помощь в строительстве государственных институтов, особенно армий. Тезис об определении «извне» организационных форм государства и самой государственности связан еще с одним пунктом рассуждений Тилли: случаи территориальных захватов после Второй мировой войны стали исключением, и армии сосредоточились на репрессиях против гражданского населения, борьбой с повстанцами и захвате власти. «Правительства стали менее устойчивыми, в то время как границы стали более защищенными»¹⁸.

Многие авторы соглашаются в том, что запрет на территориальные захваты и завоевание других государств, эффективно – в сравнении с другими периодами истории – действующий в мире после Второй мировой

войны, качественно изменил условия развития государственности и сделал если не невозможным, то весьма затруднительным генезис сильных государственных институтов по ранней европейской модели. Статус независимого государства – члена международного сообщества трудно обрести: для этого должны совпасть многие обстоятельства, большинство которых не во власти претендента¹⁹. Но утратить этот статус еще труднее: после 1945 г. случаи гибели государств в результате завоевания практически исчезли²⁰. Между тем, модель Тилли предполагает жестокий «естественный отбор»: те европейские государства, которые не могли соответствовать возрастающим требованиям военной мощи и административной эффективности, прекращали свое существование, становясь добычей более сильных соседей. Афоризм о войнах, которые создают государства, подразумевает, что войны же их и уничтожают. После 1945 г. «естественный отбор» перестал работать.

Роберт Джексон описал эту проблему через понятие «негативного суверенитета». По аналогии с «негативной свободой» Исайи Берлина, негативный суверенитет предполагает свободу от внешнего вмешательства. Государство приобретает таковой в силу признания в качестве равноправного независимого члена международного сообщества. Позитивный суверенитет в свою очередь, касается не формальных, а содержательных сторон государственности и заключается в способности государств предоставлять политические блага своим гражданам²¹. Государства, обладающие негативным, но не позитивным суверенитетом, Джексон обозначил как «квазигосудар-

¹⁶ Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp.115-140.

¹⁷ Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990–1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

¹⁸ Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990–1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. Pp. 203, 207.

¹⁹ Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467; Coggins, B. Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

²⁰ Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

²¹ Jackson, R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 27, 29.

ства»: признанные члены международного сообщества, неспособные выполнять ключевые государственные функции на своей собственной территории.

Отсутствие внешней угрозы существованию государств как фактор, ослабляющий стимулы к строительству сильных институтов, отметили многие исследователи. Джефри Хербст писал, что государства Африки в отсутствие угрозы внешнего завоевания не могли ни сосредоточить за счет налогов в своих руках необходимые ресурсы, ни консолидировать население на основе общей идеологии, подобной европейскому национализму²². Джоэл Мигдал полагал, что в стабильной биполярной международной системе при отсутствии или минимуме внешних рисков правители государств не видели необходимости противостоять носителям неформальной власти (*strongmen*) и усиливать государственность для мобилизации ресурсов. Немногочисленные исключения в Третьем мире составляют государства, столкнувшиеся со значительной внешней военной угрозой²³.

Имеет значение также характер военных конфликтов и источники финансирования войны, к которым прибегали государства Третьего мира. Мигель Сентено видит основное отличие государств Латинской Америки от европейских государств в том, что последние пережили не просто исторический опыт войн, но исторический опыт тотальных войн, сопровождавшихся тотальной мобилизацией людей и ресурсов. Он проследживает несколько волн таких войн в Европе, начиная с войн революционной Франции и Наполеона и заканчивая Первой и Второй мировыми войнами. Подобных по масштабу и социальным последствиям конфликтов в Латинской Америке не было, и поэтому государственность здесь носит столь же ограниченный характер, как и война²⁴. Сентено

²² Herbst, J. War and the State in Africa // *International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

²³ Migdal, J. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. Pp. 273-274.

²⁴ Centeno, M. Limited War and Limited States. In: *Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation*, ed. by Diane E. Davis and

отмечает, что сравнительная доступность внешних кредитов наряду с неразвитостью собственных экономик приводили страны Латинской Америки к тому, что они финансировали свои войны за счет долгов, а не усиления экстрактивной способности государств²⁵. «Вместо государств, построенных “железом и кровью” они строили государства “кровью и долгами”»²⁶. Схожий эффект оказывала и международная торговля: государство, чьи доходы зависят от экспорта одного или нескольких сырьевых товаров, не испытывает необходимости в том, чтобы энергично собирать налоги с подвластного населения, достаточно контролировать ключевые предприятия и внешнюю торговлю; это один из факторов неустойчивости правительств во многих странах Третьего мира²⁷. Анна Леандер считает, что контроль над капиталом, критически важный для состоятельности государств в теории Тилли, в современных условиях означает контроль над доступом к международным финансовым ресурсам. Это создает для правителей структуру стимулов, принципиально отличную от той, с которыми сталкивались ранние европейские государства. По мнению Леандер, это, наряду с другими факторами, делает предложенную Тилли модель неприменимой к анализу развития современных государств²⁸.

Исследования, сосредоточенные на изучении траекторий развития государств в мире или больших его регионах в целом, предполагали широкие обобщения. Описывая общие тенденции, почти все авторы в то же время говорили и об исключениях, когда

Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 83.

²⁵ Centeno, M. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. Pp. 132-134.

²⁶ Ibid. P. 23.

²⁷ Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990–1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

²⁸ Leander, A. Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World. In: *Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research*. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

на Ближнем Востоке, в Восточной Азии или Латинской Америке на фоне слабых соседей выделялись сильные государства, своим позитивным суверенитетом (если обращаться к категориям Роберта Джексона) не уступавшие «старым» государствам Европы и Северной Америки. Разные авторы среди таких государств называли Кубу, Китай и Тайвань, Вьетнам, Израиль, Южную Корею. Уникальность ряда случаев или глубокие различия в исходах государственного строительства в странах, переживших схожие внешние вызовы или находившихся в состоянии вооруженного противоборства, породили узкие сравнительные исследования. Так, Майкл Барнетт сравнил траектории развития государственности в Израиле и Египте²⁹. Брайан Тейлор и Роксана Ботеа сравнили исходы государственного строительства во Вьетнаме и в Афганистане – двух странах, переживших во второй половине XX в. наиболее продолжительные гражданские войны, сопровождавшиеся иностранным военным вмешательством. Исходы оказались противоположными. В то время как Вьетнам создал сильные государственные структуры, в Афганистане таковые практически исчезли. Тейлор и Ботеа считают, что это различие объясняется двумя причинами: сравнительной этнической гомогенностью и широко разделяемой революционной идеологией, которые существовали во Вьетнаме, но не в Афганистане. Их вывод в том, что модель, предложенная Тилли, продолжает действовать, и две страны представляют две стороны знаменитого афоризма: государство, вышедшее из войны победившим и укрепившимся, и государство, не пережившее войну. Отличие от раннего европейского опыта в том, что проигравший теперь не утрачивает формальный суверенный статус³⁰ – он сохраняет негативный суверенитет, практически не имея позитивного.

²⁹ Barnett M. *Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

³⁰ Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Исследования постсоветской государственности

Академические исследования процессов государственного строительства, состоятельности, эффективности государственных структур на постсоветском пространстве пережили эволюцию, сходную с той, которую прошли исследования государственности стран Третьего мира в 1950-60-х годах. Тогда накапливающийся эмпирический материал опроверг теорию политического развития, рассматривавшую трансформацию этих государств как последовательное продвижение к заранее известному результату: доминирующему на Западе национальному государству с широким гражданским участием³¹. В первое десятилетие после распада СССР анализ внутривнутриполитических процессов вписывался в общие теории демократического транзита или постколониальные исследования³², которые предполагали возможность широкой генерализации и переноса на изучение становления новых независимых государств опыта государственного строительства в других регионах и в другие исторические периоды³³. Наблюдаемая реальность, однако, скорее свидетельствовала против объяснительной ценности данных подходов. Это повлияло на снижение внимания к исследовательскому инструментарию теорий демократического транзита³⁴ при анализе

³¹ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. Pp. 192-194.

³² Kuzio, T. *History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space* // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

³³ Одна из наиболее частых точек отсчета – модель Р. Брубейкера, разработанная для европейских государств в межвоенный период: Brubaker, R. *Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutionalist Account* // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

³⁴ Carothers, T. *The End of the Transition Paradigm* // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21; Gel'man, V. *Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building* // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104; Cappelli, O. *Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

тенденций развития государственных институтов на постсоветском пространстве.

Одним из выделяемых недостатков теорий демократического транзита применительно к постсоветскому пространству является чрезмерное внимание к процессу переноса нормативной структуры, направленной на повышение эффективности государственного аппарата, без учета параметра уже существующего избытия формальных и неформальных правил функционирования³⁵. Кроме этого, важный для постсоветского пространства вопрос конфликтного урегулирования в государствах с самопровозглашенными территориями долгое время предполагалось возможным разрешить с участием внешнего вмешательства, которое должно иметь целью установление общих институтов и создания условий для взаимной аккомодации³⁶.

Несоответствие обобщенных теоретических подходов и эмпирической специфики привело к появлению большого количества исследований, которые выделяют постсоветское пространство в отдельный региональный блок, заслуживающий самостоятельного аналитического рассмотрения, основанного на специфических структурных факторах³⁷. Часть из них фокусировалась вокруг неопатримониальной парадигмы, согласно которой на постсоветском пространстве отсутствует рационально-легальное в веберовском понимании государство, что делает нерелевантным анализ его эффективности с либеральных позиций³⁸. Однако данный подход не объясняет, почему в расширенной хронологической перспективе патерналистские режимы могут быть эффективными с точки зрения государственной состоятельности, несмотря на недостаточ-

ный для идеал-типической призмы уровень развития институтов³⁹.

В условиях, когда пути развития бывших советских республик были очевидно несходными, исследователи сосредоточились на фиксации и объяснении различий в траекториях политической трансформации внутри множества постсоветских государств. Один из них определялся дихотомией “демократизация – дедемократизация”⁴⁰. В этой логике вопрос о государственной состоятельности не артикулировался, так как исследовательское внимание было прежде всего сфокусировано на инструментах экспансии демократических или авторитарных режимов на соседние государства⁴¹. Объектами анализа в первом случае выступает ЕС⁴², во втором Россия и её внешняя политика на постсоветском пространстве⁴³.

³⁵ Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

³⁶ Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

³⁷ Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

³⁸ Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-Patrimonial Perspective // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

³⁹ Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411. К.В. Мельников отмечает, что, широко используя неопатримониальную парадигму, исследователи концентрируются на разных наборах характеристик, и это делает актуальной классификацию уже самих неопатримониальных режимов; без такой классификации понятие рискует стать малооперациональным: Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68-81. [Mel'nikov, K.V. Neopatrimonializm: klassifikatsiya kak sposob preodoleniya kontseptnykh natyazhek (Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2018, No. 2, pp. 68-81.]

⁴⁰ Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165. Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? *International Politics and National Political Regimes* // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 1-15.

⁴¹ Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

⁴² Emerson, M. (ed.) *Democratization in the European Neighborhood*. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005; Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

⁴³ Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color

Другой подход к описанию и объяснению различий между постсоветскими государствами связан с вопросом не об их демократизации, но об их государственной состоятельности. При этом ряд авторов опираются на анализ как внешних, так и внутренних факторов государственной состоятельности.

Так, А. Цыганков классифицировал постсоветские государства от слабых (*weak*) к жизнеспособным (*viable*)⁴⁴. Он оценивал, в частности, способность правящих элит прагматично оценить и адекватно использовать ряд структурных характеристик: традицию государственности; зависимость от российской экономической помощи; геополитическое положение; конкуренцию внерегиональных великих держав и конвертируемые на глобальном рынке ресурсы.

Вместе с тем, на основании подробного анализа существующих в политической науке подходов к пониманию «государственной состоятельности»⁴⁵ российские авторы

Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434; Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp.185-202; Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118; Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its 'Near Abroad' // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

⁴⁴ Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

⁴⁵ Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. С. 118-132 [Meleshkina, E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoy sostoyatel'nosti: kakie uroki mi mozhem izvlech? (Studies on Statehood: What Lessons Can We Learn?) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 2, pp. 118-132.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8-23. [Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu

делают общий вывод о недостаточно универсальном характере большинства концепций и их частичной применимости к процессам, происходящим на постсоветском пространстве. Одно из важных в контексте данного исследования замечаний касается нелинейного характера зависимости между военными расходами и государственной состоятельностью в условиях современной международной среды⁴⁶.

Российская политологическая школа исследований государственной состоятельности⁴⁷ в том числе задаётся вопросом о соотношении процессов демократизации и государственной состоятельности⁴⁸ и приходит

sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskaya issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 49-68. [Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskaya issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.]

⁴⁶ Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

⁴⁷ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. М.: 2007. 276 с. [Politicheskiy atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv / A. Mel'vil', M. Il'in, E. Meleshkina, M. Mironyuk, Yu. Polunin, N. Timofeyev. Moscow: 2007. 276 p.]

⁴⁸ Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. С. 47-73. [Mel'vil', A.; Yefimov, D. «Demokraticeskyy Levafan»? Rezhimnyye

к выводу об отсутствии прямой каузальной зависимости между ними. При возможности параллельного развития демократических институтов и укрепления государственной состоятельности, нет универсального объяснения их взаимовлияния в каждом конкретном случае. Детализация параметров государственной состоятельности на основании кластерного анализа⁴⁹, и формирование на его основании ряда моделей, показывает, в том числе, существенную дифференциацию в рамках постсоветского пространства и отсутствие устойчивых определяющих параметров для типологизации специфической

izmeneniya i gosudarstvennaya sostoyatel'nost' – problema vzaimosvyazi ("The Democratic Leviathan"? Regime Change, State Capacity, and Challenge of Interdependence) // *Politicheskaya nauka*, 2016, No. 4, pp. 47-73.]; Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Мироных М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // Полис: Политические исследования. 2012. № 2. С. 8-30. [Mel'vil', A.Yu.; Stukal, D.K.; Mironyuk, M.G. Trayektorii rezhimnykh transformatsiy i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Solvency) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2012, No. 2, pp. 8-30.]

⁴⁹ Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвил А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8-23. [Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.]; Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвил А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 49-68. [Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.]

«постсоветской государственной состоятельности».

Модель Тилли ограниченно применялась к анализу траекторий развития постсоциалистических государств. К ней обращались в двух случаях. Во-первых, в объяснениях, связывающих политические трансформации с характером налоговых систем, в рамках парадигмы фискальной социологии. Во-вторых, в работах, скорее, теоретического характера для демонстрации различий между раннеевропейской и постсоциалистической государственностью. В обоих случаях авторы обращались к той стороне модели, которая описывает внутривнутриполитическую динамику, т.е. борьбу и переговоры между гражданами и агентами государства по поводу изъятий.

Ключевая теоретическая работа для фискальной социологии это «Кризис налогового государства» Йозефа Шумпетера, однако авторы, работающие в этой парадигме опираются также на разработанную Тилли модель генезиса государственности. Так, книга Джеральда Истера, посвященная сравнению политических трансформаций в посткоммунистических России и Польше, озаглавлена «Принуждение, капитал и посткоммунистические государства»⁵⁰ – очевидная отсылка к наследию Тилли. Помимо Истера, широкое сравнительное исследование посткоммунистических налоговых систем провел Скотт Гелбах⁵¹. Йорген Мёллер классифицировал государства на пространстве бывшего СССР на три категории (либеральные демократии, гибридные режимы и нелиберальные автократии) и констатировал связь между характером политического режима и эффективностью налоговых систем, выраженной в доле налоговых доходов государства в ВВП⁵². Ав-

⁵⁰ Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

⁵¹ Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁵² Данные по доле налоговых доходов в ВВП относились к 1998 – 2002 гг. Любопытным исключением оказалась Белоруссия, которая продемонстрировала долю налогов в ВВП на уровне Латвии, явно не относясь к либеральным демократиям. Мёллер объяснил это несоот-

токрации собирали налоги хуже всех, либеральные демократии – лучше всех. Наблюдаемые отличия исследователь истолковал как подтверждение тезиса, что либеральное государство представляет собой сделку между правителями и управляемыми, в которой государственные доходы обмениваются на гражданские и политические права⁵³.

Венелин Ганев видит в трансформации посткоммунистической государственности модель Тилли «в обратной перспективе». Поскольку строительство новых государственных институтов шло одновременно с дезинтеграцией государственных элит, посткоммунистические элиты оказались в условиях, противоположных тем, в которых были политические элиты Европы Нового времени. Если в эпоху раннего модерна политические элиты были вынуждены создавать институты, обеспечивающие стабильность контракта с социальными группами (или достаточное принуждение населения) для извлечения ресурсов, то политические элиты государств, возникших после распада социалистической системы, используют уже имеющиеся институты для получения ресурсов от государства. «Извлечение ресурсов из государства» он назвал «доминирующим элитным проектом» посткоммунистического мира; в то время как в раннем Модерне в Европе таким проектом была война⁵⁴. Стоит заметить, что Ганев последователен в отстаивании уникальности как коммунистического, так и посткоммунистического исторического опыта. Обращаясь в другой работе к проблеме налогового государства в посткоммунистическом контексте, он предлагает исходить из того, что коммунизм отменил и налоги, и государственные институты, ответственные за их сбор, и деньги как таковые. Соответственно, исследования

ветствие модели нерыночным характером белорусской экономики: Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 435, 439.

становления налоговых государств в посткоммунистическом мире должны быть сосредоточены на процессе социокультурного конструирования явления налогов и фигуры налогоплательщика, а не просто на трансформации фискальных систем⁵⁵.

Постсоветские страны, вовлеченные в вооруженные конфликты, дают обширный материал для анализа. Вместе с тем, изучение постсоветских конфликтов в перспективе модели, предложенной Тилли, не предпринималось исследователями ранее. Используемая в данной статье методология анализа позволяет увидеть существенные изменения категории международного контекста. Если в рамках модели Тилли война играет важнейшую роль среди компонентов внешней среды формирования государственных институтов, то постсоветский эмпирический материал, рассмотренный в следующем разделе, демонстрирует скорее символический характер вооруженного конфликта, в том числе в контексте (де)стабилизирующей роли крупных внешних игроков.

Конфликты не имеют значения?

Модель Тилли объясняет демократизацию, однако не считает ее неизбежным итогом государственного строительства и не отождествляет демократию с сильной государственной властью. В этом плане она нейтральна к оценке конкретного политического режима как демократического или авторитарного. Способность государства осуществлять свою власть, выраженная в том, насколько эффективно оно извлекает доходы от подвластного населения, также нейтральна в отношении большей или меньшей открытости политического режима и большего или меньшего объема политических прав у граждан. Тилли предпочитал говорить о демократизации и де-демократизации как продолжающихся процессах, а не о демократии как однажды достигнутом состоянии. Он признавал, что демократизация возможна на

⁵⁵ Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

основе как сильной, так и слабой государственности⁵⁶.

Поэтому показатели, на которые мы опираемся при анализе траекторий развития государственности в постсоветских странах, вовлеченных в конфликты, нейтральны в отношении типа режима. Причем, для наших целей предпочтительно сосредоточиться на ограниченном числе показателей. Задача не в том, чтобы описать все разнообразие траекторий постсоветского политического развития, а в том, чтобы оценить связь между войной и государственностью в постсоветском контексте.

Для этого мы возьмем четыре показателя:

– Динамика государственных доходов в течение ряда лет, сопровождавшихся вооруженным конфликтом или замороженным конфликтом, который мог бы потребовать военных приготовлений.

– Динамика налоговых доходов в течение того же периода времени⁵⁷. Сравнение государственных доходов в целом с налоговыми доходами позволяет оценить, в какой степени государство зависит от сбора налогов: существование иных значительных источников дохода ослабляет его мотивацию к расширению экстрактивной способности. По общим доходам и налоговым доходам взяты показатели консолидированных бюджетов (*general government*).

– Динамика военных расходов в течение аналогичного периода⁵⁸. Сравнение этого показателя с показателями государственных доходов показывает, имелась ли связь между военными приготовлениями и повышением экстрактивной способности государства.

– Оценка страны в рейтинге Всемирного банка *The Worldwide Governance Indicators* по показателю «Эффективность правитель-

ства» (за весь период наблюдений⁵⁹)⁶⁰. Интегрированный индикатор, который позволяет судить о том, как менялись оценки эффективности государственных институтов на фоне динамики государственных доходов и разворачивающихся конфликтов.

По всем странам МВФ представляет данные за ограниченный период времени⁶¹. Иные международные базы данных, предоставляющие возможность межстрановых сравнений, например, соответствующая база данных Всемирного банка⁶², не предоставляет данных по неналоговым доходам и имеет значительные лагуны (ни по одной из стран нет данных за 1992-1993 гг., данные по Азербайджану отсутствуют с 2000 по 2007 гг.). Мы полагаем, что ограничения базы данных МВФ не помешает решить наши задачи. Во-первых, данные до начала 2000-х годов будут в большей степени отражать трансформационный экономический спад, чем целенаправленные, удачные или неудачные, попытки государства увеличить свой доход в ответ на внешний военный вызов. Во-вторых, данные МВФ охватывают период, в течение которого все пять рассматриваемых стран находились в состоянии конфликта. Армения и Азербайджан на фоне активных военных приготовлений (в том числе рост оборонного бюджета, импорт вооружений) поддерживали хрупкое перемирие, которое в апреле 2016 г. сменилось ожесточенным, хотя и краткосрочным, возобновлением боевых действий. Грузия инициировала «разморозку» конфликтов в Абхазии и Южной Осетии и пережила тяжелое поражение в 2008 г. Украина с 2014 г. вовлечена в конфликт на Донбассе, активная фаза которого пришлась на июнь

⁵⁶ Tilly, C. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁵⁷ Данные по пяти странам (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Украина) взяты из базы Международного валютного фонда “Government Finance Statistics” International Monetary Fund – Government Finance Statistics – Tables – Table 1. Revenue. Mode of access: <http://data.imf.org/regular.aspx?key=60991467>

⁵⁸ По данным SIPRI.

⁵⁹ Tilly, C. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1990*. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

⁶⁰ The Worldwide Governance Indicators. Mode of access: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>

⁶¹ Грузия – 2003-2018 гг., Молдавия и Украина – 2003-2017 гг., Армения – 2004-2017 гг., Азербайджан – 2008-2017 гг. Мы взяли 2017 г. за верхнюю границу для всех стран.

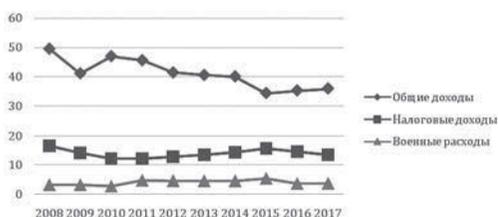
⁶² The World Bank – Data – Tax Revenue. Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.TAX.TOTL.GD.ZS>

2014 – февраль 2015 г., последовавшее перемирие часто нарушается. Молдавия и непризнанная Приднестровская Молдавская Республика поддерживают устойчивое перемирие с 1992 г., однако перспектива урегулирования конфликта пока не просматривается.

Азербайджан в первом десятилетии XXI в. пережил бурный экономический рост, связанный с резким увеличением добычи и экспорта углеводородов. Рекордные темпы экономического роста в середине десятилетия позже замедлились в связи со снижением мировых цен на основные экспортные товары страны. Тем не менее, Азербайджан остается богатейшим государством Закавказья, причем в 2017 г. 36% ВВП страны тем или иным образом сосредотачивалось в бюджете страны. В конце прошлого десятилетия этот показатель был еще выше – 50%.

График 1

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Азербайджана, 2008-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI.

Chart 1. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Azerbaijan, 2008-2017, % of GDP

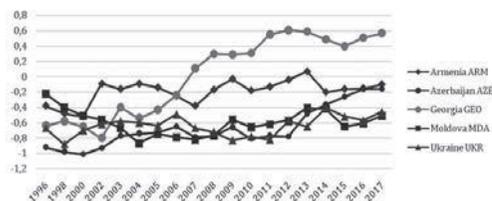
В то же время налоговые доходы показали с 2008 по 2017 г. в целом негативную динамику. С 16,6% они сократились до 13,5% ВВП. Медленный рост этого показателя с 2011 г. оборвался в 2015 г. Этот рост сопровождался увеличением военных расходов до исторического максимума в 2015 г. (5,5% ВВП), после чего военные расходы также сократились. Вспышка боевых действий в апреле 2016 г. не повлияла существенно на эту статистику; прирост 2017 г. по сравнению с 2016-м был невелик. На *Графике 1* видно, что рост военных расходов сопровождался также ростом налоговых доходов, но связь очень слабая.

Из данных очевидно, что для обеспечения своих военных расходов Азербайджан не нуждается в повышении эффективности сбора налогов. Эти расходы могут быть покрыты за счет неналоговых доходов. В случае с Азербайджаном это прежде всего доходы от предприятий, находящихся в государственной собственности (18% ВВП в 2017 г., почти 30% в 2008 г.).

В то же время, как показывает *График 2*, эффективность правительства в Азербайджане с 2012 г. росла довольно быстрыми темпами. Хотя показатель так и не перешел в область положительных значений, в 2016 г. Азербайджан догнал Армению, от которой отставал в течение всего предшествующего периода наблюдений. Эффективность правительства до 2015 г. включительно росла параллельно с военными расходами, но не сопровождалась ростом налоговых доходов. Это мало похоже на классическую схему взаимосвязи между войной и государственным строительством, когда все более эффективное правительство извлекает все больше доходов, чтобы увеличить военные расходы. Скорее уместно говорить о том, что политическое руководство инвестирует все больше неналоговых доходов и в военные приготовления, и во внутренние реформы, стремясь укрепить и силовую, и экономическую конкурентоспособность и не торопясь снять налоговые сливки с национальной экономики. Такая картина показывает, что стимул к реформам создает не конфликт сам по себе, а более широкий спектр вызовов, среди которых главное место занимает снижение общих доходов бюджета, связанное с нестабильностью цен на экспортное сырье и постепенным истощением его запасов. Также нужно подчеркнуть, что структура государственных доходов, отраженная на *Графике 1*, избавляет правительство от необходимости вступать в переговоры с отдельными социальными группами и населением в целом по поводу изъятия ресурсов, необходимых для военных приготовлений.

График 2

Показатели Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии и Украины по эффективности правительства, 1996-2017 гг.*

Источник: Всемирный банк.

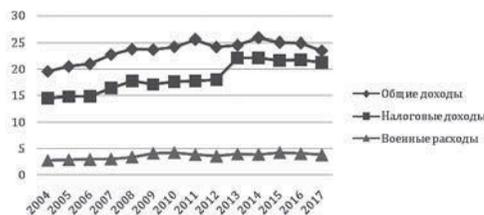
*Показатель может варьироваться от -2,5 (наименьшая эффективность) до 2,5 (наибольшая эффективность).

Chart 2. Indicators of Azerbaijan, Armenia, Georgia, Moldova and Ukraine on the effectiveness of the government, 1996-2017

Армения сравнительно быстро наращивала налоговые доходы с 2004 (14,5% ВВП) по 2014 г. (22,1% ВВП). Сближение кривых налоговых доходов и общих доходов с 2015 г. обеспечено отменой взносов социального страхования, которые МВФ учитывает отдельно от налоговых доходов.

График 3

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Армении, 2004-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI.

Chart 3. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Armenia, 2004-2017, % of GDP

До 2010 г. рост налоговых доходов сопровождался ростом военных расходов. В дальнейшем оборонный бюджет вышел на плато в 3-4% ВВП с небольшой тенденцией к снижению. А резкий скачок налоговых доходов не сопровождался увеличением расходов на оборону (см. График 3).

На Графике 2 видно, что с начала наблюдений Армения лишь незначительно нарастила эффективность правительства

и только однажды вышла по этому показателю в область положительных значений. Интересно, что этот пик по времени совпал со значительным ростом доли налоговых доходов в ВВП (при стагнации военных расходов). В 2007-2009 г. военные расходы, налоговые доходы и эффективность правительства росли параллельно, но за пределами этого отрезка связи между кривыми не обнаруживается, а сам отрезок слишком непродолжителен, чтобы можно было говорить об устойчивой тенденции. Карабахский конфликт и связанная с ним необходимость поддерживать высокий уровень военных расходов ни для Армении, ни для Азербайджана не стали стимулом для наращивания силы государственных институтов.

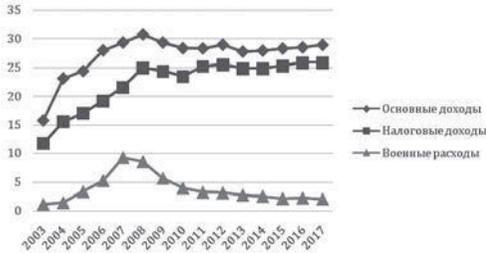
Грузия из всех рассматриваемых стран наиболее близка к классической схеме. Двукратный рост доли налоговых доходов с 2003 по 2008 гг. сопровождался еще более крутым подъемом кривой оборонных расходов, достигших огромной по мировым меркам величины почти в десятую часть ВВП. После незначительного снижения в 2010 г. налоговые доходы вышли на плато, а к концу периода наблюдений продемонстрировали небольшой рост по отношению к первому пику. Военные расходы резко снижались после 2008 года, постепенно прийдя к вполне обычным 2% ВВП. Это напоминает «эффект храповика», нередко упоминаемый в литературе о государственном строительстве, когда достигнутые показатели экстрактивной способности государства не снижаются и после того, как пройден пик мобилизации ресурсов, требуемой для обеспечения обороноспособности – институциональные сдвиги, однажды достигнутые благодаря военным усилиям, стабилизируются (см. График 4).

Этой картине соответствует и динамика эффективности правительства Грузии на Графике 2. В 2002 году она уступала по этому показателю всем странам, кроме Азербайджана. Но уже в следующем году начался рост, который с небольшим отступлением и с естественным запаздыванием от графика роста налоговых доходов (реформы требуют финансирования) вывел Грузию в область положительных значений, где она, единственная среди пяти стран, устойчиво и

пребывает с 2006 г. рядом с Хорватией, Венгрией и Италией.

График 4

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Грузии, 2003-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 4. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Georgia, 2003-2017, % of GDP

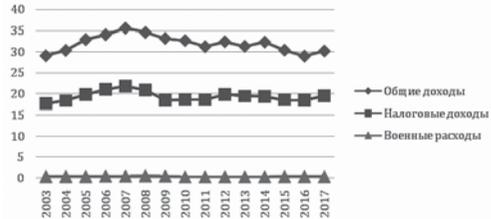
Это могло бы быть образцом того, как война создает государство на постсоветском пространстве, если бы вооруженное столкновение в августе 2008 г., готовясь к которому, Грузия рекордно наращивала свой оборонный бюджет, не было бы ею проиграно. В то же время и военное поражение не привело к всеобъемлющему кризису с сокращением государственных доходов и снижением эффективности правительства. Как показало десятилетие после 2008 г., и в условиях сравнительно низких оборонных расходов Грузия продолжала эффективно собирать налоги и проводить реформы, направленные на повышение качества государственного управления. Война определенно не была для этого ключевым стимулом.

Молдавия реагировала на свой внутренний конфликт совершенно иначе. На протяжении полутора десятилетий ее военные расходы в отношении к ВВП не увеличивались, колеблясь на минимальном уровне от 0,3 до 0,6% (см. График 5). Такие расходы исключают подготовку к войне. Динамика налоговых доходов бюджета колебалась в более широком диапазоне. Заметный рост в 2003-2007 гг. сменился падением и последующей стагнацией. Эффективность правительства (График 2) незначительно выросла с 2004 к 2013 году, однако осталась в области отрицательных значений. На пике 2013 г. Молдавия по этому показателю усту-

пала Грузии и Армении, а в последующие годы пропустила вперед также Азербайджан и Украину. Обсуждая постсоветский опыт Молдавии, Дмитрий Фурман был вполне оптимистичен по поводу демократизации в этом расколоте обществе⁶³. Однако, если в момент публикации его работы установление более открытого и демократичного политического режима в стране сопровождалась повышением эффективности правительства и ростом налоговых доходов, то вскоре вторая тенденция обратилась вспять. И повышательный, и понижительный тренды не имели связи с подготовкой к войне – из-за отсутствия этой подготовки.

График 5

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Молдавии, 2003-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 5. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Moldova, 2003 - 2017, % of GDP

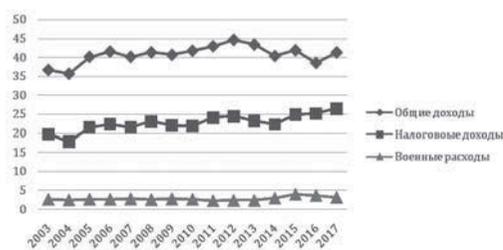
Украина, столкнувшись с вооруженным конфликтом на Донбассе, ответила на него наращиванием оборонных расходов с 2,4% ВВП в 2013 г. до 4% в 2015 г.; за этим последовало небольшое снижение (График 6). В 2014-2017 гг. также выросли налоговые доходы бюджета. Однако этот рост не наминает быстрый взлет соответствующей

⁶³ Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие республики Молдова. Доклады Института Европы РАН, 2007. 37 с. [Furman, D. Moldavskiye moldavane i moldavskiye rummy. Vliyaniye osobennostey natsional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoye razvitiye respubliky Moldova. Doklady Instituta Yevropy RAN, 2007. 37 p.]

кривой у Грузии. В 2014 г. налоговые доходы начали расти после заметного снижения. К 2017 они выросли на 4,2 процентных пункта. Отметим, однако, что ранее Украина уже переживала периоды роста этого показателя, не находясь при этом в состоянии вооруженного конфликта и не наращивая оборонные расходы.

График 6

Общие доходы, налоговые доходы, военные расходы бюджета Украины, 2003-2017, % ВВП

Источник: МВФ, SIPRI

Chart 5. Total revenues, tax revenues, military expenditures of the budget of Ukraine, 2003-2017, % of GDP

Особенность Украины, как и Азербайджана, состоит в сравнительно высокой доле неналоговых доходов в составе государственного бюджета. По данным МВФ, в 2017 г. в виде доходов от государственной собственности бюджет получил 4,8% ВВП, от продажи товаров и услуг – 2,3%. Большой объем неналоговых доходов до определенной степени позволяет государству финансировать свои расходы, не прибегая к повышению налогов или увеличению их собираемости. Рост налоговых доходов не сопровождался успешными реформами. В 2014–2016 годах оценка эффективности правительства на Украине снижалась (График 2). Небольшой рост в следующем году лишь незначительно изменил ее положение: по этому показателю Украина находится приблизительно на том же уровне, что и Молдавия.

* * *

Исследования о связи войн и траекторий развития государственности в мире за пределами Европы породили три вывода, особенно важных для постсоветского пространства. Первый из них касается гео-

политического контекста, в котором происходит строительство государства. После Второй мировой войны завоевания слабых государств сильными или вооруженные территориальные захваты стали практически невозможны. «Естественный отбор» Нового времени, при котором из системы постоянно исключались слабые и неэффективные государства, перестал работать. В мире возникло немало государств, обладающих негативным, но не позитивным суверенитетом.

Второй вывод заключается в том, что место войн, как арены соревнования государств, их военных машин и административно-налоговых систем, могут занять другие формы межгосударственного соперничества. Государства могут наращивать военную мощь не ради ее практического применения, а в качестве сигнала соперникам по международным спорам. Модель, в которой военные приготовления тянут за собой реформы, направленные на повышение экстрактивной способности и общей эффективности государственного аппарата, таким образом, могут работать и в отсутствие межгосударственных войн и территориальных захватов.

Третий вывод состоит в различении войн, которые велись в Европе (включая две мировые), и войн за ее пределами. Европейские национальные государства Нового и Новейшего времени сформировал не опыт войны как таковой, но опыт тотальной войны, предполагающей тотальную мобилизацию⁶⁴. Регионы мира, не пережившие такой опыт, не получили в наследство и сильных – по европейским и североамериканским меркам – государственных институтов.

Какое место здесь занимают постсоветские страны, столкнувшиеся с вооруженными конфликтами? Конфликты определенно повлияли на их внутривнутриполитическую ди-

⁶⁴ О значении идеи тотальной войны в разработке и реализации планов по подготовке ко Второй мировой войне в Европе см. Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. 640 с. [Kolerov, M.A. Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma (Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the History of the Language of Stalinist Communism). Moscow: 2017. 640 p.]

намику, внешнеполитические ориентиры и строительство наций. Однако во всех случаях – возможно, за исключением Грузии – это влияние проходило не через посредство механизмов, предсказанных моделью Чарльза Тилли. В случае Азербайджана, Армении, Молдавии и Украины нельзя с какой-либо уверенностью говорить, что конфликт и связанная с ним военная угроза побуждали государства активно наращивать свою экстрактивную способность и качество государственного управления. Грузия показывает определенные отличия: в первые годы после «революции роз» ее налоговые доходы и военные расходы росли быстро и синхронно. Однако остается открытым вопрос, был ли рост экстрактивной способности государства обусловлен необходимостью усиленно финансировать вооруженные силы, или возросший объем ресурсов, оказавшихся в распоряжении у государства в результате реформ, был направлен на военные приготовления в силу субъективных предпочтений политического руководства страны? Динамика развития Грузии после 2008 г. указывает скорее на второе – она может усиливать эффективность государства и собирать больше налогов, даже если не тратит до 10% ВВП на оборонные расходы. Конфликты имели и имеют важнейшее символическое значение для вовлеченных в них государств, но их, материальная роль в государственном строительстве незначительна.

Почему на постсоветском пространстве не работает «классическая» взаимосвязь войны и государственного строительства? Очевидно, дело не в международном запрете на войны и территориальные захваты. Во всех описанных случаях речь идет о внутренних конфликтах, на которые этот запрет не распространяется. Даже если конфликт заморожен, эффект соперничества – наращивание военной мощи в расчете не на войну, а на убедительную силовую угрозу сопернику – должен продолжать действовать. Из постсоветских конфликтов этот механизм наиболее наглядно проявляет себя в карабахском⁶⁵. Сбой закономерности может

быть объяснен двумя причинами: одна из них связана с нюансами геополитического контекста, в котором развиваются постсоветские государства, а другая – с понятием ограниченной войны.

Что касается геополитического контекста, который в целом исключает выведение из международной системы слабых и неэффективных государств, то в постсоветских условиях к этому добавляется ряд деталей. Текущее состояние конфликтов в бывшем СССР возникло в результате не столько соотношения потенциалов непосредственно вовлеченных в вооруженное противоборство сторон, сколько как итог многостороннего взаимодействия с участием региональных и глобальных держав. Это в значительной степени обесценивает усилия вовлеченных в конфликты государств по наращиванию их собственной военной мощи.

Так, военный потенциал Грузии к 2008 г. был достаточным для того, чтобы подавить сопротивление Южной Осетии и, возможно, Абхазии. Однако добиться успеха в противостоянии с российской военной машиной Грузия была не в состоянии, как не в состоянии она и в сколько-нибудь актуальной временной перспективе изменить текущее соотношение сил с Россией. Хрупкое перемирие в Нагорном Карабахе обеспечивается не столько взаимным сдерживанием Азербайджана и Армении, сколько позицией других акторов, значительно превосходящих их по силовому потенциалу и международному влиянию: России, Соединенных Штатов, Турции. Непосредственное сдерживание между Азербайджаном и Арменией в этих условиях решает ограниченную практическую задачу: не дать противнику добиться быстрого и значительного военного успеха до того, как международные посредники потребуют прекратить боевые действия.

Хотя конфликты занимают одно из ключевых мест в политической риторике столкнувшихся с ними государств, представленные выше графики показывают, что они отнюдь не требуют мобилизации всех ресурсов государства. Раз военная сила не является ключом к разрешению конфликта

⁶⁵ Минасян С. Сдерживание в Карабахском конфликте. Ереван: Институт Кавказа, 2016. [Minasyan, S. Sderzhivaniye v Karabakhskom

konflikte (Deterrence in the Karabakh Conflict). Yerevan: Institut Kavkaza, 2016.]

в своих интересах, то нет смысла чрезмерно ее наращивать. Не менее, а то и более важно выстраивать отношения с региональными и мировыми центрами силы в расчете на сдвиги в международном политическом балансе, сложившемся вокруг конфликта. Однако дипломатические усилия, в отличие от военных, не требуют больших финансовых и организационных ресурсов, как не требуют они и укрепления государственных институтов. Постсоветские конфликты представляя собой ограниченные войны, которые, как показывает опыт других регионов мира, порождают ограниченную государственность.

Литература:

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 49-68.

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8-23.

Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Современная Европа. 2016. № 2. С. 33-37.

Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. 640 с.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М., 2008. 454 с.

Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. С. 118-132.

Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. С. 47-73.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // Полис: Политические исследования. 2012. № 2. С. 8-30.

Мельников К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 68-81.

Минасян С. Сдерживание в Карабахском конфликте. Ереван: Институт Кавказа, 2016.

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин, Н.И. Тимофеев. М.: 2007. 276 с.

Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие республики Молдова. Доклады Института Европы РАН, 2007. 37 с.

Элуас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М., СПб.: 2001. 332 с.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp.185-202.

Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434.

Ayoob, M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

Barnett M. Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

Brubaker, R. Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutional Account // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International Politics and National Political Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp.1-15.

Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its ‘Near Abroad’ // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

Cappelli, O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21.

Centeno, M. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. 315 p.

Centeno, M. Limited War and Limited States. In: Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation, ed. by Diane E. Davis and Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 82-95.

Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467.

Coggins, B. Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

Emerson, M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005.

Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 425-445.

Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal

Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Gel'man, V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104.

Ghosh, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: [http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard Library Sources/Correlates of War/Historical Military Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf](http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard%20Library%20Sources/Correlates%20of%20War/Historical%20Military%20Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf)

Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165.

Herbst, J. War and the State in Africa // *International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118.

Jackson, R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 219 p.

Kuzio, T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

Leander, A. Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World. In: Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp.115-140.

Migdal, J. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. 289 p.

Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332.

Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731.

Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465.

Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

Tilly, C. Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411.

References:

Akhremenko, A.; Gorel'skiy, I.; Mel'vil', A. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Theoretical and Methodological Grounds) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 8-23.

Akhremenko, A.S.; Gorel'skiy, I.Ye.; Mel'vil', A.Yu. Kak i zachem izmeryat' i sravnivat' gosudarstvennyuyu sostoyatel'nost' raznykh stran mira? Opyt empiricheskogo issledovaniya (How and Why to Measure and Compare the State Viability of Different Countries of the World? Empirical Research Study) // *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019, No. 3, pp. 49-68.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*, 2008, No. 2, pp.185-202.

Ambrosio, T. The Political Success of Russia-Belarus Relations: Insulating Minsk from a Color Revolution // *Demokratizatsiya*, 2006, No. 3, pp. 407-434.

Ayoob, M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995. 230 p.

Barnett M. Confronting the Costs of War: Military Power, State, and Society in Egypt and Israel. Princeton: Princeton University Press, 1992. 378 p.

Brubaker, R. Nationhood and National Question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: an Institutional Account // *Theory and Society*, 1994, No. 1, pp. 47-78.

Burnell, P.; Schlumberger, O. Promoting Democracy – Promoting Autocracy? International

Politics and National Political Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp.1-15.

Cameron, D.; Orenstein, M. Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its 'Near Abroad' // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 1, pp.1-44.

Cappelli, O. Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2008, No. 4, pp. 531-572.

Carothers, T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 2002, No. 1, pp. 5-21.

Centeno, M. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002. 315 p.

Centeno, M. Limited War and Limited States. In: *Irregular Armed Forces and Their Role in Politics and State Formation*, ed. by Diane E. Davis and Anthony W. Pereira. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 82-95.

Coggins, B. Friends in High Places: International Politics and the Emergence of States from Secessionism // *International Organization*, 2011, No. 3, pp. 433-467.

Coggins, B. Power Politics and State Formation in the 20th Century: The Dynamics of Recognition. Cambridge University Press, 2014. 271 p.

Cohen, Y.; Brown, B.; Organski, A.F.K. The Paradoxical Nature of State-Making: The Violent Creation of Order // *American Political Science Review*, 1981, Vol. 75, pp. 901-910.

Danilov, D.A. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnyye posledstviya dlya rossiysko-ukrainskikh otnosheniy (The Ukrainian National Security Strategy: Possible consequences for the Russian-Ukrainian relations) // *Sovremennaya Evropa*, 2016, No. 2, pp. 33-37.

Easter, G. Capital, Coercion, and Postcommunist States. Cornell University Press, 2012. 248 pp.

Elias, N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii (The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations). Moscow, SPb: 2001. 332 p.

Emerson, M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005.

Fazal, T. State Death in the International System // *International Organization*, 2004, No. 2, pp. 311-344.

Fearon, J.; Laitin, D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*, 2003, No. 1, pp. 75-90.

Fisun, O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-Patrimonial Perspective // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2012, pp. 87-96.

Furman, D. Moldavskiy moldavane i moldavskiy rumyny. Vliyaniye osobennostey natsional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoye razvitiye respubliki Moldova (Moldavian Moldovans and Moldavian Romanians. The influence of the features of national consciousness of Moldovans on the political development of the Republic of Moldova). Doklady Instituta Yevropy RAN, 2007. 37 p.

Ganev, V. Post-Communism as an Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, Vol. 38, pp. 425-445.

Ganev, V. The Annulled Tax State: Schumpeterian Prolegomena to the Study of Postcommunist Fiscal Sociology // *Communist and Post-Communist Studies*, 2011, Vol. 44, pp. 245-255.

Gehlbach, S. Representation through Taxation: Revenue, Politics, and Development in Postcommunist States. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Gel'man, V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*, 2003, No. 2, pp. 87-104.

Ghosn, F.; Palmer, G. Codebook for the Militarized Interstate Dispute Data, Version 3.0, 2003. Mode of access: http://www.nber.org/ens/feldstein/Harvard Library Sources/Correlates of War/Historical Military Involvement/MID_v3.0.codebook.pdf

Grzymala-Busse, A.; Luong, P.J. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // *Politics & Society*, 2002, No. 4, pp. 529-554.

Gurr, T. Ethnic Warfare on the Wane // *Foreign Affairs*, 2000, No. 3, pp. 52-64.

Hale, H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, Vol. 58, pp. 133-165.

Herbst, J. War and the State in Africa // *International Security*, 1990, No. 4, pp. 117-139.

Hughes, J.; Sasse, G. Conflict and Accommodation in the Former Soviet Union: The Role of Institutions and Regimes // *Regional & Federal Studies*, 2001, No. 3, pp. 220-240.

Huntington, S. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

Jackson, N. The Role of External Factors in Advancing Non-liberal Democratic Forms of Political Rule: a Case Study of Russia's Influence on Central Asian Regimes // *Contemporary Politics*, 2010, No. 1, pp. 101-118.

Jackson, R. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 219 p.

Kolerov, M.A. Stalin: ot Fichte k Beriya. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma (Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the History of the Language of Stalinist Communism). Moscow: 2017. 640 p.

Kuzio, T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*, 2002, No. 2, pp. 241-264.

Leander, A. Wars and the Un-Making of States: Taking Tilly Seriously in the Contemporary World. In: *Contemporary Security Analysis and Copenhagen Peace Research*. Ed. by Stefano Guzzini S. and Jung D. London: Routledge, 2004, pp. 85-96.

Mann, M. Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying // *Daedalus*, 1993, No. 3, pp.115-140.

McNeill, W. V pogone za mosch'yu (The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000). Moscow, 2008. 458 p.

Meleshkina, E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoi sostoyatel'nosti: kakie uroki mi mozhem izvlech' (Studies on Statehood: What Lessons Can We Learn?) // *Politicheskaya nauka*, 2011, No. 2, pp. 118-132.

Mel'nikov, K.V. Neopatrimonializm: klassifikatsiya kak sposob preodoleniya kontseptnykh natyazhek (Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching) // *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2018, No. 2, pp. 68-81.

Mel'vil', A.; Yefimov, D. «Demokraticeskiy Leviatan»? Rezhimnyye izmeneniya i gosudarstvennaya sostoyatel'nost' – problema vzaimosvyazi ("The Democratic Leviathan"? Regime

Change, State Capacity, and Challenge of Interdependence) // *Politicheskaya nauka*, 2016, No. 4, pp. 47-73.

Mel'vil', A.Yu.; Stukal, D.K.; Mironyuk, M.G. Trayektorii rezhimnykh transformatsiy i tipy gosudarstvennoy sostoyatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Solvency) // *Polis: Politicheskiye issledovaniya*, 2012. No. 2, pp. 8-30.

Migdal, J. Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton University Press, 1988. 289 p.

Minasyan, S. Sderzhivaniye v Karabakhskom konflikte (Deterrence in the Karabakh Conflict). Yerevan: Institut Kavkaza, 2016.

Møller, J. Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*, 2007, No. 2, pp. 294-315.

Obydenkova, A.; Libman, A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*, 2012, No. 3, pp. 346-401.

Politicheskyy atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv/ (Atlas of Contemporary Politics: Attempting a Statistical Analysis of the Contemporary States' Political Systems) / A. Mel'vil', M. Il'in, E. Meleshkina, M. Mironyuk, Yu. Polunin, N. Timofeyev. Moscow: 2007. 276 p.

Porter, B. War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics. New York: Free Press, 1994. 400 p.

Taylor, B.; Botea, R. Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World // *International Studies Review*, 2008, Iss. 10, pp. 27-56.

Thies, C. Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities // *Journal of Peace Research*, 2010, No. 3, pp. 321-332.

Thies, C. State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000 // *International Studies Quarterly*, 2004, No. 1, pp. 53-72.

Thies, C. The Political Economy of State Building in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Politics*, 2007, No. 3, pp. 716-731.

Thies, C. War, Rivalry, and State Building in Latin America // *American Journal of Political Science*, 2005, No. 3, pp. 451-465.

Tilly, C. Coercion, Capital and European States, AD 990-1990. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 269 p.

Tilly, C. Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In: The Formation of National States in Western Europe, ed. by Charles Tilly. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1975. Pp. 3-83.

Tilly, C. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // *International Review of Social History*, 1995, No. 3, pp. 223-236.

Tolstrup, J. When Can External Actors Influence Democratization? Leverage, linkages, and Gatekeeper Elites // *Democratization*, 2013, No. 4, pp. 716-742.

Tsygankov, A. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, No. 4, pp. 423-439.

Wengle, S.; Evans, C. Symbolic state-building in contemporary Russia // *Post-Soviet Affairs*, 2018, No. 6, pp. 384-411.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

VAIN WARS: CAN THE TILLY'S MODEL EXPLAIN TRANSFORMATIONS ON THE POST-SOVIET SPACE?

Nikolay Yu. Silaev

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Irina V. Bolgova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 15.08.2019 <i>Accepted:</i> 25.10.2019</p>	<p>Abstract:The influential theory of Charles Tilly explaining the relationship between military activity and state building in early modern Europe has been often used to analyze the development of statehood outside Europe and North America. However, in Post-Soviet space it was referred to only a limited extent – mainly operationalising the struggle and bargaining between the state and society over the extraction of resources in favor of the state - for the analysis of post-communist transformations. Meanwhile, the post-Soviet space with its unresolved conflicts provides a reach material for checking the “military” component of this theory. Most authors agree that the international order established after the World War II does not allow the clear replication of the scheme elaborated by Tilly. This article is aiming to show that, although post-Soviet conflicts are of great symbolic importance for post-Soviet states, their material impact on the dynamics of state revenues and on the strengthening of state institutions is minimal. This paradox may be explained by the international geopolitical context around the conflicts where the buildup of military power of a state involved in the conflict cannot serve as a sufficient condition for resolving the conflict in favor of the state.</p>
<p>About the authors: <i>Nikolay Yu. Silaev</i>, Senior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University e-mail: nikolai.silaev@gmail.com <i>Irina V. Bolgova</i>, Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: Charles Tilly; state building; statehood; post-Soviet space; Georgia; Armenia; Azerbaijan; Ukraine; Moldova</p>	<p><i>Acknowledgements:</i> The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant No. 14.461.31.0002)</p>

Для цитирования: Силаев Н.Ю., Болгова И.В. Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // *Сравнительная политика*. – 2019. – № 4. – С. 133-154.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

For citation: Silaev, Nikolay Yu; Bolgova, Irina V. Naprasnyye voyny: rabotayet li model' Tilly na postsovetском prostranstve? (Vain Wars: Can the Tilly's Model Explain Transformations on the Post-Soviet Space?) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 133-154.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВОДНОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Алексей Викторович Михалев

*Бурятский государственный университет,
Улан-Удэ, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 7 июля 2019 <i>Принята к печати:</i> 12 сентября 2019</p>	<p>Аннотация: Данная статья посвящена анализу политических противоречий во Внутренней Азии, когда речь идет о доступе к водным ресурсам. В центре внимания – вопрос о распределении пресной воды в условиях формирования постсоветского политического порядка в регионе. В статье тестируется гипотеза о зависимости системы контроля над распределением водных ресурсов от существующего регионального порядка. Автор рассматривает проблему взаимоотношений между Россией, КНР и Монголией по поводу трансграничных рек, впадающих в озеро Байкал. Озеро Байкал сегодня является крупнейшим пресноводным озером в мире и находится под охраной ЮНЕСКО. Смена институциональных условий и их влияние на легитимизацию права на воду – главная идея, вокруг которой выстроена композиция представленного текста. В основе методологии исследования лежит неинституциональный подход, при помощи которого анализируется региональный политический порядок. Эмпирическая база работы состоит из нормативно-правовых актов, регулирующих распределение трансграничных вод, высказываний политических деятелей (России и Монголии), сведений государственных статистических агентств, данных экологического мониторинга, материалов региональных масс-медиа. Основной вывод исследования состоит в том, что происходящие в современной Внутренней Азии политические изменения в обозримом будущем приведут к возникновению нового регионального политического порядка. Идеи, ценности, а также инфраструктурные макропроекты меняют как расстановку сил в регионе, так и уровень потребления природных ресурсов. Возникающие в этой связи экологические проблемы политизируются, что в итоге приводит к односторонним решениям без учета интересов всех региональных акторов.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научно-го проекта №19-011-31130 «Российский фронт Внутренней Азии: старые границы, новые противоречия»/возможность трансформации АСЕАН в «нормативную силу».</i></p>
<p>Об авторе: д.полит.н., доцент, кафедра теории и истории права и государства, БГУ e-mail: mihalew80@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: водные конфликты; Внутренняя Азия; институты; политический порядок; границы; власть; региональный порядок</p>	

Бурный экономический рост в странах азиатского региона в конце XX – начале XXI века сформировал масштабный спрос на природные ресурсы. По мере развития крупных региональных инфраструктурных проектов появилась острая потребность в воде¹. Это результат спроса на неё как на источник энергии и в то же время результат

¹ Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

общего дефицита чистой пресной питьевой воды. Водные системы во Внутренней Азии располагаются на территории нескольких государств (Монголии и России), поэтому при нарушении баланса в использовании воды возникают политические противоречия, способные перерасти в гидроконфликты. Конфликты из-за доступа к пресной воде стали распространенным явлением и, на наш взгляд, они связаны не только с изменением мировой экономической конъюнктуры

ктуры, но и с региональными экологическими кризисами. Одной из наиболее острых проблем стала перспектива строительства Монголией каскада ГЭС на притоках реки Селенга, питающей озеро Байкал. Возрастающая потребность этой страны в электроэнергии продиктована её ролью в мировой экономике как регионального лидера горнодобывающей промышленности. При этом развитие гидроэнергетики может привести к разрушению геозкосистемы Байкала. Русло реки Селенга находится на территории и Российской Федерации, и Монголии, при этом большая часть – 66,9% – в Монголии, где формируется около половины её стока.

Проблема соперничества за водные ресурсы в данном исследовании рассматривается в контексте «борьбы за советское наследство» в Азии. После роспуска Восточного блока и распада СССР начал меняться установленный и регулирующий международными соглашениями порядок контроля над водными ресурсами. Участниками конфронтации стали не только Россия и Монголия, но и международные финансовые институты, а также транснациональные корпорации. Основная гипотеза исследования – предположение о том, что в 2010-е годы в изучаемом регионе складывается новый региональный политический порядок. Формируется новая нормативная система, которая в перспективе будет легитимизировать претензии того или иного государства на выгодный для него объём потребления пресной воды. Знаковым событием, предопределившим создание новых региональных правил, является принятие 28 июля 2010 года Генеральной ассамблеей ООН резолюции 64/292. Она признала право человека на безопасную и чистую воду и её значение для полноценной жизни и полного осуществления всех прав человека. В 2011 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил: «Дефицит воды и продовольствия угрожает сотням миллионов людей во всём мире. Это подрывает сами основы стабильности на местном, национальном и глобальном уровнях. Нарастает конкуренция между общинами и странами за получение доступа к имеющимся скудным ресурсам, в первую очередь водным, что усугубляет давние про-

блемы в области безопасности и порождает новые»².

Изучаемое нами противостояние по поводу гидроресурсов тесно связано с вопросом безопасности бассейна Байкала, являющегося крупнейшим пресноводным озером в мире. В современных условиях отношения по вопросу о трансграничных водах, регулируемые решениями ЮНЕСКО и российско-монгольскими договорами начала 1990-х годов, уходят в прошлое. Рост горнодобывающей промышленности в Монголии, критическое увеличение площади пустыни Гоби – всё это сформировало новые геополитические условия для разбалансирования установленной пропорции распределения пресной воды в регионе. Автор данной работы целенаправленно не включил в материалы исследования экологическую дискуссию, которая за несколько лет приобрела целый спектр противоречивых и взаимоисключающих суждений.

Политическим проблемам водных конфликтов посвящены работы У. Барнаби³, В. Белозёрова⁴, К. Боришполец⁵, В. Данилова-Данильяна⁶, С. Жильцова⁷,

² Вода / Сайт ООН. Mode of access: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html>

³ Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // *Nature*, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

⁴ Белозёров В.К. Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150-160. [Belozorov, V.K. Strasti po vode (Passion for Water) // *Rossiya v global'noj politike*, 2009, No. 3, pp. 150-160.]

⁵ Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 25-38. [Borishpolets, K.P. Vodno-energeticheskie problemy Central'noj Azii: vozmozhnye puti resheniya (Central Asian Hydropower Problems: Opportunities and Solutions) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, No. 3, pp. 25-38.]

⁶ Данилов-Данильян В.И. Глобальный водный кризис и роль России в его разрешении // Геополитические исследования. 2009. № 1. С. 54-68. [Danilov-Danil'yan, V.I. Global'nyj vodnyj krizis i rol' Rossii v ego razreshenii (Global Water Crisis and Role of Russia in Its Resolution) // *Geopoliticheskie issledovaniya*, 2009, No. 1, pp. 54-68.]

⁷ Жильцов С., Зон И. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. Т. 14. С. 49-61.

А. Куртова⁸, Н. Мирумаша⁹, Б. Моселло¹⁰, С. Пейруза¹¹, Н. Рогожиной¹², Дж. Старр¹³, Т. Цыреновой¹⁴.

Ключевым концептом представленного исследования является региональный политический порядок. В статье тестируется гипотеза о зависимости системы контроля над распределением водных ресурсов от существующего регионального порядка. Модель политического порядка в классических работах определяется ad hoc через политический беспорядок¹⁵. В изучаемом нами

контексте намерения строительства ГЭС и требования о перераспределении водных ресурсов выступают как форма политической неупорядоченности на фоне общего порядка периода советского доминирования в регионе. Мы, в свою очередь, рассматриваем региональный политический порядок как систему идей, в нашем случае, легитимизирующих право на ресурсы, а также неких институциональных возможностей и ограничений. Инструментально значимой для нас является опора на институциональную теорию политического порядка. Наиболее релевантной, на наш взгляд, является модель взаимодействия норм и идей, разработанная Р. Либерманом. Эта концепция была представлена в работе 2002 года «Идеи, институты и политический порядок: объясняя политические изменения»¹⁶. Наиболее значимым тезисом Либермана для нас является утверждение о том, что: «Идеи также могут распространяться постепенно по причине нарастающих внутренних проблем и несогласованности в существующем институциональном порядке»¹⁷. В рамках данной теоретической модели¹⁸ публичная политика рассматривается в весьма сложном многообразном измерении: «В более общем плане данный анализ показывает, что публичная политика наиболее полно понимается как результат политических конфликтов, в которых отдельные элементы национальной культуры и идеологические репертуары мобилизуются и принимаются в политику. Эта политическая борьба происходит в историческом и институциональном контекстах что определяет распределение

[Zhil'cov, S.; Zon, I. Bor'ba za vodu (Struggle for Water) // *Indeks bezopasnosti*, 2008, No. 3, pp. 49-61.]

- ⁸ Куртов А.А. Центральная Азия: водные артерии как новые узлы противоречий / Центральная Азия: проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая. М.: РИСИ, 2013. С. 155-199. [Kurtov, A.A. Central'naya Aziya: vodnye arterii kak novye uzly protivorechij (Central Asia: Water Arteries as New Knots of Contradictions) / Central'naya Aziya: problemy i perspektivy. Vzgl'yad iz Rossii i Kitaya. Moscow: RISI, 2013. Pp. 155-199.]
- ⁹ Mirumachi, N. *Transboundary Water Politics in the Developing World*. London: Routledge, 2015.
- ¹⁰ Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.
- ¹¹ Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.
- ¹² Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 44-54. [Rogozhina, N.G. Konfliktnyj potencial vodnyh resursov Central'noj Azii (Conflict Potential of Water Resources in Central Asia) // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2014. No. 1, pp. 44-54.]
- ¹³ Starr, J.R. Water Wars // *Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.
- ¹⁴ Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011. [Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.]
- ¹⁵ Ebert, H.; Flesmes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

¹⁶ Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

¹⁷ Ibid. P. 708.

¹⁸ Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117-121. [Bel'kova, A.A. Istoricheskij institucionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyah (Historical Institutionalism – New Branch in Historical Researches) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 7, pp. 117-121.]

и осуществление политической власти, а также форм выработки политики особенно путем ограничений политического поведения посредством правил, норм и организационных параметров»¹⁹. В нашем случае речь идёт об идеях энергетической автаркии и гидросуверенитета, которые получили широкое распространение в 2010-е годы в Монголии. Эти идеи сформировали определенные правила политической дискуссии вокруг проблемы ГЭС, в центре которой вопрос разграничения национальных интересов России и Монголии.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1920-2010-х годов. Именно в этот период началась масштабная межгосударственная дискуссия по вопросам контроля над водными ресурсами. Исторический обзор развития гидрополитики с 1920-х по 2000-е годы важен для фиксации динамики политического порядка и неупорядоченности в изучаемом регионе. Эмпирическая база исследования состоит из трёх типов источников: 1) межгосударственные нормативные документы, разграничивающие уровни контроля над водными ресурсами в регионе; 2) идеологические документы, обосновывающие концепцию водной и энергетической автаркии; 3) документы и высказывания, относящиеся к политическим решениям, касающимся распределения гидроресурсов во Внутренней Азии; 4) материалы региональных СМИ, освещающие гидрополитику в регионе за период с 2010-х по 2017 годы.

Истоки гидрополитики во Внутренней Азии

Гидрополитика в изучаемом нами регионе возникла в 1920-е годы. Под этим термином мы понимаем политику в области распределения и оптимального использования водных ресурсов. До этого времени ни для Российской империи, ни для Империи Цин, являвшихся ключевыми политическими игроками в регионе, вопрос о распределении пресной воды не был актуален. Это

¹⁹ Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, p. 709.

было связано как с крайним положением Внутренней Азии, так и с низкой плотностью его населения, а также с отсутствием интереса к крупными экономическим проектам на её территории. Ситуация радикально изменилась в 1920-е годы. В СССР это было время первых пятилеток, в МНР – периода некапиталистического развития. Именно тогда сложились идеологические основания взаимоотношений между государствами региона, а также были начаты крупные социалистические стройки²⁰. Советский Союз выступал как государство региональный гегемон, определявший формат идеологии, экономики и безопасности.

Идеологическое доминирование опиралось на систему взаимоотношений «старший брат» и «младший брат». Под «старшим братом» понимался советский народ, оказывавший масштабную экономическую и политическую помощь монгольскому народу в деле строительства социализма. Всё это подкреплялось тезисом В.И. Ленина о том, что: «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные степени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»²¹. В 1929 году между СССР и МНР был подписан «Договор о научных исследованиях», представлявший исключительные возможности советским учёным по изучению Монголии. Предполагалась организовать научные экспедиции по 11 направлениям исследований, включая геологию и экономическую географию. Советские учёные того времени подробно изучили Монголию, составили первые геологические карты и проекты освоения природных ресурсов. В начале 1930-х годов в СССР на фоне побед первой пятилетки возникла идея научной экспедиции, способной оценить перспективы строительства ГЭС на реке Селенга.

²⁰ История Монголии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. [Istoriya Mongolii XX vek (History of Mongolia in XX century). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2007.]

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 41. – М.: Издательство политической литературы. С. 246. [Lenin, V.I. Polnoe sobranie sochinenij (Full Collection). Vol. 41. P. 246.]

Возник проект строительства двух каскадов на территории Бурятской АССР, то есть в непосредственной близости к границе Монголии. Исследования института Гидроэлектротропект, проведенные в 1934 году, открыли огромный потенциал реки Селенга и её притоков²². Однако было принято решение отказаться от масштабного строительства крупных ГЭС в этом регионе. Официальной причиной было указана его хозяйственная нецелесообразность ввиду сравнительно небольшого количества потенциальных потребителей.

Предполагалось, что строительство ГЭС на Селенге обеспечит электричеством Забайкалье, Монгольскую Народную Республику и часть тогда ещё независимой Тувинской Народной Республики. Однако на протяжении длительного времени препятствием для этого были геополитические угрозы. Первоначально свернуть глобальные инфраструктурные проекты в данном регионе СССР вынудила активизация Японии в Манчжурии, а также создание под японским протекторатом Мэнцзяна (Монгол-го) – монгольского квазигосударства во Внутренней Монголии. Победа на Халхин-Голе позволила временно остановить японскую экспансию в этом направлении. Однако начавшаяся Вторая мировая война отвлекла советское руководство от масштабных инициатив по преобразованию экономики МНР²³. Поражение Японии в 1945 году и провозглашение в 1949 году Китайской Народной Республики существенно изменили основы регионального

политического порядка. Последовавшее за этим ухудшение советско-китайских отношений в конце 1950-х годов привело к тому, что регион Внутренней Азии стал рассматриваться как предполагаемый театр боевых действий. Началась масштабная милитаризация этого региона, а вслед за этим и централизация стратегических ресурсов в СССР²⁴.

В 1965 году на территорию МНР была введена группировка советских войск, одновременно с этим началось масштабное строительство промышленных объектов с массовым привлечением советских специалистов. Набравшее высокие темпы при поддержке СССР активное индустриальное развитие МНР привело к удвоению объёмов потребления электроэнергии каждую пятилетку. В связи с этим в 1960-е годы проблема обеспечения Монголии электроэнергией вновь стала важной. С 1965 по 1974 год советские исследовательские экспедиции определили на реках Монголии 27 мест, пригодных для строения гидроэнергетических сооружений²⁵. Однако от идеи строительства ГЭС было решено отказаться, ввиду близости к границе, следовательно, опасности техногенной катастрофы в случае войны. Основные каскады, производившие энергию, были размещены на территории Иркутской области (Ангарский каскад ГЭС). Одной из причин такого выбора стало то, что Ангара является единственной рекой, не питающей Байкал, а вытекающей из него.

Важным политическим контекстом того времени было обсуждение проекта «поворота сибирских рек». Планировалось создание в Сибири мощного ресурсного центра, обеспечивающего водой и энергией Центральную Азию. Этот, так и несостоявшийся по политическим причинам проект, на протяжении двадцати лет оказывал влияние на процессы освоения природы. В таких

²² Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.), СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. [Yusupova, T.I. Mongol'skaya komissiya Akademii nauk. Istoriya sozdaniya i deyatelnosti (1925-1953 gg.) (Mongolian Commission of the Academy of Sciences. History of Creation and Activity (1925-1953). SPb.: Izdatel'stvo "Nestor-Istoriya", 2006.]

²³ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

²⁴ Ibid.

²⁵ Одуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

условиях на территории Бурятской АССР была построена Гусиноозёрская ГРЭС, работающая на местном угле и по сей день поставляющая электроэнергию в Монголию. Вырабатываемой электроэнергии хватало, чтобы обеспечить ею приграничные районы СССР и Монголию²⁶. За данными политическими решениями стояла достаточно стройная система правового регулирования доступа к пресной воде.

Режим распределения водных ресурсов в эпоху социализма

В данном разделе будет рассмотрен процесс формирования и формализации норм, регулирующих отношения в сфере гидрополитики в изучаемом регионе. Региональный порядок во Внутренней Азии на институциональном уровне в период социализма выстраивался на основе многомерной нормативной системы, основанной на идеологии и праве. Выделенная Р. Давидом социалистическая правовая семья характеризовалась набором значимых общеродовых черт: «Руководители социалистических стран видят цель в создании общества нового типа, в котором не будет государства и права. По этой причине единственным источником социалистического права является революционное творчество законодателя, которое выражает волю народа, руководимого коммунистической партией»²⁷. Формировалось единое нормативное пространство, регулировавшее межгосударственные отношения от Берлина до Улан-Батора. Это обеспечивало важное условие для более тесной экономической и политической интеграции. Заключаемые в то время межгосударствен-

ные договоры стран СЭВ содержали в себе категории «братского интернационального содружества». Обеспечивавшие региональный порядок институты по обе стороны российско-монгольской границы были схожи и синхронизированы.

Процесс институционализации в сфере гидрополитики во Внутренней Азии приходится на начало 1970-х годов. Мы можем выделить две причины, под влиянием которых он был инициирован:

1) развитие международного законодательства в области водного права;

2) строительство ГЭС на реке Ангара.

В 1972 году в РСФСР (на территории которой находилось озеро Байкал) был принят «Водный кодекс». Вслед за этим в 1974 году в Монгольской Народной Республике был принят закон «О воде». В 1974 году между МНР и СССР был заключён договор, регулирующий использование трансграничных вод. В 1977 году под эгидой ООН прошла первая конференция, посвященная водным ресурсам. ООН была принята резолюция, согласно которой: «...все люди планеты имеют право на достаточное количество чистой питьевой воды для удовлетворения своих личных потребностей»²⁸.

Формирование институтов, регулирующих распределение пресной воды во Внутренней Азии проходило на протяжении целого десятилетия. 9 декабря 1988 года в г. Улан-Баторе было подписано соглашение «О сотрудничестве в области водного хозяйства на пограничных водах». Оно регулировало пользование приграничных рек, включая подземные воды, которые пересекала советско-монгольская граница. Однако в данном документе упускалось из внимания использование притоков, питающих трансграничные воды. Порядок пользования этими ресурсами остался внутренней прерогативой каждого государства²⁹.

²⁶ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

²⁷ Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967. [David, R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* (Basic Law-System of Modernity). Moscow: Progress, 1967.]

²⁸ Вода / Сайт ООН. Mode of access: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html>

²⁹ Советско-монгольские отношения. 1921-1974: Документы и материалы в 2-х томах. Том 2: 1941-1974: Часть II. М.: «Международные отношения»; Улаанбаатар: «Улсын хэвлэлийн газар», 1979. [Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921-1974: Dokumenty i materialy (Soviet-Mongolian relation. 1921-1974. Documents

Порядок распределения водных ресурсов эпохи социализма формировался в рамках системы отношений внутри т.н. «Восточного блока». Экономическая помощь, которую оказывали страны СЭВ Монголии снижала потребность в мобилизации региональных ресурсов. Плановая экономика того времени определяла границы и перспективы развития промышленности МНР практически без учёта мировой экономической конъюнктуры. Темпы развития водозатратной горнодобывающей промышленности в МНР, по сравнению с началом XXI века, были невелики. Сформированная система институтов достаточно эффективно регулировала отношения в сфере гидрополитики.

Водный режим и формирование новых институтов в переходный период

Уход Советского Союза из Монголии после демократической революции зимы 1989-1991 годов и последовавшая вслед за этим частичная деиндустриализация страны привели к сокращению потребления электроэнергии³⁰. При этом в политических условиях постсоциализма систематически предпринимались попытки сохранить некоторые значимые институциональные основы предыдущего периода. Особенно это касалось сотрудничества России и Монголии в сфере экспорта углеводородов и энергоресурсов, вырабатывавшихся приграничными ГЭС.

Формирование новых норм, регулирующих режим распределения воды, с одной стороны, опиралось на опыт предыдущего периода, с другой – было ориентировано на новации в международном праве. После распада СССР и СЭВ в странах бывшего социа-

листического лагеря начался процесс формирования законодательства нового типа. В 1992 году принимается новая конституция Монголии, основанная на принципах континентального права³¹. Для нашего исследования имеет значение одна её особенность: в статье 10 прописано, что Монголия соблюдает общепризнанные нормы международного права, в то же время в пункте 4 этой же статьи указано, что страна не соблюдает международные договоры, противоречащие национальной конституции³². Идея суверенитета монгольского народа стала основополагающим правовым принципом, в то время как остальные законы и международные договоры в иерархии норм были помещены ниже.

В 1995 году было заключено новое российско-монгольское соглашение, которое по сей день регулирует и регламентирует пользование трансграничными реками, однако, оно почти не затрагивает вопрос о многочисленных притоках реки Селенги. Этот договор определил основные правовые категории, которыми оперируют в настоящее время, в том числе в ходе дискуссий о ГЭС. Подписание соглашения 1995 года денонсировало договор между СССР и МНР о сотрудничестве в области водного хозяйства 1988 года и документ, регулировавший порядок использования и охраны бассейна реки Селенги от 1974 года. В связи с этим Великим Государственным Хуралом в 1995 году была принята вторая редакция закона Монголии «О воде». Подразумевалось, что в этой редакции закон отвечал новым политическим и экономическим реалиям в регионе³³. С этого момента из водного законодательства страны уходит лексика, харак-

and Materials). v 2-h tomah. Tom 2: 1941-1974: Chast' II. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya»; Ulaanbaatar: «Ulsyn hevlelijn gazar», 1979.]

³⁰ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

³¹ Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

³² Ibid. P. 94.

³³ Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011. [Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.]

терная для социалистической правовой семьи. Формируется дискурс, определяющий значение и пределы национальных интересов Монголии.

Параллельно шёл процесс формирования международных норм, регулирующих межгосударственные отношения по поводу пресной воды во Внутренней Азии. Создававшиеся нормы должны были ещё более укрепить систему гидрополитики в регионе. В 1996 году при активной поддержке России озеро Байкал, было включено в список мирового наследия ЮНЕСКО. Этот статус должен был обеспечить экологическую безопасность озера на международном уровне. Большое внимание уделялось и поймам рек, впадающих в Байкал, число которых достигает 336³⁴. Соответственно, пользование и распределение пресной воды из трансграничных рек должно было проводиться с учётом обеспечения экологии озера. Статус Байкала как объекта мирового наследия должен был гарантировать для России стабильно высокий сток воды из всех питающих его рек.

Сегодня сформированные в 1990-е годы нормы оказывают непосредственное влияние на развитие гидрополитики в регионе. Споры вокруг права на воду сталкиваются с институциональными ограничителями, регулирующими пределы возможного обсуждения проблемы. Ситуация развивается по сценарию возникновения нового регионального порядка, в основе которого будут иные нормы, нежели те, что были сформированы на паритетной основе в 1990-е годы. В рамках этого нового порядка будет изменена модель распределения водных и энергетических ресурсов. На данный момент допустимо обсуждать лишь контуры возможного порядка и то, как он повлияет на решение сложившейся проблемы.

Водный вопрос и контуры нового регионального порядка

За первые два постсоветских десятилетия Монголия уверенно встраивалась в систему экономических отношений в Северо-Восточной Азии. В стране формировалась

новая экономическая система. Закрывались ставшие нерентабельными предприятия времён социализма и в то же время возникали новые хозяйствующие субъекты. В условиях экономических реформ уровень потребления электроэнергии 1989 года был достигнут в Монголии лишь в 2007 году³⁵. Происходившие в 1990-е – начале 2000-х годов изменения привели к окончательному демонтажу регионального политического порядка советского периода. В течении 2000-х годов Монголия заявила о своих амбициях державы-поставщика природных ресурсов. За короткий срок страна существенно увеличила экспорт медного концентрата, золота, угля и нефти. Это привлекло инвесторов из Европы, Азии и Америки. Масштабное иностранное экономическое присутствие в Монголии сформировало запрос на обеспечение крупных горнодобывающих проектов инфраструктурой³⁶. При участии инвесторов из КНР в стране строятся новые автодороги, а в перспективе ожидается введение в строй железнодорожной ветки. При финансовой поддержке из Японии был построен международный аэропорт. Региональная система экономических отношений, сформированная вокруг советско/российско-монгольской Улан-Баторской железной дороги, связанной Транссибом с портами Дальнего Востока, постепенно уходит в прошлое. К началу XXI века Монголия осталась потребителем лишь российских энергоресурсов, в том числе углеводородов (при наличии в стране 2 крупных месторождений нефти)³⁷.

Новые объёмы потребления ресурсов обусловили необходимость в пересмотре су-

³⁵ Михалев А.В. Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // *Международные отношения*. 2016. № 4. С. 313-320. [Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.]

³⁶ Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

³⁷ Ibid.

³⁴ Ibid.

ществовавших норм. Формирование новой системы отношений проходило под влиянием двух ключевых трендов: национализма и интеграции с бурно развивающимися азиатскими экономиками. К концу 2000-х годов в Монголии оформилась доктрина ресурсного национализма, а также стремление к энергетической автаркии.

До наступления 2010-х годов вопрос о переделе сфер влияния в системе распределения водных ресурсов практически не поднимался. В 2013 году при поддержке всемирного банка Монголия начала реализацию проекта MINIS (*Mining Infrastructure Investment Support*). Среди его ключевых задач строительство целого ряда ГЭС на притоках реки Селенги для поддержки добывающей отрасли. Руководитель проекта Д. Одхуу указал, что соглашение 1995 года регулирует вопрос лишь о Селенге, а не о её притоках. Но если учитывать притоки, то правила, установленные двумя сторонами, охватывают 80% рек Монголии. Межгосударственное соглашение указывает на необходимость двустороннего согласования в вопросах принятия решений только в случае хозяйственного использования трансграничных рек³⁸.

Проект MINIS предполагает строительство целого ряда ГЭС: наиболее крупными считаются проекты Орхонской, Шурэнской и Эгийн-Гольской ГЭС. Необходимость строительства ГЭС аргументируется потребностью восполнить дефицит электроэнергии и сформировать независимую национальную энергосистему³⁹. Политическое обоснование строительства гидросооружений, помимо экономических аргументов, содержит значительный контент националистических риторик. В частности, монгольский активист Цогт Сан, обращаясь к своим российским оппонентам, заявил: «Вы думаете, что монголы настолько глупы, что убивают свою

собственную житницу (долину реки Селенги – прим. А.М.)? Я так не думаю. Наш народ намного старше всех славянских наций, взятых вместе, потому что только нации, которые научились жить вместе с природой, могут выжить. Байкал является священным для всех монгольских народов. Как вы думаете, мы будем заботиться об этом озере меньше, чем вы, новички»⁴⁰? В 2016 году между Россией и Монголией был заключён «меморандум о взаимопонимании по ГЭС на реке Эгийн-Гол». В рамках этого документа отмечалось, что российская сторона принимает к сведению заявление проектного руководства ГЭС о том, что строительство не требует согласования с РФ. Российское посольство в Монголии высказало категорическое несогласие с возведением каскада ГЭС без предварительной экспертизы российскими учёными, соответствующий запрос был направлен в ЮНЕСКО. Однако руководитель проекта ГЭС Д. Одхуу заявил: «Теперь у Монголии нет никаких барьеров продолжать строительство Эгийн-Гольской ГЭС»⁴¹.

В 2017 году 41-я сессия комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО приняла резолюцию о необходимости проведения совместной российско-монгольской трансграничной стратегической экологической оценки для любых проектов в области гидроэнергетики и использования водных ресурсов, которые могут оказать потенциальное воздействие на озеро Байкал. В решении особо подчёркивалось, что стратегическая оценка должна предшествовать и служить ориентиром для более детальных оценок воздействия на окружающую среду любых конкретных проектов в области гидроэ-

³⁸ Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Friends Of Russia's Lake Baikal Mark Small Victory Over Dam Project, Vow To Fight On / Radio Liberty. Mode of access: <https://www.rferl.org/a/russia-mongolia-baikal-dam-project-activists-environment-/28804304.html>

⁴¹ Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html [Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html]

нергетики и инфраструктуры⁴². В сентябре 2017 года были отменены тендеры на разработку технико-экономического обоснования проектов гидроузлов на притоках реки Селенга.

После резолюции ЮНЕСКО дискуссия о строительстве ГЭС сконцентрировалась на обсуждении проблемы расширения пустыни Гоби, и на проекте так называемой «зеленой стены», которая должна остановить опустынивание пастбищ Монголии. Для создания подобной «зеленой стены» также требуется масштабные затраты пресной воды. Основным источником обеспечения водой указанного зеленого пояса было предложено использовать водозаборы планируемых ГЭС. Однако после решительных протестов со стороны России и КНР данный проект был «заморожен».

В 2017 году политическое руководство РФ предложило увеличить масштаб поставок электроэнергии в Монголию по сниженной цене, за счёт строительства дополнительных ЛЭП и увеличения объёмов экспорта энергоресурсов из Иркутской области. Эти меры должны были сохранить водный баланс в регионе на прежнем уровне. Кроме того, такое решение предполагало сохранение status quo для позиций России во Внутренней Азии в целом. Но после победы в 2017 году на президентских выборах в Монголии Х. Баттулга возникла новая парадигма монгольской региональной политики. Ориентация на встраивание страны в масштабные инфраструктурные проекты суперсетей России и КНР привела к снижению накала вокруг проблемы ГЭС. Фактически в 2018 году этот вопрос исчез из политической повестки. В своём выступлении на IV Восточном экономическом форуме Х. Баттулга отметил: «Монголия, как страна с обширной территорией, может помочь снизить нагрузку в часы пик в Японии и Корее с её выработкой энергии из солнечных и ветровых источников за счёт использования сезонных и временных разниц, а также резервных ис-

точников энергии. Использование возобновляемых источников энергии, безусловно, будет приветствоваться потребителями во всех странах. Поэтому необходимо создать организацию с соответствующим участием Монголии, России, Китая, Японии, Южной и Северной Кореи, шесть стран, которые разделяют обязанности по успешному осуществлению проекта “Северо-азиатская суперсеть”. Организация должна сформулировать всеобъемлющую политику, объединив все предыдущие исследовательские работы для проекта и подготовив соответствующие соглашения и переговоры»⁴³.

Идея альтернативной энергетики, а также существенное снижение цен на российские энергоносители выдвинули на первый план другие задачи. Как отмечает американский эксперт А. Кэмп: «Россия ежегодно поставляет Монголии 25% электроэнергии (140-150 миллионов киловатт-часов). При этом за первые девять месяцев 2017 года поставки увеличились на 21,2% до 288 000 мегаватт-часов. В ответ на монгольские планы по строительству трёх ГЭС вдоль реки Селенги мощностью 315 мегаватт, 245 мегаватт и 100 мегаватт, в начале 2018 года Москва разработала предложение о более дешёвом решении проблемы, которое увеличило бы поставки электроэнергии из существующих ГЭС в Восточной Сибири. Новое соглашение включает долгосрочный контракт на увеличение объёмов по тарифу в 3,5 раза ниже ожидаемой цены на гидроэнергетику. Российский оператор электросетевой компании Россети предложил пятисот киловольтный трансграничный энергетический канал стоимостью 55 млрд рублей (972 млн долларов США), финансируя проект совместно с Россией, Монголией и Китаем. В настоящее время дочерняя компания Россети – оператор системы передачи Federal Grid Company – готовит

⁴² Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

⁴³ Попов А. Монголия, Китай и Россия: сетевое ускорение без монгольских ГЭС? // Плотина. Нет! Mode of access: <http://www.plotina.net/setevoe-uskorenie/> [Popov, A. Mongoliya, Kitaj i Rossiya: setevoe uskorenie bez mongol'skih GES? (Mongolia, China and Russia: Network Acceleration without Mongolian Hydropower Plants?) / Plotina. Net! Mode of access: <http://www.plotina.net/setevoe-uskorenie/>]

предварительное технико-экономическое обоснование, которое будет опубликовано в этом году»⁴⁴. Однако прямая зависимость монгольских гидропроектов от политических процессов даёт основания считать, что в краткосрочной перспективе возможна активизация дискуссии вокруг проблемы трансграничных вод уже в контексте решения проблемы масштабного опустынивания в стране.

* * *

Вопрос о водных ресурсах, возникший во Внутренней Азии в начале XXI века, в перспективе может быть поднят ещё не единожды. Дело в том, что в регионах, территориально граничащих с большими пустынями, проблема водоснабжения всегда была очень острой. В условиях масштабно развивающейся горнодобывающей отрасли Монголии может быть два её решения. Первое – монополизировать доступ и поставить под контроль имеющиеся реки и их притоки. Второе – включиться в региональные макропроекты, инициированные Россией и Китаем, и получить доступ к их ресурсам по демпинговой цене. Эти решения формируют дилемму выбора между политической и экономической рациональностью, между экономической автаркией и региональной интеграцией. На современном этапе гидроконфликт удалось остановить благодаря целому комплексу внешнеполитических решений, инициированных из России. Однако в 2019 году в Монголии предпринималось несколько попыток вернуться к реализации проектов ГЭС.

Институциональный анализ, проведённый в ходе исследования свидетельствует о том, что норма и модели её интерпретации находятся в прямой зависимости от целого ряда факторов. Идеи, ценности, а также инфраструктурные макропроекты влияют как на представление о политическом миропорядке, так и на уровень потребления природных ресурсов. Право на воду и связан-

ная с ним проблема легитимности системы контроля над водными ресурсами – это два наиболее динамично меняющихся фактора. Находясь в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в отдельно взятой стране, они могут быть оспорены или пересмотрены в одностороннем порядке.

На современном этапе модель национальных интересов и примата национального права над международным оказалась успешно сбалансированной благодаря идее макрорегионального развития. Эта идея привела к снижению приоритета национальных задач перед региональными под гарантии будущих выгод от реализации проекта азиатских суперсетей. В результате этого контуры будущего регионального порядка стали более определённым, вслед за этим наметились перспективы для окончательного решения водного кризиса.

Литература:

- Баабар Б.* О бедности в Монголии / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>
- Белозёров В.К.* Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 150-160.
- Белькова А.А.* Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117-121.
- Боришполец К.П.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 25-38.
- Вознесенский А.И.* Энергетические ресурсы реки Селенги // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск, 1934, 11 декабря.
- Галданова Ж.* Китай отказал Монголии в гидроэнергетическом кредите, беспокоясь о России / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/12957/>
- Давид Р.* Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967.
- Данилов-Данильян В.И.* Глобальный водный кризис и роль России в его разрешении // Геополитические исследования. 2009. № 1. С. 54-68.
- Жильцов С., Зон И.* Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. Т. 14. С. 49-61.
- История Монголии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
- Куртов А.А.* Центральная Азия: водные артерии как новые узлы противоречий / Центральная Азия: проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая. М.: РИСИ, 2013. С. 155-199.
- Межправительственные соглашения по трансграничным водам, заключённые государствами Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (ВЕКЦА). Ташкент: МКВК, 2008.
- Михалев А.В.* Борьба за воду – перспективы гидроконфликтов во Внутренней Азии // Международные отношения. 2016. № 4. С. 313-320.

⁴⁴ Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью. Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html

Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 44-54.

Советско-монгольские отношения. 1921-1974: Документы и материалы в 2-х томах. Том 2: 1941-1974: Часть II. М.: «Международные отношения»; Улаанбаатар: «Улсын хэвлэлийн газар», 1979.

Сосорбарам М. В Монголии стартует строительство турецкой ГЭС / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/11875/>

Сосорбарам М. Медведев и Элбэгдорж начали переговоры с вопроса о Байкале / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/13007/>

Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.), СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006.

Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // Nature, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

Ebert, H.; Flemes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

Mirumachi, N. Transboundary Water Politics in the Developing World. London: Routledge, 2015.

Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.

Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.

Starr, J.R. Water Wars // *Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.

References:

Amarsanaa, J. Constitutionalism and Constitutional Review in Mongolia. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.

Baabar, B. O bednosti v Mongolii (About Poverty in Mongolia) / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>

Barnaby, W. Do Nations Go to War over Water? // Nature, 2009, Vol. 458, pp. 282-283.

Bel'kova, A.A. Istoricheskij institucionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyah (Historical Institutionalism – New Branch in Historical Researches) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 7, pp. 117-121.

Belozorov, V.K. Strasti po vode (Passion for Water) // *Rossiya v global'noj politike*, 2009, No. 3, pp. 150-160.

Blunt, P. Whose Resources Are They Anyway? 'Development Assistance' and Community Development Agreements in the Mongolian Mining Sector // *Progress in Development Studies*, 2014, No. 4, pp. 383-399.

Borishpolets, K.P. Vodno-energeticheskie problemy Central'noj Azii: vozmozhnye puti resheniya (Central Asian Hydropower Problems: Opportunities and Solutions) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, No. 3, pp. 25-38.

Campi, A. Mongolia Links Gas Transit Pipeline to Asian Super Grid Negotiations / The Jamestown Foundation. Mode of access: <https://jamestown.org/program/mongolia-links-gas-transit-pipeline-to-asian-super-grid-negotiations/>

Danilov-Danil'yan, V.I. Global'nyj vodnyj krizis i rol' Rossii v ego razreshenii (Global Water Crisis and Role of Russia in Its Resolution) // *Geopoliticheskie issledovaniya*, 2009, No. 1, pp. 54-68.

David, R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (Basic Law-System of Modernity). Moscow: Progress, 1967.

Demand in the Desert: Mongolia's Water-Energy-Mining Nexus. NY: Asian Development Bank, 2014.

Ebert, H.; Flemes, D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Rising Powers Quarterly*, 2018, No. 1, pp. 7-23.

Galdanova, Zh. Kitaj otkazal Mongolii v gidroenergeticheskom kredite, bespokoyas' o Rossii (China Denied Mongolia a Hydropower Loan, Worrying about Russia) / ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/12957/>

Istoriya Mongolii XX vek (History of Mongolia in XX century). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2007.

Kurtov, A.A. Central'naya Aziya: vodnye arterii kak novye uzly protivorechij (Central Asia: Water Arteries as New Knots of Contradictions) / Central'naya Aziya: problemy i perspektivy. Vzgl'yad iz Rossii i Kitaya. Moscow: RISI, 2013. Pp. 155-199.

Lieberman, R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*, 2002, Vol. 96, No. 4, pp. 697-712.

Mezhpravitel'stvennyesoglasheniya potransgraničnym vodam, zaklyuchennye gosudarstvami Vostočnoj Evropy, Kavkaza i Central'noj Azii (VEKCA) (Intergovernmental Agreements on Transboundary Waters Concluded by the States of Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia). Tashkent: MKVK, 2008.

Mikhalev, A.V. Bor'ba za vodu – perspektivy gidrokonfliktov vo Vnutrennej Azii (Struggle for Water – Hydro-Conflict Perspective in Inner Asia) // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, No. 4, pp. 313-320.

Mirumachi, N. Transboundary Water Politics in the Developing World. London: Routledge, 2015.

Mosello, B. Water in Central Asia: a Prospect of Conflict or Cooperation // *Journal of Public and International Affairs*, 2008, Vol. 19, pp. 151-174.

Odhuu, D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yū (Mongolian Water – Russian Water. Interview). Mode of access: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html

Peyrouse, S. The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2007, Vol. 5. No. 2, pp. 131-148.

Rogozhina, N.G. Konfliktnyj potencial vodnyh resursov Central'noj Azii (Conflict Potential of Water Resources in Central Asia) // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2014. No. 1, pp. 44-54.

Sosorbaram, M. Medvedev i Elbegdorzh nachali peregovory s voprosa o Bajkale (Medvedev and Elbegdorzh Began Negotiations with the Issue of Lake Baikal) // ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/13007/>

Sosorbaram, M. V Mongolii startuet stroitel'stvo tureckoj GES (Mongolia Starting Build Turkish Hydro Plant) // ARD. Mode of access: <http://asiarussia.ru/news/11875/>

Sovetsko-mongol'skie otnosheniya. 1921-1974: Dokumenty i materialy (Soviet-Mongolian relation. 1921-1974. Documents and Materials). v 2-h tomah. Tom 2: 1941-1974: Chast' II. Moscow: «Mezhdunarodnye

otnosheniya»; Ulaanbaatar: «Ulsyn hevlelijn gazar», 1979.

Starr, J.R. *Water Wars // Foreign policy*, 1991, No. 82, pp. 17-36.

Tsyrenova, T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti ohrany i ispol'zovaniya transgranichnyh vod (Cooperation of Russia and Mongolia in the Field of Protection and Use of Transboundary waters). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.

Voznesenskij, A.I. Energeticheskie resursy reki Selengi (Power Sources of Selenga) / Buryat-Mongol'skaya pravda. Verhneudinsk. 1934. 11 dekabrya

Yusupova, T.I. Mongol'skaya komissiya Akademii nauk. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti (1925-1953 gg.) (Mongolian Commission of the Academy of Sciences. History of Creation and Activity (1925-1953). SPb.: Izdatel'stvo "Nestor-Istoriya", 2006.

Zhil'cov, S.; Zon, I. Bor'ba za vodu (Struggle for Water) // *Indeks bezopasnosti*, 2008, No. 3, pp. 49-61.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048

REGIONAL ORDER AND TRANSFORMATION OF WATER REGIME IN CONTEMPORARY INNER ASIA

Alexey V. Mikhalev

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 07.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 12.10.2019</p>	<p>Abstract: This paper is a study of water-sharing disputes in Inner Asia. The focal point is the issue of fresh water-sharing in the conditions of regional post-Soviet political order. The article is an attempt to verify a hypothesis: is there a correlation between hydro power control system and regional political order? We study the relations between Russia, China, and Mongolia that deal with transboundary rivers which flow into Lake Baikal. This lake is the world's biggest fresh-water lake and is under protection by the UNESCO. The proposed paper is centered around the idea that institutional conditions influence the legitimization of rights on hydro reserves. The research is based on the methods of neo-institutionalism which is used to study the regional political order. The empirical basis of the paper is made up of legal acts on the distribution of transboundary waters, speeches of Russian and Mongolian statesmen, official statistical data, ecological monitoring data, and regional mass-media data. Our basic conclusion: the processes undergoing in Inner Asia could lead to a new political order in the foreseeable future. The ideas, values, and infrastructural macro-projects can change both the balance of power in the region and the level of water consumption. The arising ecological problems therefore become politicized.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, BSU e-mail: mihalew80@mail.ru</p>	<p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with the support of the RFBF and ANO EISI within the framework of the scientific project No. 19-011-31130 "Russian Frontier of Inner Asia: Old Borders, New Contradictions".</p>
<p>Key words: hydro-conflicts; Inner Asia; institutes; political order; border; power; regional order</p>	<p><i>For citation:</i> Mikhalev, Alexey V. Regional'nyy porjadok i transformatsiya transgranichnogo vodnogo rezhima v sovremennoy Vnutrenney Azii (Regional Order and Transformation of Water Regime in Contemporary Inner Asia) // <i>Comparative Politics Russia</i>, 2019, No. 4, pp. 155-167.</p>

Для цитирования: Михалев А.В. Региональный порядок и трансформация трансграничного водного режима в современной Внутренней Азии // *Сравнительная политология*. – 2019. № 4 – С. 155-167.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048

For citation: Mikhalev, Alexey V. Regional'nyy porjadok i transformatsiya transgranichnogo vodnogo rezhima v sovremennoy Vnutrenney Azii (Regional Order and Transformation of Water Regime in Contemporary Inner Asia) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 155-167.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10048

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XII КОНВЕНТ РАМИ. КРУГЛЫЙ СТОЛ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ И ПОДЪЕМ КИТАЯ»

21 октября в МГИМО в рамках XII Конвента РАМИ прошел круглый стол «Региональные порядки и подъем Китая», организованный Центром комплексного Китаеведения и региональных проектов при информационной поддержке журнала «Сравнительная политика».

В круглом столе приняли участие более 70 экспертов из ведущих образовательных и научно-исследовательских учреждений: Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН, Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН, Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова, Института США и Канады РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Дальневосточного федерального университета, Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, Российского университета дружбы народов, Института экономики РАН, Бурятского научного центра СО РАН, Российского института стратегических исследований, Уфимского государственного нефтяного технического университета, Национального комитета по исследованию БРИКС, Новосибирского государственного технического университета, Института политического и военного анализа, МГИМО, а также представители МИД России и Великобритании.

Во время круглого стола «Региональные порядки и подъем Китая», в качестве модератора которого выступил директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения А.Д.Воскресенский, эксперты обсудили широкий спектр вопросов: что такое «китайский фактор», с помощью какой методологии и каких исследовательских и аналитических инструментов оценивать подъем Китая и «китайский фактор», как проводить практический международно-политический анализ «китайского фактора»; оценивать методологию и практику регионализма; региональные порядки и региональные проекты Китая; вопросы геополитики и геоэкономики «Большого Китая» и китайских «периферийных зон»; успехи, вызовы и риски развития Китая; российско-китайское сотрудничество.

После каждого блока проблем модератор круглого стола проводил краткую дискуссию и ее обобщение с постановкой проблем для дальнейшего анализа. Особенно острую дискуссию вызвали вопросы о том, какую методологию и исследовательский инструментарий следует использовать для анализа развития и политики Китая, каким образом избежать идеологической предвзятости и добиться объективности научного анализа, как оценивать действительные цели китайской стратегии, какие модели мирового и регионального порядка могут сформироваться в будущем, следует ли считать новую bipolarность неизбежностью или же конкурентный полицентризм предпочтительнее жесткого мирового размежевания по политическим, экономическим и технологическим сферам, какова может быть роль России в новых структурных и геополитических конфигурациях и какие отношения с Китаем необходимо выстраивать в связи с этим.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Вышла в свет большая коллективная монография «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» под редакцией директора Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО профессора А.Д. Воскресенского.

Книга посвящена комплексному анализу проблем развития современного Китая. Коллектив авторов, анализирующий основные измерения современной модели развития КНР, охватывает практически все ведущие подразделения современного китаеведческого профиля Москвы и Петербурга и представлена четырьмя поколениями российских исследователей, а также известными китайскими исследователями.

Автором вступительной статьи выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР профессор Юй Хунцзюнь.

В коллектив авторов вошли А.Д. Воскресенский (МГИМО), А.В. Ломанов (МГИМО / ИМЭМО РАН/ ИДВ РАН), С.В. Кривохиж (НИУ ВШЭ – СПб), К.А. Санин (ИДВ РАН), Ю.М. Галенович (ИДВ РАН), А.В. Виноградов (МГИМО /РУДН/ИДВ РАН), Е.Н. Румянцев (РИСИ), Д.А. Борисова (АО КБ «Солидарность»/МГИМО), М.А. Солощева (НИУ ВШЭ – СПб), А.П. Бореев (МГИМО), Я.В. Лексютина (СПбГУ), Н.Ю. Сеньюк (НИУ ВШЭ), М.В.Карпов (НИУ ВШЭ), В.В. Кузнецова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Цяо Чжэнь (Хэйлунцзянский университет КНР), П.М. Мозиас (МГЛУ / НИУ ВШЭ), Д.Ю. Таганов (МГИМО / МИД РФ), О.А. Тимофеев (РУДН), Ю.А. Рыбина (МГИМО), Д.А. Кузнецов (МГИМО), С.И.Лунев (МГИМО/ НИУ

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

ОЦЕНКИ, ДИСКУССИИ,
ПРОГНОЗЫ

Под редакцией
профессора
А.Д. ВОСКРЕСЕНСКОГО

ВШЭ), К.А. Ефремова (МГИМО), Цзинь Хуэйсинь (журнал «Изучение России», КНР), М.Б. Башкиров, М.Ю. Велижанина, Д.Д. Максимова (СВФУ им М.К. Аммосова), А.А. Киреева (МГИМО), К.А. Ананьина (МГИМО), С.В. Новосельцев (МГИМО/МИД РФ), Е.В. Колдунова (МГИМО), С.А. Торопцев (ИДВ РАН), В.В. Сухомлинова (МГИМО), А.Ю. Белогуров (МГИМО)

Рецензентами издания выступили заслуженный деятель науки профессор Е.П. Бажанов и заслуженный работник дипломатической службы России профессор А.Н.Панов. Книга допущена ФУМО по востоковедению и африканистике в качестве учебного пособия для студентов вузов.

Рекомендуется для политиков и дипломатов, исследователей современного Китая, преподавателей и студентов вузов (востоковедов, регионоведов, политологов и международных), а также для широкого круга читателей, интересующихся современной внешней и внутренней политикой КНР.

Содержание книги

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Предисловие. А.Д.Воскресенский

Вступительная статья

Юй Хунцзюнь. Руководящие идеи дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху

Глава 1. Эволюция современной модели развития КНР

Внешнеполитическое измерение

Глава 2. Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина

Глава 3. «Мягкая сила» КНР: концептуальные основы и практические инструменты

Глава 4. «Сообщество единой судьбы человечества» как внешнеполитическая инициатива

Глава 5. 19 съезд КПК и будущее российско-китайских и китайско-американских отношений

Внутриполитическое и социальное измерения

Глава 6. Теория Си Цзиньпина

Глава 7. Кадровая политика современного руководства КПК

Глава 8. Социальное неравенство как фактор риска для развития КНР

Глава 9. Политика КНР в отношении национальных автономных районов

Глава 10. «Китайский фактор» в глобальном и региональном измерениях

Экономическое измерение

Глава 11. Пределы экономической мощи Китая и перспективы китайского глобального экономического лидерства

Глава 12. Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР

Глава 13. Экономика Ли Кэцзяна: демонтаж инвестиционно-затратной модели экономического роста

Глава 14. Финансы домашних хозяйств и экономический рост в КНР

Глава 15. Логика политической ориентации управления предложением в китайской экономике

Глава 16. Перспективы китайской экономики: между «новой эпохой» и «ловушкой среднего уровня доходов»

Глава 17. Эволюция региональной экономической политики КНР

Региональные аспекты политики КНР: ответы на внутренние и внешние вызовы

Глава 18. Современные китайско-американские отношения: институты, механизмы и приоритеты

Глава 19. КНР и ЕС: прагматика взаимовыгодного сотрудничества

Глава 20. КНР в трансрегиональной архитектуре БРИКС

Глава 21. Политика КНР в отношении Южной Азии и реакция Индии

Глава 22. Китай и Россия в рамках БРИКС: практика дипломатического сотрудничества

Глава 23. Новые тенденции в развитии Дальнего Востока и сотрудничество между Китаем и Россией: взгляд из Китая

Глава 24. Сотрудничество России и КНР в развитии Дальнего Востока России: взгляд из России

Геополитика региональных проектов КНР

Глава 25. Инициатива «Один пояс один путь»: содержание, причины выдвижения, значение

Глава 26. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» и позиция Индии

Глава 27. КНР и территориальные споры в Южно-Китайском море

Глава 28. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии

Глава 29. Поиск нового стратегического баланса странами Юго-Восточной Азии и фактор Китая

Культура, историческая самоидентификация, образование

Глава 30. Этнопсихологическая модель китайской культуры

Глава 31. Конфуцианство как инструмент форматирования самоидентификации Китая в политическом курсе Си Цзиньпина

Глава 32. Приоритеты образовательной политики КНР и России в современных условиях социокультурных трансформаций

Заключение. А.Д. Воскресенский

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru), или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
 - поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
 - все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
 - фамилия, имя, отчество автора(ов);
 - резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
 - ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
 - основной текст статьи;
 - информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
 - заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
 - имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);
- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в списках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.